

ПЕТР КУРАКИН

ГОРЯЧИЕ

СЕРДЦА

Рс

к-93

К582258

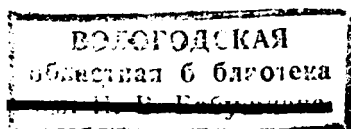

ПЕТР КУРАКИН

ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА

Повесть

582258

Л Е Н И З Д А Т 1967

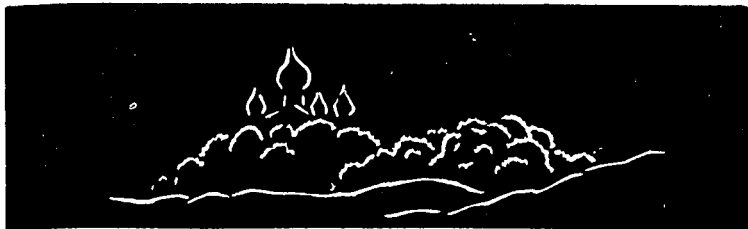
Тяжелая, но в то же время и необыкновенная судьба выпала на долю героя этой книги — питерского паренька Артемки, сына рабочего Металлического завода, подпольщика-большевика. После ареста отца жандармы отправляют Артемку в сиротский приют, где подростка прибирает к рукам жадный до денег и безжалостный вологодский предприниматель — гробовщик... Страшная опасность угрожает Артему Клевцову — опасность физической или нравственной гибели в обстановке бесчеловечного мещанского мира, где над всем властвует одна страсть — жажда обогащения. Но жизнь юноши, незримо для него, направляют, оберегают отцовские друзья-революционеры, не прекращающие борьбы с царизмом. Забитый и слабый приютецкий мальчишка, пройдя суровую школу завода и армии, обретает крепкие крылья, становится партийцем, чекистом, участником Октябрьских боев и гражданской войны...

П. Г. Куракин, уже известный читателю по книгам «Жизнь побеждает» и «Кипучие годы», сам прошел путь сурового детства, боевой рабочей и комсомольской юности. Партийный работник, руководитель советского предприятия, а в годы Великой Отечественной войны — комиссар, — таков его славный жизненный путь. Тяжелое ранение на фронте и паралич лишили его возможности передвигаться, но это не помешало ему стать литератором.

Молодежь наших дней должна знать героическое прошлое своих отцов. Ей и адресуется в первую очередь эта повесть.

Первая, вторая и третья части под общим названием «Позову сердца» были опубликованы издательством «Детская литература» и печатаются здесь в переработанном виде.

Литературную помощь автору в его работе над повестью оказал А. В. Амстердам.

Ч А С Т Ь I

С Г О В О Р

Неподалеку от губернского города Вологды, около села Широкова, стоит старинный монастырь. За высокой, окрашенной в голубой цвет монастырской стеной, среди буйной листвы клеиов, далеко видны две большие, о пяти луковках-маковках, церкви. Здесь же высятся каменный дом с узкими оконцами и различные постройки-службы, а за ними огромный яблоневый сад — весьма доходная статья для обитающей в монастыре братии.

На рассвете сад пахнет особенно свежо. Порывистый ветер трясет верхушки деревьев, и с них тяжело падают яблоки. Спелые плоды ударяются о землю, и на их желтых боках начинают расплываться большие темные круги. Тронешь зубами побитое место — и брызнет белый, сладкий, вкусно пахнущий сок.

Под солнцем сад курится теплым туманным маревом, и кажется, что яблони запутались своими верхушками в густой серой паутине.

Садовником в монастыре был монах Ферапонт. Во хмелю он любил петь, становился многоречивым и

жалостливым, выкрикивал: «Эх, где ж ты, молодость моя?»

Единственным слушателем монаха был взятый из сиротского приюта парнишка по имени Артемка, долго-вязый, с большой головой на тонкой шее, с не по-детски печальными, внимательными глазами. Артемка всегда держался настороже, как слабый, неокрепший, но готовый к драке зверек. Ферапонту он нравился своей понятливостью и молчаливым послушанием.

Вот и сегодня монах, бродя по саду, издали наблюдал, как Артемка собирал в подол упавшие за ночь яблоки, выпутывая их из цепкой травы. Незаметно подойдя ближе к мальчику, Ферапонт вдруг громко зашел:

На том ли острове высоком
Стоит богатый монастырь.
Спасался юноша прекрасный,
Угрюмый молодой монах...

Артемка, вздрогнув от неожиданности, разогнулся и выронил яблоки. Ферапонт, довольный, что ему удалось напугать мальчика, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Корзину с яблоками к Мелитине отнесешь. Да чтоб в сумерки Мелитина через лаз в гости пришла. Понял?

Артемка кивнул и спросил:

— А если игумен дознается?

Ферапонт, не ожидавший такого вопроса, удивленно поглядел на Артемку, потом расхохотался, доставая огромный красный платок.

— Игумен? Да он у меня вот где, — монах сжал пальцы в кулак и протянул его Артемке. — Весь здесь... Он, ракалия, в тыщу раз хуже меня. Понял? Да только умеет концы в воду прятать. А меня, брат, не объедешь. Игумен меня пуще черта боится.

За долгие годы, проведенные в монастыре, Ферапонт в досталь пасмотрелся на жизнь всей монашеской братии. Сам он уже давно не верил в бога, хотя и притворялся верующим, как и многие другие. Ферапонт не верил и людям, не любил их.

— Правильно в Библии написано, — сказал он как-то Артемке, — что господь создал людей из грязи. Грязь они и сейчас. Понял?

— Зря вы это... Не все люди грязь... — шмыгнув по-

сом, тихо ответил Артемка, вспомнив при этом своего отца и дядьку Ерофея из Широкова. — Есть такие, что и вправду грязь, а есть и другие.

Монах рассердился:

— Ты брось возражать! Кому возражаешь?! Какое у тебя может быть понятие о людях? Что ты видел, что знаешь?.. Одним словом — приютский!.. Ну, чего на меня уставился?..

— Смотрю, — не без ехидства заметил Артемка, — про себя бог весть чего говорите, будто вы грязь...

— Ишь ты, щенок, как вывел-то!.. Нет, Артемка, я не грязь. Я есть человек страждущий и униженный. А мог бы быть другим! Да не судьба. А потому я три вещи только и признаю: сад этот, водку да... — Он не договорил, подмигнул и громко засмеялся, оскалив свои крепкие, на редкость белые зубы. — Ничего-то ты не понимаешь, — оборвал смех Ферапонт. — Тебе еще без порток бегать положено. Ну, чего глазищи-то уставил?

— Зубы у вас хорошие...

— Зубы, говоришь? Зубы у того нлохие бывают, кто сладко ест и пьет. А я, брат, в деревне жил... — Он уселся поудобней на охапку сена и, щуря глаза, начал рассказывать о деревенской жизни, не интересуясь, слушает ли его Артемка.

— Батя у меня был, царство ему небесное. Он-то меня в монастырь и упрятал, чтоб, значит, я его грехи отмаливал. Силы он был непомерной, и вся сила у него в брюхе была. Перепояшет, бывало, вожжами живот, натужится — п лопнут вожжи, ровию нитки. За это самое и водили его куицы по трактирам, поили водкой, а он им на потеху вожжи рвал. Однажды ему так стиснули живот вожжами, что из горла юшка пошла: от натуги, значит, жила лопнула. Всего пять дён после этого протянул, но успел меня в монахи определить. Жепиться я тогда собрался, он, не спросясь, на бoге меня и оженил. Вот какой у меня был отец... Да и у тебя не лучше!

Ферапонт, прищурясь, посмотрел на приютского и продолжал:

— Я ведь про твоего родителя все вызнал. Против царя он пошел, нехорошо это. Считаю, погиб человек. И сиротину оставил. Кому хуже? Себе самому да еще тебе вот. Игуменя-то наш, слуга божий, работничков ловит на дармовщинку; вот тебя и взял из приюта, приста-

вил к делу за хлеб да за квас. Только повезло тебе, что ко мне в сад попал... Ну, а сейчас иди, скажи Мелитине: ждет, мол, и очень страдает...

Когда Артемка кончил укладывать в корзину яблоки, монах уже шумно храпел. Спал Ферапонт так, что хоть из пушки стреляй — не добудушья. Храпел громко, заливаясь.

Артемка отошел к высокой стене, вложил два пальца в рот и свистнул. Сразу же послышался ответный свист, и вскоре на гребне стены показались приютские ребята.

— Залег надолго, боров, — сказал Артемка приятелям, не испытывая никакого ночтения к монаху, — но все же осторожнее. Веток не ломайте. Ну, начали, а я его постерегу.

Приютские рассыпались по саду, стараясь не очень-то удаляться от стены, чтоб в случае тревоги сразу же спастись бегством. Для них, голодных и озорных, возможность поживиться яблоками, да еще монастырскими, да еще под страхом попасться, была особенно заманчива. Они верпли Артемке: уж он не прозеваает, если что — вовремя подаст сигнал...

Ребята забрались на деревья, нагибали ветки, выбирая яблоки получше, покрасивее. Ели, совали в карманы, за пазуху, не чурались и паданцев, — паданцы даже послаще. Когда наелись вдосталь да еще и запаслись порядком, стали уходить — кто перебрался через стену, кто через лаз. А монах все спал, сладко похрапывая.

Когда все ушло, Артемка взял заготовленную для Мелитины корзину и пошел к лазу в стене. Поставив корзину на землю, подошел к небольшой, еще не плодоносящей яблоньке, любовно осмотрел ее и сиял со ствола и листьев гусениц. Острым концом подобранной в саду палки разрыхлил вокруг ствола землю.

Мальчик с нетерпением ожидал, когда его яблонька даст первые плоды.

Он снова поднял тяжелую корзину, через лаз в стене выбрался в поле и быстро пошел к селу.

* * *

Дом Мелитины стоял на косогоре. Строил дом ее покойный муж — владелец шорной мастерской, лавки на два раствора и кузницы. Скупой и прижимистый старик,

здесь он расщедрился и выстроил дом всем на удивление. Особенно изумляла всех пышная резьба на наличниках и колонны, поддерживавшие крыльцо.

Старик был крепкий, пикогда не болел, и вдруг в день именин Мелитины помер.

Следователь и врач, прпехавшие из губернии, проводили дознание. Они прожили в новом доме неделю и уехали. Мелитина после рассказывала бабам, что доктор установил смерть от винного удушья. Однако людская молва утверждала иное. Странную кончину шорника связывали с важным событием: брат Мелитины открыл в Вологде магазин — торговлю гробами.

Артемка всегда уходил от богатой вдовы сытый: она угощала его остатками мясных щей, а иногда и жареной картошкой. Бывая в Широкове, прислушиваясь к разговорам широковских баб, Артемка искренне удивлялся: почему никто не любит Мелитину? Феропонт, которому он высказал свое недоумение, задумчиво почесал большой нос и неуверенно ответил:

— Так ведь завистлив народ. Богатству ее завидует. А что она крутенька — так это у них вся семья такая. От бога характер человеку дан. Понял?

Ничего не понял тогда Артемка, но думать об этом перестал: от бога так от бога.

Он шел в село через монастырское поле по давно знакомой тропке, проложенной среди ржи. У самого села неожиданно наскочил на Мелитину. Завидев его, она прошептала сдавленным голосом: «Тише!» — и Артемка замер...

Впереди в овине о чем-то спорили мужики. Он не сразу разобрал слова: «...это еще поглядим... Отродясь она наша. До того пугмен разъелся, что в ворота не пролазит, а все мало ему...»

— О чем это они? — шепнул Артемка.

— Молчи, не твое дело. О Приречье спорят. (Так в Широкове называли залпной луг, дававший богатые укосы.) Ладно. Яблоки принес? Идем...

Они обошли овин стороной, поднялись на косогор, подошли к дому.

— Заходи, что ли. Чего тебе обратно-то бежать. Праздник завтра — погуляешь...

Открыв в доме вторые двери, Мелитина тихонько ойкнула. До мальчика донеслись короткий, дребезжащий смешок и слова:

— Что, не ждала? Так-так-с...

Артемка несмело подошел к двери и заглянул в комнату. За столом сидел похожий лицом на Мелитину мужчина лет пятидесяти. В отличие от хозяйки, он был невысокого роста и тощ; на щеках висела дряблая кожа, и когда он сменялся, повторяя свое «так-так-с», кожа судорожно дрожала.

— Или, часом, не рада братцу? — допытывался гость. — Я уж тут, не взыщи, все твое хозяйство осмотрел. Справная ты, Мелита, баба. Тебе бы еще мужика хорошего иайти. Кого там за синной-то хоронишь?

Мелитина позвала приютского мальчика, и он робко вошел в комнату. Гость дробно рассмеялся, кожа на щеках задрожала еще сильнее.

— Вот так мужик!.. Ну, что, поцелуемся, может, сестра?

— Поцелуемся, — нехотя согласилась Мелитина. Она трижды поцеловалась с братом, хмуро взглянула на стоявшую возле двери батрачку Дашку, и та пулей вылетела из комнаты.

— Сейчас на стол соберет.

— Что ж, это хорошо, — одобрительно кивнул гость. — Брата уважать надо, почитать.

— Ты за почетом и приехал?

— Не дерзн, Мелитина!

— Или, может, сильно соскучился? — не унималась Мелитина. — Считаю, аккурат с прошлого спасова дня не виделись.

Она стояла перед братом, подперев руками жирные бока, чувствуя власть над ним.

— С тобой говорить, что против ветра плевать, — проворчал гость. — Все равно обратно в морду попадет. Эх!..

Мелитина, усмехнувшись, села за стол. Артемка мялся на пороге, не зная, уйти ему или остаться, — не приведи господи обидеть хозяйку, тогда влетит от Ферапонта по первое число. Он стоял, робко переминаясь с ног на ногу.

— Или, может, должок привез? — тем же ехидным тоном продолжала спрашивать Мелитина. — Неужто разбогател, Модест Донатович?

Гость хмуро молчал. Потом махнул рукой и глухо ответил:

— Какое там! Ты уж потерпи еще с годик, Мелита, вот те крест, отдам. А я сюда в приют за мальчишкой прпехал, мальчонка в мастерской нужен. Городские-то не шибко идут, сама знаешь. А здесь... — он быстро взглянул на Артемку. — Ну, а ты чего уши развесил? Подь отсюда! Ты чей будешь-то?

— Оставь, — лениво остановила его Мелитина. — Нпчей он, приютский. В монастыре прислуживает.

Артемка уже было переступил через порог, собравсь уйти, когда сзади проскрипел Модест Донатович:

— Постой, я тебе говорю! Тебе сколько платят?

— Да ничего ему не платят, — все так же лениво объяснила Мелитина. — Я же тебе сказала — приютский. За харчи взят.

— Так-так-с, — оживился Багров. — А три рубля в меснц хочешь? Харч мой, да не какой-нибудь там монастырский, а с наваром. А? И работа нетрудная. И к делу пристанешь, а?

Мелитина быстро подняла руку, но тут же опустила ее. Артемка не понял, что она хотела сказать этим движением, — видимо, не желала ссориться с братом. Три рубля! Он почувствовал, что у него перехватывает дыхание. Никогда он не держал в руках столько денег. А что, если... И мысль словно обожгла его: он накопит побольше денег, узнает, где отец, и поедет к нему или пошлет ему свои накопленные рубли по почте.

Когда Модест Донатович нетерпеливо спросил: «Ну, как?» — мальчик ответил, глядя в сторону:

— Так я что, Ферапонт отпустит ли...

— Это уже моя забота, отпустит или нет. В город поедешь. В городе-то бывал?

— Я питерский, — тихо ответил Артемка.

— Скажи на милость! В общем, сейчас кати отсюда, а завтра приходи, — строго приказал гость.

Артемка взглянул на Мелитину. Та сидела не шевельнувшись. Пожалев о том, что щей сегодня не дадут, он вышел.

* * *

Поначалу Ферапонт не хотел отнускать приютского парнишку. Но Мелитина с вологодским братцем о чем-то

поговорили с ним, крепко угостили, и монах сказал Артемке:

— С богом! Считаю, что я тебя пропил, мне все одно. Возьми яблок на дорогу и иди! Зима придет — что тебе зимой в саду делать? А люди помрут и зимой, даже поболее! Вот и будешь для них гробы делать, а что?

Покидая монастырский сад, Артемка пожалел, что приходится расставаться с Ферапонтом, к которому он все же успел привыкнуть. Ему было жаль и свою тоненькую яблоньку, жаль, что он не дождался ее первых плодов.

В ГОРОД

В Широкове крестьяне справляли престольный праздник — спасов день. Вагров отпустил Артемку.

— Пойди погуляй, погляди на праздник, но к вечеру дома будь, — приказал он.

Мальчик кивнул. Модест Донатович схватил его за руку:

— Ты как отвечаешь? Я тебе кто? Я тебе хозяин теперь. Стало быть, отвечать должен уважительно: «Слушаюсь, хозяин». Ну?

— Слушаюсь, хозяин, — пробормотал Артемка.

Вагров повернулся и пошел к дому Мелитины. Артемка побежал в село проститься с дядькой Ерофеем.

В Широкове уже шумел народ...

Из распахнутых настежь окон яслись визгливые женские голоса. По улице села ходили ошалевшие от водки мужики. Нестройно, пьяными голосами орали песни шатавшиеся группами по селу парни и девки. Артемка, пробегая мимо них, остановился.

— Ты чего, приютский? — угрожающим голосом кричал деревенский. — Пошел, пока штаны не содрали тебе да стрекавой не нахлестали.

— Скажи своим долгогривым, чтоб яа улицу сегодня нос не совали. А то быстро проучим... — поддержал дружка другой парень.

Артемка не понял, почему его гонят, почему нельзя

появиться на улице монахам. Он решил спросить об этом дядьку Ерофея.

Ерофей жил на самой окраине села в старой избе, позеленевшей от времени. Солома на крыше была старая, даже слабый ветер выдергивал из нее длинные грязные пряди и гнал по улице. «Авдоха сердится, из Ерофеевой бороды клочья летят», — смеялись на селе.

Ерофей был самый последний бедняк; единственным его богатством была коза — тощая, с мутными бельмами на глазах. Кормился Ерофей тем, что делал рожки и свистульки из глины, затейливых петухов и потешных матрешек. Широковские гончарные и костяные изделия, а также кружева и игрушки каждый месяц отправляли в Питер и в Москву кулаки-скупщики.

Пожалуй, из всех широковцев одного только Ерофея и любил Артемка, — любил той непоистой любовью, которая появляется у одиноких и забитых жизнью детей к таким же одиоким и горемычным людям.

Ерофея Артемка застал сидящим на кровати под полатями; был он в одном исподием из домашнего холста и держался за живот. Повернув голову и увидев гостя, бедняк с трудом проговорил:

— А, ероха-воха, пришел!

Артемка остаиовился возле кровати... По лбу Ерофея скатывались крупные капли пота, а дышал он тяжело, с каким-то присвистом.

— Что с вами, дядя Ерофей?

— Охти мне, помираю, Артюша. Брюхом исхожу.

Мальчик смущению молчал.

— Ой, смертынька моя, — застонал Ерофей. — Точно кишки рвет. Все мое нутро изныло...

— Хотите, я вам самовар поставлю, вы крепкого чаю выпейте — легче будет; дядя Ферапоит так делает.

— Чай-то мой — лист смородиновый... А и верно: выпью, может полегчает.

Когда самовар вскипел, Артемка напоил своего знакомого чаем. Поглаживая ввалившийся живот, Ерофей глубоко вздохнул, сел на кровати, свесив тоикие иоги с желтыми пятками.

— Ты что, за рожком прпшел? Не сделал я еще тебе рожка-то. Видишь — захворал и не сделал. Ослаб весь. Думал уже, ероха-воха, смертынька приходит. Ладно, ты

пришел, а то мне чаю самому и не сготовить бы. Чего ты смурной такой?

— Да так! — пожал плечами Артемка. — Проститься пришел.

— Как так проститься? — не сразу понял Ерофей. — Я еще погожу помирать-то.

— Да нет же! — испуганно воскликнул мальчик. — Я уезжаю. В город еду. Меня тетки Мелитны брат к себе берет.

— Это Модест-то? Э, парень, — Ерофей даже встал на своих тощих, трясущихся от слабости ногах. — Зря ты соглашаешься! Сам подумал или как?

Артем рассказал ему все, и Ерофей, тряся бороденкой, приговаривая по обыкновению: «Ах ты, ероха-воха», полез под кровать, выдвинул оттуда корзинку. Порывшись в ней, достал затейливо выделанную и пестро раскрашенную свистульку.

— Вот, гляди-ко, петух какой. Возьми на память. Подуй в хвост, да не бойся, чай, не клюнет.

Он сам подул в дырочку, проделанную в петушином хвосте, и рассмеялся, как ребенок, тоненькому протяжному звуку. Придерживая одной рукой сползающие исподники, другой он неловко притянул к себе Артемку, ткнулся бороденкой ему в щеку и сунул в руку петуха. Подтолкнув мальчика к дверям, строго сказал:

— Ну, иди уж... много вас таких по белу свету без призору ходит... Может, увидимся еще.

* * *

К концу дня Модест Донатович и Артемка налегке вышли из дома Мелитны. Предстояло идти пешком верст двадцать пять, и хозяин решил, что лучше пуститься в путь ночью: дни стояли жаркие и душные.

Едва они вышли за околицу и поднялись на пригорок, через который переваливала дорога, как Багров остановился и, подслеповато щуря глаза, спросил:

— Чего это там, не видишь?

— Где? — стал осматриваться Артемка.

— Да вон, у реки. Никак мужики драться собрались... Пойдем поглядим! Страсть люблю смотреть, как мужики шумят. — И он первым сбежал с пригорка.

За ним побежал и Артемка.

Визу, на заливном лугу, стояли рядом друг против друга монахи и мужики... Монахи, воспользовавшись тем, что село гуляет, втихомолку начали косить спорный участок заливных лугов. Монастырь считал этот участок своим, а мужики — своим. Монахи уже успели пемало накосить, когда прибежали на луг рассвирепевшие мужики. Шум, крики, ругань. У монастырских в руках — косы, у мужиков — дреколье. Вот-вот схватятся.

Модест Доиатович весь подался вперед, не спуская глаз с гудящей от криков толпы. С терпением ждал начала драки. Артемка же с ужасом смотрел на озверевшие в злобе лица, на сверкавшие косы и на тяжелые палки.

А монахи и мужики все громче орали, все ближе и ближе подступали друг к другу, размахивая косами и жердями. Над лугами пронесся протяжный многоголосый крик:

— Вей длинногривых! Дави божьих угодников!

— Э-э-э! О-о-о!..

И в это время Артемка увидел своих приютских приятелей, шнырявших поблизости. Он кинулся к ним. Теперь он уже знал, как остановить дикое побоище... Как-то раз дядя Ерофей рассказал ему про пожар, который уничтожил часть села, про то, как тогда перепугались мужики, сообщая заливали огонь...

И вот в минуту, когда крики на лугу немного утихли, взвились звонкие ребячьи голоса:

— Пожар! Горит! Широково горит!... Пожар!..

Нет страшнее этого возгласа для деревенских. Он будто железным прутом хлестнул по толпе. Люди застыли, потом все разом, сломя голову, ринулись к селу.

— Ты чего это? — свирепо набросился Модест Доиатович на Артемку. — Зачем кричал?.. Как посмел?

— Так это ж не я, это они кричали, — ответил, задыхаясь от радостного волнения, Артемка. — Пожар там...

Приютские ребята неподалеку от них отплясывали буйный победный танец.

— Тьфу! — сплюнул Модест Доиатович. — Подраться людям не дали. Вот уж всыпали бы монахи этим голодранцам! Обманщики вы!.. Чертово семя!

Артемка мрачно, с ненавистью смотрел на своего хозяина.

— Чего гляделки вылупил?.. Ну ладно, пошли! —

смирился гробовщик. — Эх, жаль... Теперь уж ничего не будет, не возвернутся.

— Прощай, ребята! — крикнул Артемка своим приютским приятелям.

— Прощай, Клевцов! Не забывай! — ответили они ему.

Еще некоторое время ребята, галдя, шли за Артемкой и Модестом Донатовичем. А затем отстали.

Хозяин шел впереди и все приговаривал:

— Вот дурачье-то эти мужики, вот серость!..

А Артемка думал о том, почему так яростно кипулись друг на друга монахи и мужики, думал о больном Ерофее, о жизни, которую оставил в приюте, в монастыре.

ТАРАКАН

В Вологде Артемка был проездом из Питера, когда его везли в широковский приют. Запомнил он лишь деревянные домики, грязные улочки, по которым шел вместе с приютскими ребятами, да церкви и стаи галок, кружившие возле колоколен.

Город был невелик. На центральной улице стояло только несколько каменных зданий. Над дверями двухэтажного дома, где помещалась мастерская гробовщика, красовалась вывеска:

ПОХОРОННОЕ ДЕЛО М. Д. БАГРОВЪ

Поверх надписи была изображена могила с крестом, над ней — склонившийся ангел.

— Ну вот мы и дома, — сказал Модест Донатович, открывая дверь в магазин и с явным удовольствием прислушиваясь к звону подвешенного к двери колокольчика. С порога он пробежал взглядом по стоявшим тесными рядами гробам и сразу заорал на приказчика, бросившегося к нему навстречу:

— Скотина! Так несколько и не продал!

— Что вы, Модест Донатович, — забормотал приказчик, — три гроба да столько же наборов к ним. Лето сейчас, не сезон, сами знаете. С осени пошибче пойдет.

— С осени... Старания нет, вот что!

Смутно было на душе у Артемки и от этого разговора, и от гробов.

В первые же дни своей жизни у нового хозяина он узнал, что Модест Донатович был не просто прижимистый и расчетливый делец, а настоящий изверг, безжалостный к людям, жадный до денег. До Артемки у него работал другой паренек. Как-то ученик варил столярный клей и нечаянно пролил немного на раскаленную плиту. Гробовщик избил его до полусмерти и выгнал из мастерской, не уплатив ни гроша за проработанное время.

Супруга хозяина Аксинья была у него третьей по счету женой. Двух женщин он забил до смерти, а вот Аксинья сумела взять над ним власть. Вдвое моложе его, красивая, крейкая, она не кричала па мужа. Только взглянет иногда своими зелеными чуть прищуренными глазами, и Модест Донатович сразу сникнет. Аксинья прибрала хозяйство к рукам, — супруг при ней пикнуть не смел.

Для Багрова не было тайной, что Аксинья давно предпочитает ему статного красавца Тихона, но он смотрел на пашни жены сквозь пальцы, памятуя о смерти мужа Мелитины. Уволить же Тихона он не решался — столяр был отличным работником; когда однажды зашла об этом речь, Аксинья, прищурив по обыкновению глаза, сказала сквозь зубы: «Что, Тараканище, без меня остаться захотел?»

Багров смирился. И вот с тех пор в мастерской стали звать Багрова Тараканом. Его люто возненавидели, но страх оказаться за воротами сдерживал работников, а то неизвестно, к чему бы привела эта ненависть. Только двое относились к Таракану равнодушно: плотник Алексей — тихий, безответный деревенский парень да Софрон — столяр, алкоголик с восковым лицом и красными веками. Софрон был человек смирный, неразговорчивый даже во время запоя. Выпивал он часто и помногу, пропивая все, что было за душой, и потому был у Багрова в неоплатном долгу. Пил он как-то на свой особый манер: сороковку выливал в миску, крошил туда хлеб и, черпая ложкой это своеобразное крошево, закусывал соленым огурцом.

Артемка в мастерской держался настороженно. Багров следил за ним, и уже на следующее утро после прибытия мальчик проснулся от резкого тычка в плечо.

— Вставай, живо!

Артемка, лихорадочно торопясь, потянул штаны, рубаху.

— Значит так, сопляк, — сдвинув брови, сказал ему Таракан, — чтобы до шести утра был заварен клей и все прибрано! Понял? Разбудишь Тихона, он тебе все покажет. Клеянки нальешь и разнесешь по верстакам. Понял? Куда пошлют — побежишь, но за водкой для мастеров не бегай, смотри у меня! Уши оторву, ежели узнаю. Понял? Материал поднеси, как только скажут. Беспрекословно. В мастерской приборка — тоже твое дело. И в лавке, когда падо будет, посидишь. И чтоб слушаться. Самовольства — ни-ни-ни не потерплю! А то... — Хозяин погрозил длинным желтым пальцем, потом потянулся к уху мальчика, по Артемка ловко увернулся.

— Ишь ты, верткий какой! Ты от хозяина не бегай! Хозяин избьет, ты ему руку целуй за науку!.. Иди подними Тихона!

Артемка пошел будить работника.

Столяр долго не просыпался, наконец, открыв осоловевшие глаза, пробурчал:

— А, вставать, значит! Ну, ладно! Тараканище, значит, уже на месте.

Обучая Артемку заваривать клей, Тихон расспрашивал его, откуда он, как попался на глаза хозяину.

— Ты его не очень-то бойся, Таракана, — поучал Тихон. — Он, ежели его забоишься, с тебя три шкуры спустит и до четвертой добираться будет. На смирных воду возят.

— А я не смиренный.

— Не смиренный? — весело улыбаясь, переспросил Тихон. — Посмотрим. Если часто бить будут, станешь смиренным.

— А вы как, дядя Тихон? — спросил Артемка.

Тихон усмехнулся:

— А вот так. Я с теми, кто бьет, а не с теми, кого бьют. Наука нехитрая. Одних бьют, а другие сами бьют. Вот я и не хочу быть битым. Сам бить хочу. Понял?

— Понял, — грустно сказал Артемка. — Уж это-то понять можно.

В Тихоне одновременно было и что-то душевное, ласковое и вместе с тем злобное, грубое, пожалуй, даже

отталкивающее. И мальчику не хотелось рассказывать о себе больше того, что могли узнать от хозяина. Поэтому он умолчал об отце.

— А ты вот что... Ежели тебя хозяин забижать будет — мне скажи.

— А что вы ему сделать можете?..

Тихон нахмурил густые черные брови:

— Это уж мое дело. Только по пустяку не жалься, не люблю я.

В первый свой рабочий день мальчик сбился с ног, присесть было некогда.словно угорелый носился он из мастерской в конюшню, оттуда в магазин, где на высоком стуле у кассы восседал сам гробовщик, потом опять в мастерскую, потом в сарай за досками...

Перед обедом в мастерской появился хозяин. Тихон успел шепнуть Артемке:

— Представление начинается. Смотри. Каждый день так.

Гробовщик вошел, заранее предвкушая удовольствие от разговора с работниками. Уткнув кулаки в бока, он подошел к Софрону и прокрипел:

— Так-так-с... А когда ж это ты, почтеннейший, должок мне отдашь? После дождичка в четверг, или на ту рецкую пасху?

Софроп, оторвавшись от работы и растерянно глядя на хозяина, ответил невнятно:

— Так я, хозяин, стараюсь... От зарп до зарп... За что только...

— А ты что, и память пропил? Жрешь каждый день? И спишь тоже? Хочешь, чтоб задарма все было? А еще матерьялу сколько портишь. Вчера две доски загубил. Забываешь, золотая рота!

— Так неужто так много?..

— А доски-то, олух, дубовые! Опять же кунить и привезти их надо — обратно расход. Ты вот работай лучше, старайся и не пей. Бог — он старанье любит.

— Я ж и так...

— Вот-вот, я и говорю. Трудись — и воздаст господь за труды наши!

Поговорив с Софроном, Таракан направился к Алексею. Тот заранее съежился, словно стараясь провалиться куда-нибудь на то время, пока хозяин в мастерской. Но подошел он только к Тихопу.

Он был пастроен особенно люто и задел столяра:

— Работаешь, каторжник?

— Работаю, хозяин, — ответил тот.

— Разор мне один от твоей работы. Поворачиваешься, ровно сам покойник.

Тихон усмехнулся:

— А ты, хозяин, не откусывай больше того, что можешь проглотить.

— Ты что это!.. Ты!.. — не сдержавшись, взвизгнул Таракан.

Тихон спокойно продолжал строгать доску:

— Скрыге всё, что собаке сено. Да не визжи ты как поросенок недорезанный.

В мастерской все замерло, а оторопевший Таракан, подняв кулаки, завизжал пуще прежнего:

— Ты... мне? Хозяину? Да я!..

Отложив рубанок в сторону, Тихон медленно взял с пола топор и, подкидывая его легонько на руке, сказал угрожающе тихо:

— Ушел бы ты отсюда, хозяин. Неровен час — и топор с топорща слететь может. Убьет.

Таракан, в ужасе глядя на Тихона, попятился к дверям и выбежал.

С приходом нового ученика гробовщик получил еще одну возможность всласть поиздеваться над незащищенным человеком. Если у рабочих были нары и получка, то Артемка был и этого лишён. Обещанные три рубля шли в счет харчей, спал он тут же, в мастерской, на куче стружек, покрытых куском мешковины.

Поначалу ему было страшно ложиться в мастерской. Хозяин пуще всего на свете боялся воров. Он оставлял на ночь открытыми двери в магазин, и Артемке были видны гробы. Особенно пугал мальчика один гроб — массивный, дубовый, на ножках, похожих на лапы какого-то непонятного зверя. Гроб был украшен крестами и херувимчиками из накладного серебра; при свете луны он казался Артемке невиданным живым существом, которое вот-вот приподнимется и поползет на своих кривых лапах по магазину. Но через некоторое время Артемка освоился и магазин уже не пугал его, как прежде, а ночные призраки казались менее страшными, чем злой Таракан.

В конце лета Софрон снова заплл. Он не работал уже неделю, напивался с утра и замертво валился на нары. Во сне он бредил, вскакивал и, дико озираясь, пытался куда-то бежать. Тихон легко, как ребенка, укладывал его снова на нары.

В один из вечеров, когда Софрон уже спал, а рабочие и хозяева ужинали, Таракан поднял на Тихона хитро заблестевшие глаза, проговорпл:

— Вот ведь до всего наука додумалась, а вот отучить человека пить не может. А?

— Так ведь кто захочет, — хмыкнул Тихон.

— Вот я и захочу, к примеру, — насупился Таракан. — Ты думаешь, мне от Софронова питья радость? Горе одно. Вот который день водку хлебает, а дело стопт. Я вот, когда в Широкове у Мелптки был, к тетке Авдохе зашел посоветоваться. Знаешь что она мне сказала? «Ты, говорит, пьяного напугай как-нибудь пострашнее, он с перепугу-то и бросит пить». Испугать надо Софрона, вот што!

Все замолчали, словно обдумывая сказанное, и вдруг гробовщик, ни на кого не глядя, захихикал.

— А вот мы его в гроб положим да вроде похорон сотворим. То-то перепугается, нянчуга!

Артемке стало жутко. Ночью он долго не мог уснуть. Ему представлялся ужас, который должен испытать Софрон, оказавшись в гробу. Предупредить его было невозможно: спал он мертвецки крепко — не добудиться. Так ничего и не придумав, Артемка уснул. А паутро Таракан отослал его в магазин:

— Поснди, подежурь. Придет покупатель — кликнешь.

Артемка из магазина мог наблюдать, как в мастерской освободили два верстака и поставили на них некрашенный сосновый гроб. Тихон и Таракан, которым помогалл еще двое рабочих, приволокли пьяного Софрона, закутанного в саван. Уложить его в гроб оказалось делом минутным. Желтоликий, действительно похожий на покойника, Софрон лежал, скрестив па груди рукп, между пальцами одной из рук была всунута свечка.

В мастерской запахло ладаном. Хозяин, раскрыв псалтырь, начал читать заунывным голосом. Аксинья встала в ногах «покойника», чтобы лучше видеть его испуг, когда он очнется.

И вот Софрон заворочался, зашевелил губами. Таракан

начал читать громче. Работник открыл глаза, мутным и долгим взглядом посмотрел на потолок, потом стал испуганно озираться по сторонам.

Аксинья, изобразив на лице страх от пробуждения «покойника», взвизгнула и выбежала из мастерской. Таракан уронил псалтырь и бросился за ней. Тихон и Алексей попятились к двери, спшибая и опрокидывая специально поставленные для этого на полу жестянки и ящики с инструментами.

Наконец до сознания Софрона дошло, что сейчас его отпевали. Сидя в гробу, плохо соображая с похмелья, он педоуменно оглядывал иконы, лампы — и вдруг вскочил и выпрыгнул из гроба. Путаясь в саване, он грохнулся на пол, тяжело поднялся и, истошно крича, бросился к дверям. Когда в мастерской снова появился Таракан, Софрона уже не было.

Артемка словно окаменел. Перекошенное от страха лицо Софрона потрясло его. Хозяин, довольный удавшейся шуткой, хохотал до слез:

— А где покойник-то? — спросил он.

— Ой, тошненько! — стонал хохочущий Тихон. — Ой, не могу! Пробежал мимо — да прямо в отхожее место. Не иначе, медвежья болезнь схватила со страху-то... Ой, не могу!

Аксинья, стоя в дверях, хихикала. Алексей, переминаясь с ног на ногу, улыбался как-то неуверенно, не зная, можно ли ему смеяться в присутствии хозяина. Наконец Таракан, вытирая слезы клетчатым платком, приказал:

— Сходи-ка, Алексей, посмотри, чего там наш «покойник» делает.

Тот вернулся сразу же и снова встал у дверей.

— Ну, что?

— Да он заперся. Крючок набросил.

Время шло, а Софрон не показывался. Таракан отправился сам поглядеть. Тихон лениво побрел за гробовщиком. И вдруг Артемка услышал треск ломаемых досок. Предчувствие чего-то страшного сорвало его с места, он бросился в узенький коридорчик и увидел, как Тихон плечом пытался открыть дверь в отхожее место. Она не поддавалась. Тихон бросился в мастерскую за топором, а хозяин, сразу как-то сплывший, повторял про себя тихим голосом:

— Ой, мамоньки! Ой, мамоньки!

Наконец Тихон топором проломил доски в двери, сунул через дыру руку к крючку... Дверь, скрипя, открылась, и все увидел Софрона, висевшего на ленте, оторванной от савана.

Спасти Софрона не удалось.

Его положили на верстак, откуда он каких-нибудь пятнадцать минут назад соскочил, потеряв рассудок.

Помрачневший гробовщик ходил по мастерской, хлопая себя по бедрам, что-то бормоча себе под нос. «Полиция... Десять целковых... — разобрал Артемка. — Врачу пятерка, ах ты...»

Подойдя к конторке, Таракан выдвинул ящик, поскреб там рукой и вдруг остервенело посмотрел на Артемку:

— С вечера... руп здесь лежал. Где он? Куда делся?

— Я не брал, — прошептал Артемка.

Таракан взвизгнул, схватил лежавший на конторке металлический аршин и, размахнувшись, ударил мальчика по голове. Артемка повалился на пол, закрыв лицо руками. Из мастерской выскочил Тихон, схватил Таракана за воротник и толкнул его в угол.

— Вор! — орал Таракан. — Все едино убью! Убью, гадину!

— Хватит тебе! — крикнул Тихон. — Убил одного.

Подняв Артемку, он понес его на руках и осторожно положил на нары. Куском тряпки Тихон стер на лице мальчика струйку крови, плеснул на него из кружки воды, и Артемка, застонав, очнулся.

* * *

После того как повесился Софрон, Тихон как-то переменялся. Угрюмый, неразговорчивый, он куда-то исчезал по вечерам и возвращался далеко за полночь под хмельком, не замечая никого.

В мастерской отлучки его переживали по-разному. Аксиныя злилась: ей казалось, что любовник бросил ее. Таракан считал, что Тихон связался с пьяницами, может даже с ворами. Ему было жаль терять работника, и однажды, когда столяр особенно долго не возвращался, Багров побежал в полицию. Но Мишка Косой, полицейский шпик, успокоительно сказал:

— Да ты не беспокойся, Тишка наш человек.

Пожалуй, больше всех пострадал от этой перемены Артемка, почувствовав себя одиноким.

Долгими вечерами, лежа на нарах (теперь он занимал место Софрона), он вспоминал Пптер. Артемке редко приходилось видеть отца, и в памяти сохранились только его добрые, внимательные глаза да жесткие руки. Запомнилось, как однажды отец, скупой на ласку, поставил его между колен и молча погладил ладонью по лицу. Мальчик отшатнулся — жесткая, бугристая отцовская ладонь царапала кожу... Что он запомнил еще? Мрачную ночь, когда к ним явились жандармы и какие-то штатские. Отец еще не приходил. Обыск окончился быстро — в комнате почти не было вещей. Откуда-то из-за печки штатский вытащил сверток, перемазанный сажей, и торжествующе воскликнул: «Ага, все-таки есть!» Сверток развернули, и на столе при тусклом свете керосиновой лампы блеснули стволы маленьких пистолетов.

А затем пришел отец. Он спокойно уселся у стола и спросил:

— Ну, что нашли?

— Ты Клевцов и есть? — поинтересовался главный жандарм.

— Клевцов и есть, — ответил отец. — И есть, и буду!

— Ну, будешь ли — неизвестно, — сказал жандарм.

— Буду! — твердо ответил отец. — И-то буду.

Артемка навсегда запомнил этот непонятный ночной разговор отца с жандармами. И еще он запомнил, как отец попрощался с ним, как сильными руками поднял от пола и крепко поцеловал в обе щеки и в губы. Поставив снова на пол, слегка растрепал его волосы и сказал дрогнувшим голосом:

— Ну, прощай, сынок. Остаешься ты спротой... Не забывай меня, а я о тебе каждый день вспоминать буду. И обижать себя никому не давай... Я вернусь, не сомневайся.

Артемка бросился за отцом, когда того уводили, но жандарм схватил его и крепко держал до тех пор, пока не вышли все. Тогда шагнул за порог и этот жандарм, закрыв за собой дверь.

Пожалуй, на этом и заканчивались воспоминания о той страшной ночи.

Артемка с горечью и обидой думал о том, что до отца ему не добраться, да он и не знает, где сейчас его отец...

Он один, совсем один, и некому защитить его от Таракана, который его бьет и который его обманул, пообещав три рубля в месяц. Одолевали мрачные мысли... «Обижать себя никому не давай...» — звучали в памяти отцовские слова. «Не давай...» А как не давать? Потом он засыпал. Засыпал свинцовым сном, без сновидений, — так спят очень уставшие люди.

* * *

И вот неожиданно случилось нечто такое, что изменило жизнь Артемки. После обеда, когда Багров ложился спать, учепка отсылали в магазин. Он обычно садился на скамеечку с наружной стороны двери и смотрел на прохожих, стараясь угадать, зайдут они в магазин или нет. Чаще всего они проходили мимо.

День выдался серый, пасмурный; только недавно прошел сильный дождь, и чуть поодаль от магазина стояла огромная, на всю ширину улицы, лужа. Было безлюдно, словно никому не хотелось выходить в такую погоду на улицу. Артемка, сидя у дверей, зябко кутался в куртку.

Топот ног по деревянным мосткам он услышал сразу. Увидел в конце улицы бегущего человека. За ним гнались. Человек вдруг исчез, топот затих, и раздался выстрел. Вскоре преследуемый снова показался из-за поворота и побежал прямо к магазину. Артемка вскочил. Незнакомец на бегу бросал быстрые взгляды на дома, забор, деревья — очевидно, хотел спрятаться. Вот он увидел мальчика и, подбежав, коротко бросил: «Можно?»

Сам не понимая, что делает, Артемка распахнул перед беглецом дверь и следом за ним вбежал в магазин. Незнакомец, оглядевшись, кивнул на гроб и снова пропел одно слово: «Можно?» Не дождавшись ответа, он приподнял крышку, осторожно влез в гроб, растянулся в гробу, ловко прикрыл крышку над собой.

Через некоторое время кто-то сильно толкнул дверь в магазин — она открылась без звона: Артемка всегда подвязывал колокольчик. Вошел человек в котелке и в аккуратно отутюженном штатском костюме.

— Сюда никто не заходил?

— М-м-м...

— Чего мычишь?

Артемка, чувствуя, как сердце у него куда-то проваливается, неопределенно махнул рукой.

— Туда, что ли, побежал? Да ты немой, что ли?

— Да, туда...

Грубо выругавшись, человек выскочил на улицу. Через окно витрины было видно, как двое преследователей перебирался через лужу, смешно, по-журавлиному поднимая ноги.

Только сейчас Артемка сообразил, что, возможно, он совершил дурной поступок. Неизвестно, что за человек лежит в гробу. Может быть, это разбойник или вор.

Накинув крючок на дверь, Артемка подошел к гробу и приподнял крышку.

— Вылезайте, что ли.

Человек вскочил и, бросив быстрый взгляд в окно, спросил:

— Куда эти ушли?

— Туда, — показал рукой Артемка, внимательно рассматривая человека.

Незнакомец был совсем не похож на разбойника, он скорее походил на молодого мастерового или рабочего; у него усталое лицо, он улыбался, и улыбка у него приятная. Человек потрепал Артемку по голове жесткой рукой и пошел к двери, здесь он обернулся:

— Как зовут-то тебя, паренек?

— Артемка.

— Артемка? А фамилия как?

— Клевцов.

Человек вдруг перестал улыбаться; держась за ручку двери, он пытливо посмотрел на паренька, стараясь, видимо, что-то вспомнить.

— Значит, Артем Клевцов?

— Да.

— А отец у тебя есть?

— Есть... Его жандармы увели, — вырвалось неожиданно у Артемки.

— Вот как, — человек гмыкнул, постоял минуту в задумчивости.

— Ну, мне надо идти. Спасибо тебе, друг. До свидания, Артем Клевцов! Держись, парень, не унывай! — Осторожно открыв дверь, незнакомец оглядел улицу и, покинув лавку гробовщика, быстрым шагом пошел в ту сторону, откуда прибежал.

ПИСЬМО

Однажды, вернувшись из города, Таракан долго ходил по магазину из угла в угол, теребя жиденькую козлиную бороденку, и бормотал:

— Ах, проныра, ах, бестия! Это ж только подумать. Только подумать, а?

Снедаемая любопытством, за ним ходила Аксинья, допытываясь, что случилось.

— Мелитина, Мелитина-то! Подумать только. А-ах! — выдохнул он. — И всё этак тихонько, ладненько. Даже мне не сказалась.

— Да говори ты, черт лысый, что случилось? — крикнула, не вытерпев, Аксинья.

— Ресторан открыла, вот что, — с трудом выдавил Таракан. — Иду по Желвунцовской, смотрю — что за черт! Никогда здесь ресторана не было. А сейчас, гляжу, в доме Крупенникова занавесочки, и стекла вымыты, и вывеска над дверями. И как назвала, как назвала-то: «Савой!» Никому не попятно, а всякому интересно, что за «Савой» этакий.

В новый ресторан Багров зашел вечером, в самый многолюдный час. В нижнем этаже за столиками сидели офицеры пехотного полка, расквартированного в Вологде. Официанты с подносами на руках носились между столиками, взмахивали белоснежными салфетками.

Из первого этажа во второй вела лестница. Внизу, на первой ступеньке ее, стояла полная женщина в новом декольтированном платье. Багров не сразу узнал ее: «Батюшки светы! Это же Мелитка!» А она стояла и улыбаясь встречала богатых гостей, провожала их во второй этаж, где помещались отдельные кабинеты.

Увидев брата, она сдвинула на секунду черные брови, потом кивнула на маленькую дверь, — мол, зайди туда, не мешай.

В крохотной комнатке, заставленной полками с посудой, сидел Тихон и, блаженно вытянув ноги, наливал себе вино из графинчика. Увидев хозяина, он, казалось, не удивился, а Таракан так ошенил, что слова не мог вымолвить.

— Ты? — оправившись, спросил он. — Ты как сюда попал?

— Да так вот, — невозмутимо ответил Тихон. — Шел мимо, дай, думаю, зайду к сестрице хозяина. Ну и зашел. Садись, хозяин, чокнемся.

У Багрова потемнело в глазах. Мало того, что Мелитина тайком, ни слова не сказав, открыла в городе свое дело, так она еще и Тихона переманивает.

— Вот что, — просипел Багров, — ты сюда дорогу забудь. Не то враз выгоню. Нонял?

Тихон, ухмыльнувшись, прищурил глаз и, поднив рюмку, стал рассматривать ее на свет.

— Гоин, гоин, — весело ответил он. — Я здесь вдвое, а то, может, и больше заработаю. И работенка полегче — знай господ выводи, когда напьются. Это не то что для покойников твоих ящики стругать...

Таракан сел; он понимал, что Мелитина и Тихон сейчас сильнее его. Приходилось идти на мировую.

— Ладно, пес с тобой.

— И мальчишку у тебя возьмем. Он для дела здесь нужен.

— Ну, это еще как сказать, — разозлился Таракан. — Не пуцу. В гроб вгоню, а не пуцу.

— О чем спорите, чего не поделили? — спросила вошедшая в комнату Мелитина.

Таракан встал и, здороваясь с сестрой, сказал с укоризной:

— Нехорошо, Мелпша. Брат я тебе все-таки. Одна кровь.

— Да в тебе уж и крови-то нет, — расхохоталась Мелитина. — Кожа да кости. Верно, Тихон? Вот что, братец, мне мальчонка нужен, Артемка. Пришли его ко мне.

Она смотрела на брата, чуть склонив голову, и он почувствовал робость перед этой, словно ставшей чужой ему, богато одетой женщиной. На глазах у работника баба распоряжается им, как хочет!

Багров дернул головой:

— Не выйдет. Мне он самому нужен.

— А ты другого поищи, — ласково, параспев, посоветовала Мелитина.

— Чего ж ты поискать не хочешь?

— Недосуг, братец, — протянула она. — Да п кого найдешь-то, может вороватого какого. А этого я знаю. Так что пришли. А нет, так я к мировому твою расписоч-

ки снесу. У меня ведь много твоих расписочек хранятся. Так как же, братец?

Нет, он не хотел сразу платить по расписочкам, бог с ним, с Артемкой. И впрямь он другого найдет. Не сорваться же из-за парнишки с богатой сестрицей!

На другой день хозяин, не таясь от Артемки, обо всем рассказал Аксинье. Та разозлилась и стала ругать мужа. Была тут и зависть к Мелитине, и обида, что Тихон ее оставил. Ох как хотелось ей избить сейчас мужа! Круто повернувшись, она пошла к дверям, открыла их рывком и, оборачиваясь, крикнула:

— Жизнь ты мою съел, Таракан, чтоб тебе пусто было!

Модест Донатович оторопело поглядел вслед супруге.

* * *

Сборы были недолгими — вещей у Артемки не было. И вот он в ресторане. На многое за свою короткую жизнь посмотрелся Артемка, а здесь узнал такое, о чем раньше и не догадывался. Страшную бедность наблюдал он в Широкове — там дрожали над каждой коркой хлеба. А здесь, в ресторане, за один вечер господа пропивали столько, что в деревне целая семья могла бы на эти деньги жить месяцами. Особенно отличались офицеры.

Однажды в ресторане за одним из столиков появился скромно одетый человек лет тридцати. Артемка его ни разу до этого не видел. Посетитель с видимым интересом осмотрел ресторан, безлюдный в этот дневной час, и позвал официанта. Тонкий, как хлыст, Грошник подлетел по начищенному паркету, будто на ногах у него были крылья:

— Чего изволите-с?

Посетитель заказал пиво и кулебяку, а затем спросил:

— Кстати, мальчик здесь никакого нет? Мне надо письмо на почту отправить.

— Как же-с, как же-с, всенепременно есть мальчик.

Просунув голову в дверь каморки, где Артемка вытирал посуду, Грошник произнес свистящим шепотом:

— Одна нога здесь, другая там. Господину письмо снести надо. Жжн-во!

Посетитель внимательно оглядел подошедшего Ар-

темку, потом посмотрел, нет ли кого-либо поблизости, и вынул из кармана конверт.

— Ты Клевцов Артем?

— Да...

— Читать умеешь?

— Умею.

— Снесешь на почту, — громко сказал незнакомец и совсем тихо добавил: — Письмо это тебе. На почте прочтешь, но так, чтобы никто не видел? Понял?

Последнее слово он снова произнес громко и слегка подтолкнул мальчика к двери:

— Ну, беги, малыш.

Артемка не утерпел и еще по дороге на почту стал разглядывать конверт. Там крупными буквами было написано:

«Артему Клевцову».

«Артему Клевцову. Артему...» Нет, так его еще никто и никогда не звал. Но от кого же письмо? Волнение душило его. Он не дошел до почты, а забежал в городской сад, сел на скамейку и, осторожно разорвав конверт, вынул письмо.

Сперва он посмотрел на подпись — размашистая, крупная, она прежде всего бросалась в глаза. Догадка не обманула его. От отца! У него замерло сердце. Боясь постороннего глаза, мальчик осмотрелся, — никто на него не обращал внимания. И он начал читать:

«Дорогой сынок! После того как мы с тобой расстались, я каждый день вспоминаю о тебе. Я сразу же написал своим друзьям в Питер, чтобы они разыскали тебя и сообщили мне. Дело это не простое, и прошло немало времени, пока я узнал, что ты находишься в Вологде, был в приюте, а в настоящее время работаешь. Знаю, что тебе тяжело, но сейчас не могу тебе помочь... — Артемка передохнул; строчки письма вдруг стали расплываться, буквы запрыгали перед глазами; задрожали губы... Проглотив застрявший в горле комок, он стал читать дальше: «Я сейчас нахожусь далеко от тебя; когда ты подрастешь, то поймешь, за что посадили в тюрьму твоего отца и многих других честных людей. Я не знаю, смогу ли скоро написать тебе еще. Хочу, чтобы ты запомнил вот эти мои слова: будь всегда смелым и честным, не давай себя никому в обиду и никогда не забывай, что ты сын большевика! Надо надеяться, скоро свидимся, сынок!

После того как прочитаешь и хорошенько запомнишь это письмо, уничтожь его, лучше всего сожги.

Твой отец».

Медленно, слово за словом, прочитав письмо отца, Артемка принялся было снова перечитывать его, но вдруг спохватился: ведь там, в ресторане, сидит человек, который, наверное, знает отца, видел его и может о нем рассказать! Спрятав письмо за подкладку кепки, парнишка со всех ног бросился к ресторану. Но незнакомца нигде не было — он уже ушел.

Остаток дня прошел как во сне. Часто Артем делал не то, что нужно, и получал за это подзатыльники. Вечером, оставшись один в посудной, он вынул письмо и, бережно расправив его на столе, снова стал читать. Слезы мешали ему. Услышав шаг, Артемка проворно спрятал драгоценный листок за пазуху. В посудную вошел пьяный Тихон:

— Что, опять нюни распустил? Или обидел кто?

— Нет, я так.

— Так, да дурак. Сбегай к хозяйке, скажи ей — Тихон просит. Чего уставился-то? Думаешь, не придет? Прибежит сразу. Ясно?

От Тихона сильно несло перегаром. Артемка подумал, не сошел ли работник с ума, как Софрон, и, растерявшись, не двигался с места...

Поздно ночью, когда разошлись последние посетители и замерла угарная ресторанный жизнь, Артемка пробрался в отдаленный угол глухого темного двора и здесь поджег спичкой отцовское письмо. Вспыхнуло ненадолго скучное желтое пламя и погасло. Сдерживая готовые прорваться слезы, Артемка пошел обратно в дом.

РЫЖИЙ СЕНЬКА

Артемка и Тихон возвращались из Шпрокова, куда они ездили закупать для ресторана продукты. Тихон был мрачен и молчалив. Мальчик, с трудом устроившись на телеге среди корзин и мешков, всю дорогу думал... Получается, тот человек, которого он спрятал в мастерской,

связал с незнакомцем, приходившим в ресторан. И оба они знают отца. А может, и не так... Ясно одно: Артемка не один в этом городе. Есть люди, которые хотят ему помочь. Но где живут эти люди? Их преследуют. Они сами в опасности. Как же они смогут помочь ему, Артемке?

Смутно вспомнился Питер, знакомые с детства улицы, игры со сверстниками во дворе большого, мрачного дома. Ласковые руки матери — она умерла, когда он был еще совсем маленьким. Отец говорил ему, что мать — учительница. Она приходила к рабочим и учила их. Эдесь она и встретила отца, и они потом поженились... К отцу вечерами приходили товарищи. Долго и тихо о чем-то беседовали. Его укладывали спать, но не спалось. Иногда до него долетали непонятные слова, он силился их понять — и не мог...

Потом начальная школа, где он научился читать, писать, немного считать... Как он завидует теперь тем ребятам, которые по утрам пробегают мимо ресторана, торопятся в школу. Но не всем же учиться. Немало таких, как он, — не учатся, а работают мальчишками, кто в лавке, кто в мастерской. Их жизнь тоже несладкая, завидовать не приходится. Артемка сыт, а они? Наверное, живут еще хуже его... Вспомнил Артемка, как ездил с отцом на рыбалку, но и там отец больше разговаривал со своими товарищами.

И вдруг все оборвалось... «Все люди грязь», — зазвучали в ушах любимые слова Ферапонта... Тихон, услышав бормотание паренька, спросил:

— Чего?

— Ничего. Это и так...

Тихон непонятен Артемке. Что он за человек? А вот дружок Тихона, Мишка Косой, — тот нехороший. От того надо держаться подальше... Вот бы только еще раз встретиться с товарищами отца, он им скажет: «Забирайте меня, не хочу здесь жить, хочу в Питер». А может, их уже нет в Вологде, уехали? Давно не показываются. А вдруг они приходили, когда он с Тихоном в Широкове был?.. Он вспомнил, как обыскивавший комнату шпик спросил отца: «Ты кто — большевик?» А отец ответил: «Не тыкай! Не твоего ума дело!» Верно и товарищи отца — большевики. Они обязательно явятся за ним. Не такие они люди, чтобы бросить в беде мальчишку. Как

хорошо, что он тогда помог одному из них бежать от шпикиов!..

Думы Артемки прервал Тихон:

— А и напьюсь же я сегодня, как бог свят напьюсь!

«Ну и напейся, бес с тобой, мне-то что», — подумал Артемка с чувством неприязни.

Ленивый белогубый мерни медленно тянул телегу по булыжной мостовой. Артемка не выдержал:

— Дядя Тихон, лучше я пеший пойду. Быстреей дойду, право слово.

— Катись, — лениво разрешил Тихон.

Парнишка спрыгнул с телеги и побежал, чувствуя, как по ногам разливается приятное тепло.

Задворками он выбрался на Духовскую, с нее на Екатеринбургскую, промчался мимо мастерской Таракана и удивился: почему она закрыта в этот дневной час?

Недалеко от мастерской он столкнулся лицом к лицу с газетчиком Сенькой. Газетчик бежал, размахивая толщей пачкой «Вологодских ведомостей», и во все горло кричал: «Чрезвычайное событие!.. Ревность и серная кислота!.. Пострадавшая осталась без глаз!..»

Столкнувшись с Артемкой, рыжий Сенька сердито выругался:

— Ослеп, что ли?

Сбитый с ног сильным толчком, Артемка упал. У него перехватило дыхание. А продавец газет, как ни в чем не бывало, уже бежал дальше. Вскочив, Артемка бросился вдогонку.

Мальчишка остановился и, аккуратно положив газеты на деревянную тумбу, спокойно сказал:

— Ты что? — Его глаза смотрели дружелюбно, с любопытством.

— Ты чего толкаешься? Я тебя!..

— Да ну? — удивился Сенька. — Какой смелый! Ты чей?

Артемка растерялся: он ожидал драки, а вместо нее получился как будто мирный разговор.

— Как это чей? Я тебе дам драться!.. — он показал кулак.

— Брось, — спокойно посоветовал рыжий паренек. — Начни только — я из тебя всю юшку выпущу... Ты что — ресторанный? Я вроде бы там тебя видел.

— Ну и видел... Чего тебе от меня надо?

Продавец схватил газету и протянул Артемке:

— На, смотри. Тут про вас напечатано.

Бросился в глаза жирный заголовок: «Дикие нравы».

Мальчишка, не дав Артемке опомниться, выпалил залпом:

— «Вчера вечером жена мещанина Багрова, держащего на Бкатерининской улице гробовую мастерскую, плеснула в лицо владелице ресторана «Савой» серной кислоты, ввиду чего женщина ослепла. Следственные власти предполагают, что действие было совершено с заранее обдуманым намерением, из-за ревности». Это про хозяйку твою?

— Не знаю. Меня в городе не было, — растерянно ответил Артемка. — Что же теперь будет?..

Он побежал к ресторану.

Двери заведения Багровой были закрыты. Паренёк стал стучать, но никто не открыл ему и не ответил; он помчался навстречу Тихону.

Увидев испуганное, побледневшее от волнения лицо мальчишки, Тихон сразу насторожился.

— Что случилось? — спросил он, медленно вытаскивая из телеги короткий плетёный кнут, словно собираясь защищаться от кого-то.

Артемка, запыхавшись, не мог выговорить ни слова.

— Ну, что?..

— Тараканиха... Мелитину... серпой кислотой...

Тихон облегченно перевел дыхание.

— Ну и напугал, дурак... А я уж думал. Ай, дурак!

Артемка не понял. То, что произошло, казалось ему страшной и непоправимой бедой.

— Она ж это из-за вас, диди Тихон! — надрывно крикнул мальчик вслед удалявшейся телеге.

Тихон медленно обернулся и погрозил ему кнутом.

Громко стуча по мостовой запыленными подкованными сапогами, он понуро побрел за телегой.

В ресторане Мелитины не было. В посудной сидел Мишка Косой. Увидев Тихона, он осклабился и подмигнул:

— Везет тебе, Тишка! Был бы в городе, и в тебя бы, может, плеснула баба-дура.

— Где она?

- Кто, Мелитка или Аксинья? — спросил Мишка.
- Аксинья...
- Ага, боишься. Посадили ее, не бойся!
- Не боюсь я, дурак! А с Мелиткой что?
- Один глаз выжгло. Лежит в больнице.
- Значит, другим видит?
- Должно, видит.
- Ну и то ладно.
- Только в Мелитке-то прежней красы уже не будет, — усмехнулся Косой.
- А на что мне ее красота? Было бы богатство...
- Может, она теперь за тебя замуж пойдет. А то ты у нее вроде дворника. Прав у тебя никаких! — дружески и понимающе сказал Косой.

Тихону такой разговор был неприятен.

— Ну ладно! С дороги поспать надо. Я тебе могу еще сороковочку выставить — пей-гуляй.

Тяжело встав, Тихон ушел за дверь.

Артемка слышал весь этот разговор. Ночью, лежа на жестком топчане, он долго не мог заснуть.

Утром Артемка первым делом вспомнил о мальчишке-газетчике, об огненно-рыжем Сеньке. Вспомнил, как тот уклонился от драки, миролюбиво сказал: «Брось». «А ведь с Сенькой можно будет дружить», — радостно подумал он. И от этой мысли ему стало легче.

ПОРУЧЕНИЕ

В ресторане все оставалось как бы по-прежнему. Вечерами гуляли офицеры, купцы, заезжие актеры. Как и раньше, богатых гостей провожали наверх в отдельные кабинеты, а когда начинала греметь сбрасываемая со столов посуда, в дверях вырастала фигура Тихона. Зал умолкал, с любопытством наблюдая, как будут выплывать на улицу гуляку.

Мелитина не появлялась в ресторане. Она наняла управляющего, которого порекомендовал ей лечивший ее в больнице врач.

Нового управляющего звали Павлом Савельевичем Ивановым. При знакомстве с хозяйкой он заявил, что прпехал в Вологду «искать молочные реки и кисельные

берега». Иванов ей пришлось по душе, хотя с виду был молодой и неопытный.

— Вы пьете?

— Нет. Совершенно не переношу.

Мелитина хотела еще спросить, всегда ли он будет блюсти хозяйский интерес, однако воздержалась и лишь подумала: «Увижу сама, попадется, если что...»

Велико было удивление Артемки, когда в новом управляющем он узнал человека, который передал ему педавно письмо отца! Впрочем, может быть, он и ошибся.

При встрече с мальчиком Иванов скользнул по его лицу равнодушным взглядом и приказал Тихону:

— Проследите, чтоб мальчика здесь по вечерам не было.

Тихон, скрывая удивление, нагнул голову и ответил, как официант Грошик:

— Слушаю-с.

Артемка все больше убеждался в том, что Иванов тот самый человек, который принес ему письмо. Управляющий же словно не замечал мальчика, его долгих и пристальных взглядов, и проходил мимо него. Вечерами он прохаживался между столиками, сдержанным, полным достоинства инокшом встречал богатых гостей и, как прежде Мелитина, сам провожал их наверх. А когда начиналось буйство, поворачивался к Тихону и отрывисто, словно нехотя, бросал:

— Ну что ж ты, работай!..

За неделю до Нового года ресторап закрылся. Иванов нанял мужиков и баб. Мужики оклеивали стены тисненными палевыми обоями, развешивали картины. Бабы, подоткнув юбки, мыли полы и окна. Мелитина — одноглазая, похудевшая до неузнаваемости — стояла на лестнице и молча следила за уборкой.

Когда все было готово, она кивнула Иванову:

— Расплатитесь. Мужикам водки, по уговору. — И ушла к себе.

Мужики степенно заходили в посудную. Иванов принес им сам два графина водки и нехитрую закуску.

Официантов в ресторане не было, оставался один Артемка.

Иванов подозвал Артемку и сказал:

— Если кто будет стучать, не открывай. Скажи: хо-

заяка не велела. Смотри, Клевцов, хорошенько, чтобы никто не помешал.

Голос управляющего был строгий. Дверь в посудную закрылась за ним, и в ресторане сразу стало непривычно тихо.

Артемка вышел на крыльцо... К ресторану подошел Мишка Косой.

— Заперто, — громко сказал Артемка.

— Чего закрылись? — спросил Мишка.

— Хозяйка не велела пускать. Уборка у нас перед праздником.

— Никого там нет? И Тихона нет?

— Нету! Никого!

— Тишка вернется, скажи ему, я заходил, вечером еще приду, — чем-то расстроенный, сказал шпик.

— Скажу!

Когда Косой ушел, на крыльцо вышел Павел Савельевич.

— Кто приходил? — спросил он снокойно.

— Да Мишка Косой, он в полиции служит. Я ему сказал, что в ресторане никого нет и хозяйка не велела пускать.

— Правильно! Молодец!

— Он сказал, что еще придет.

Вместе с Павлом Савельевичем Артемка вернулся в ресторан.

— Кончайте, мужики, освобождайте помещение, хватит па сегодня! — крикнул Павел Савельевич.

Рабочие, крепко пожимая руку управляющему, расходились. И вдруг Артемка остолбенел. Неужто это возможно? В одном из мужиков он узнал человека, которому помогал спрятаться в гробу от преследователей. Только тогда он был одет господином. Нет, не может быть!..

— Вы? — невольно воскликнул Артемка.

Но тут Павел Савельевич взял мальчика за плечи, повернул в сторону и, тихонько подтолкнув в спину, приказал:

— Ступай, убери со стола...

Начиная с этого дни Павел Савельевич частенько стал приносить Артемке книжки.

— Читай, а то всему здесь разучишься.

И Артемка читал, используя каждую свободную минутку. Он прочел большую книгу — «Детство» Льва

Толстого, потом поменьше — «Сказки» Пушкина. Дни тянулись, похожие друг на друга, и только книги да дружба с рыжим Сенькой-газетчиком скрашивали жизнь.

Как-то весенним вечером в ресторане было особенно шумно. Из зала, как обычно, доносились визгливые нетрезвые голоса. И всё те же грязные тарелки, та же мыльная вода, то же застиранное мокрое полотенце... Машинально перетирая тарелки, он задумался и не заметил, как вошел управляющий.

— Ну, Клевцов, ты нам нужен.

Артемка бросился к нему.

— Спокойнее, спокойнее, — остановил его Иванов. — Сбегай, милый, на Дегтярную, семь. Спроси там Петра Афанасьевича. А ну, повтори.

— Дегтярная, семь, спросить Петра Афанасьевича.

— Правильно! Петра Афанасьевича ты хорошо знаешь, недаром здесь его узнал. И молодец, что не спрашивал у меня: «Кто, да где, да что?» Ведь хотелось спросить?

Артемка кивнул.

— Найдешь его там и скажешь: «Велели вам передать, что могут явиться за кадушками. Пора!» Понятно?

— Понятно.

— А если тебя спросят, зачем приходил, так и отвечай: «Насчет кадушек». Вот и всё!

Артемка рванулся к выходу. Но Павел Савельевич его снова остановил:

— Смотри, будь осторожнее. Увидишь у дома толпу или полицейских, или таких, вроде Мишки Косого, — не ходи совсем. Если вернешься, а меня не будет — не ищи, не спрашивай! Значит, так надо! И не робей! Когда потребуется, найдем!

Потрепав Артемку по голове и ласково усмехнувшись, Павел Савельевич повторил:

— Все будет хорошо! А теперь беги быстрее. Иначе может случиться беда с нашим товарищем.

На Дегтярной, семь, он действительно нашел Петра Афанасьевича. Тот его сразу узнал, но не удивился. Он только крепко тряхнул его руку и сказал:

— Ну, здравствуй, спаситель... Что новенького принес?

— Велели вам передать, — сказал Артемка тихо, как

ему наказывал Павел Савельевич, — что могут явиться за кадушками. Пора!

Петр Афанасьевич посмотрел на Артемку, усмехнулся невесело и сказал:

— Что ж, этого можно было ожидать! Спасибо! Ты для меня просто ангел-избавитель от беды.

«От какой беды?» — хотел спросить Артемка, но не решился. Петр Афанасьевич велел ему бежать обратно.

— Что сказать Павлу Савельевичу? — спросил Артемка.

— Пора так пора! Значит, соберемся? Вовремя собраться — это, брат, великое дело, — спокойно ответил Петр Афанасьевич. — А Павлу Савельевичу ничего говорить не надо, он и так все знает. Да я думаю, что ты его и не застанешь в ресторане. Ну, беги, Клевцов! Хорошая у тебя фамилия.

В ресторане Артемка действительно Иванова не застал.

Поздно ночью парнишка проснулся от какого-то шума. Он прислушался. За перегородкой Мишка Косой говорил скрипучим голосом Тихону:

— Ах ты, леший, и как они удрали — ума не приложу. Ведь всех, казалось бы, в руках держал. Ну, думаю, поиграю я с ними. Иванов-то вовсе не Иванов, а тот, второй, еще похлеще. Хитран бестия!.. От их благородия попало мне, даже в рыло разок дал. Наградных теперь не видать, ни копейки не дадут. Вот ведь оплошка! Кто только мог их предупредить? А с Мелитки падо куш сорвать за то, что опа у себя тайного политического держала.

ЕДУТ НА ФРОНТ

Случайное знакомство с продавцом газет перешло в крепкую дружбу. Сенька Куприянов — так звали его — пришел как-то к Грошику и попросил его вызвать «мальчика, который при ресторане».

— Слушай, — зашептал Сенька, едва только Артемка вышел к нему. — Дело у меня к тебе — во! Давай я буду газету приносить, а ты господам своим в ресторане продавай. Они много дадут. Выручку разделим напополам. Согласен?

Артемка подумал и согласился. Уже через неделю они

подсчитали чистую прибыль — пять рублей двадцать три копейки! Сенька раз мечтался, что он купит сапоги, но тут же со вздохом отказался от своего плана:

— Ничего не выйдет. Сестренка у меня больная. В сиротской больнице лежит.

— А родители твои где?

— Отца в японскую войну убили, а мать потом умерла. Отравилась.

Артемка, глядя на его помрачневшее лицо, неожиданно сказал:

— Мои возьми.

— Что?

— Ничего. Мои, говорю, деньги возьми. Пятки у тебя казенные, что ли?..

Сенька был растроган предложением, но вначале артачился. Пришлось Артемке доказывать, что он сыт, одет и обут. Мелитина обещала деньги платить.

— Так что бери и не сомневайся!

* * *

Лето 1914 года было на психе. Стояли последние жаркие дни. На реке было полно купающихся. Первого августа Сенька появился с газетами раньше обычного. Его пронзительный голос разносил по тихим городским улицам грозную весть:

— Всеобщая мобилизация! Кайзер объявил войну!.. Долг каждого русского — защищать веру, царя и отечество!

Потрясенный город зашумел, заволиновался. Стои и плач стоял у мобилизационных пунктов. Разгул в ресторане стал бесшабашнее. Пили со злостью, орали песни, били посуду.

На улицах начали появляться патриотические манифестации — так называли организованные чаще всего полицией шествия с царскими портретами и иконами. Торговцы и приказчики, городское хулиганье, переодетые городовые и полицейские агенты набрасывались на прохожих, которые не снимали шапок перед иконами, не присоединялись к шествию и не выражали восторга при выкриках толпы в честь царя. Буйная толпа зверела и пьянела, больше чем от водки, от сознания собственной безнаказанности.

Полк, расквартированный в городе, был отправлен на фронт. Гостей в ресторане становилось все меньше. Мелитина закрыла убыточное заведение и уехала в деревню.

На прощанье разговор с Артемкой был короткий:

— Ты уже не маленький — поди, пятнадцатый пошел. Не пропадешь. А это тебе на первую пору...

«Пять рублей, — сосчитав деньги, подумал Артемка, — не ахти как много. Меньше, чем задолжала мне... Но на первое время и они пригодятся».

Артемка перебрался к Сеньке в подвал. Днем они продавали газеты, вечерами ловили на реке бревна и сбывали горожанам, — выручка шла в общий котел. К счастью, в тот год осень выдалась жаркая, даже старики божились, что такой жары в этих местах никогда не случалось. Но зимой стены подвала отсырели. Влагой пропитались раскрашенные картинки: на них бородатый генерал на копе и лихой казак, чубатый и улыбающийся, с нанизанными на пику немцами; мужичок-солдатик на коленях за колючей проволокой, над ним видение — богоматерь с младенцем. А под картинкой строки:

За Русь святую, за дело святое
Поднялся на битву рабочий народ.
Пусть имя его да пребудет с тобою,
Пусть гимн душа твоя гордо поет!

Артемку поначалу рассмешило: «Пусть гимн душа поет», но Сенька неожиданно обиделся:

— Чего смеешься-то?

— Да так. Чудно как-то.

— Сопляк ты, не понимаешь — вот и смеешься...

По ночам Сенька выкрикивал во сне: «Эскадрон, заходи-и-и! Шашки — к бою!» И, конечно же, это он, Сенька, придумал убежать на фронт, стать разведчиком или, на худой конец, проситься в кавалерию, хотя верхом на лошади никогда не сидел. Он говорил об этом серьезно и сильно волновался.

— Давай попросимся в эшелон. Каждый день поезда идут. В одии не попадем — в другой залезем. Не может быть, чтобы не взяли. Если надо, наврем — скажем, нам уже шестнадцать, а? — при этом Сенька делал такие просящие глаза, будто от Артемки завпсело, взять его в воинский эшелон или нет.

Все это было заманчиво и в то же время пугало своей неизвестностью. Сенька притаскивал откуда-то журналы и, захлебываясь, читал другу описания подвигов, совершаемых почти без жертв и без особых усилий. Сообщениями о подвигах пестрели все газеты. «Крупное поражение австро-венгерских войск». «Русские прорвали Юго-Западный фронт», «450 тысяч пленных», «Петроград празднует победы русского оружия!» — под такими заголовками печатались последние новости.

А в Вологде было тихо и скучно. На улицах в пыли валялись разомлевшие от жары куры. По воскресеньям назойливо звонили колокола соборной церкви, созывая прихожан.

Как-то утром Сенька молча достал мешочек, в котором хранились медяки. Пересчитал деньги.

— Вставай. Хватит киснуть. Пошли за сухарями на дорогу.

На следующий день Сенька и Артемка пришли на платформу, где останавливались воинские эшелоны. В ожидании прибытия очередного поезда ребята присели у насыпи. Из холщового мешка Сенька достал пачку папирос «Цыганочка», и друзья закурили. Курпльщики они были начинающие: все время кашляли и вытирали слезы рукавом.

Артемка вынул из мешка большой черный сухарь и, подавая его Сеньке, проговорил:

— Иа, погрызи. — И, вздохнув, добавил: — Может, сегодня не будет эшелона...

— Будет, — уверенно ответил Сенька, с усилием разгрызая черный сухарь. — Верный человек сказал. Будет.

В самом деле, вскоре на платформе началось оживление. Из солдатской кухни, находившейся певдалеке в тесовом бараке, аппетитно потянуло запахом щей. На нескольких телегах привезли буханки еще теплого солдатского хлеба и фанерные ящики с белыми этикетками, на которых крупными буквами было написано: «Махорка».

По платформе то и дело пробегали офицеры.

— Вот прапорщик! — определял по погопам Сенька. — А это подпоручик.

Медленно и важно прошел жандарм, на ходу расчесывая щеточкой рыжие усы. Он внимательно оглядел плат-

форму, зло пакричал на рабочих в промасленной одежде и с молотками в руках — это были осматрщики вагонов.

Рабочие что-то резко ответили жандарму, и тот стал кричать на них еще громче.

Сенька и Артемка замерли от страха, когда увидели, что жандарм направляется к ним. Подойдя к самому краю платформы и глядя вниз на перепуганных ребят, жандарм заорал:

— Вы чего здесь делаете? Марш отсюда!.. Шморгуницы...

Подхватив узелки, мальчишки бросились бежать. За углом будки, где стояли котлы для кипятка, они остановились. Сенька, погрозив кулаком в сторону жандарма, прошипел:

— Лягавый! На фронт бы тебя, краснорожего...

— Как бы не так. Пойдет он... На фронт едем, а то бы я ему... — разошелся и Артемка.

— А ну его... Значит, так условимся, — сказал Сенька. — Каждый по отдельности в теплушку будем проситься. Обоих вместе они не возьмут, да опять и на жандарма нарваться можно. Ты валяй с этого конца, а я пойду с другого. Ну, прощай...

И друзья разошлись в разные стороны.

Вскоре, обдавая платформу облаками пара, подошел воинский эшелон. Он еще не остановился, а солдаты уже прыгивали на ходу; в руках у них были ведра, котелки.

Платформа сразу ожила, она стала похожа на большой развороченный муравейник, а солдаты, тащившие в свои теплушки хлеб и кипяток, — на громадных зеленых муравьев.

Сизый махорочный дым стлался над головами шумевшей серо-зеленой толпы. Слышались незлобивая ругань, смех. В одной из теплушек заливалась гармоника, в другой раздавалась залхватская песня:

Солдатушки, бравы ребятушки...

За порядком следили фельдфебели и унтер-офицеры. Важный как индюк расхаживал взад и вперед все тот же жандарм.

Сенька действовал решительно. Заметив, что в послед-

ней теплушке не осталось ни одного солдата — все они на вольном воздухе под ближайшим пригорком хлебали из бачков щи, — Сенька забрался в вагон и юркнул под нижние нары. Его сразу же охватил удушливый запах карболки и солдатских портянок. Но что там какие-то запахи! Пройдет еще немного времени, паровоз даст свисток — и прощай, скучная, неприятная Вологда, прощай, сырой и холодный подвал. Сеньку тревожило только одно: удалось ли и Артемке устроиться в какой-нибудь теплушке?

Нет, Артемке не удалось.

Он ходил от вагона к вагону и простодушно просился у солдат, у фельдфебелей, чтобы его взяли на фронт. Уже подходя к последней теплушке, он заявил, отчаявшись, что хочет воевать за веру, царя и отечество. Один из солдат насмешливо крикнул:

— Ай да вояка! В котомке-то у тебя соски, что ли?

— Зачем соски! — обиделся Артемка. — Сухари там.

— Ишь ты, — с той же насмешкой продолжал солдат, — молоко на губах не обсохло, а туда же — на фронт...

Солдат вытащил из кармана кисет с махоркой и козявым, негнувшимся пальцем долго крутил «козью ножку», а потом, сдув с ладони табачную пыль, с наслаждением затянувшись, добавил:

— Тебе бы еще у матки титьку сосать.

Вся теплушка громко засмеялась.

— Сопляк ты! Цуцик! Вояка! Драть, верно, тебя некому. Ишь ты, за веру, царя и отечество... — Солдат расхохотался, разглядывая унылую фигуру мальчишки-добровольца. Он смеялся долго, казалось, что он вот-вот лопнет от смеха.

— Мне на фронт. Или голова в кустах, или грудь в крестах! — всomniaв Сепю, выкрикнул Артемка.

Лицо солдата стало серьезным, и он, свирепо посмотрев на Артемку, сказал:

— Дура! Без тебя у царя-батюшки пушечного мяса хватает.

Мальчишка вдруг почувствовал, как кто-то больно взял его за ухо. Подняв глаза, он увидел рыжеусого жандарма, который, не выпуская его уха, злобно смотрел на солдата.

— Фамилія?! — заорал жандарм. Но в это время раздался третий удар вокзального колокола, свистнул паровоз, лязгнули буфера и эшелон медленно тронулся...

В служебной комнате, развалившись в кресле, жандарм приказал обыскать Артемку.

— Для чего его обыскивать-то... — начал было стражник.

— Молчать! — оборвал его жандарм. — Обыскивай! На той педеле такой же шкет листовки в эшелоп забросил. А меня пачальство распекало. Обыскать, говорю!

Вскоре на столе лежали: складной ножик, деревянная ложка, цветная литография о подвиге Козьмы Крючкова, несколько медных с орлами пуговиц и солдатская кокарда.

— Всё? — громко спросил жандарм.

Артемку еще мало интересовало происходящее в комнате. Он поминутно бросал взгляды на окно и на дверь, ждал, что вот-вот появится огненно-рыжая Сенькина голова... Поняв наконец бесполезность допроса, жандарм выгнал мальчишку на улицу.

Долго бродил Артемка по перрону вокзала, по железнодорожным путям, но друга нигде не было. Конечно, он уехал на фронт.

Во всех своих неудачах Артемка винил только жандарма, жестоко отодравшего его за ухо, и стал лихорадочно придумывать план мести.

Он вспомнил слова этого мучителя о листовках.

Что такое листовки он знал и даже одну, случайно забытую в ресторане филером Косым, прочитал. В ней было написано, что война народу не нужна.

Еще тогда он спросил у Мишки, кто составляет такие листовки. «Враги царя и отечества», — ответил тот, едва не прибив его: не суйся, мол, не в свое дело.

Так и не заснул в эту ночь Артемка, — он решил непременно разыскать тех, кто принес ему весточку от отца. Он попросит дать ему побольше листовок и назло жандарму разбросает их среди солдат...

В ЗАПАСНОМ ПОЛКУ

Несколько дней бродил Артемка по городу, надеясь встретить нужного ему человека. Однако все поиски ока-

зались тщетными. Много раз попадались ему навстречу мальчишки, одетые в солдатскую форму. Однажды таких мальчишек он увидел среди музыкантов духового оркестра, шагавшего впереди запасного полка; полк размещался на окраине города, в Первушинских казармах.

На другой день он уже был около казарм.

В будке у ворот стоял часовой с ружьем. Нечего было и думать проникнуть через ворота во двор. Артемка обошел кругом большое кирпичное здание. Вокруг казарм простирались пустыри, огороженные редким забором. Вдоль всего забора тянулись поленницы дров. На большом и грязном дворе трое солдат в выцветших гимнастерках пилили и кололи метровые плахи.

Пробравшись через отверстие в заборе во двор, Артемка подошел к солдатам и стал складывать расколотые дрова в поленницу.

— Елки-палки, ты как сюда попал? — воскликнул один из работавших.

Услышав возглас товарища, остальные прекратили пилить и с любопытством стали разглядывать мальчишку.

— Я, дяденька, я... отсюда, — невинно проговорил Артемка, показав на дыру в заборе.

Переглянувшись, солдаты сочувственно усмехнулись.

— А чего тебе здесь надо, парень?

— В полк поступить хочу, чтобы на фронт уехать, или в музыкантскую команду, — робко ответил Артемка, смотря в глаза пожилому солдату, задавшему вопрос.

Тот легонько свистнул и почесал в затылке:

— Не перевелись, видно, дураки-то! А ты чей будешь? Отец, мать у тебя есть?

— Никого у меня нет. Я сам...

— Сам себе, выходит, хозяин...

Солдат посмотрел на своих товарищей, которые внимательно прислушивались к разговору.

— А вы, дяденьки, скоро поедете на фронт? — осмелев, спросил Артемка.

— Мы теперь команда выздоравливающих. После ранения. Дураки только на фронт просятся.

— Так вы уже были на фронте! — не скрывая восхищения, воскликнул Артемка.

Солдат со злостью всадил колун в сырое полено:

— Выдрать бы тебя надо! Ишь, дуrolом!

— Я в музыкантскую команду поступить хочу. Здесь, в казарме, — виновато проговорил Артемка. — Там ребят принимают, обмундирование дают.

Артемка не сказал, что уже несколько дней питался только черными, смоченными водой сухарями, купленными еще Сенькой Куприяновым.

— В трубачи, значит, захотел, к пайку казенному протянуло... — задумчиво протянул пожилой солдат. — Ну что ж, попробуй...

В казарму, через лаз в заборе, Артемка стал ходить ежедневно. Солдаты привыкли к нему и часто угощали щами и кашей из черной чечевичы, которая казалась ему невероятно вкусной. Они и указали ему, как пройти к капельмейстеру, от которого все зависело.

Артемка пришел к главному музыканту в комнату, затаив дыхание, остановился у порога. Он впервые видел капельмейстера, и тот показался ему очень красивым и важным. Высокий, с большими черными напояженными усами, хозяин полкового духового оркестра сиял, точно золотая монета.

— Значит, это ты? — спросил капельмейстер, топорща усы. С ним уже успели поговорить о мальчишке. — Родитель где у тебя? — спросил он, доставая из кармана камертон.

Артемка понял, что сейчас будет проверка слуха... Он замялся, не зная, что сказать об отце. Его выручил сам капельмейстер:

— Значит, убили батьку! Так сказать, за веру, царя и отечество?

Артемка молчал. Не мог же он сказать, где находится его родитель. Его бы сразу выгнали из казармы.

— Знаешь, что это за штука? — капельмейстер показал камертон.

— Знаю. Но забыл, как называют.

— Камертон это. Понял? Камертон. Становись сюда. Ударив камертоном о рукав, капельмейстер поднес его к самому уху мальчишка:

— Слышишь?

— Слышу. Жужжит...

— «Жужжит»... — передразнил капельмейстер. — Не муха!.. Как поднесу его к уху, так ты тяни на той же ноте: «А-а-а!»

Капельмейстер снова ударил камертоном по рукаву.
— Ну, чего же ты! Тяни...

Артемка стал тянуть.

— Громче, шкет, громче! — крикнул раздраженный капельмейстер.

Артемка стал тянуть во всю силу голоса. Лицо капельмейстера перекопилось, словно он вместо воды выпил уксусу. Ни слова не говоря, он больно стукнул ручкой камертона по Артемкиной голове.

— В моей подметке слуха больше, чем у тебя, у сморчка. А голос, пожалуй, у осла и то лучше...

Артемка хотел что-то возразить, но капельмейстер закричал на него:

— Пошел вон!.. Музыкант!

Испуганный и растерянный, выбежал Артемка на улицу. Стоявшие у крыльца солдаты поняли всё.

— Ничего, бывает, парень, — успокаивали они его.

В это время подошел унтер Дубец, и солдаты стали просить его оставить «приблудшего» паренька при взводе. Артемка и раньше встречался с унтером, но не разговаривал с ним. Это был коренастый человек со смуглым лицом, на котором резко выделялись скулы. Из-под густых, мохнатых бровей пристально и немного угрюмо глядели серые глаза, которые как бы буравили встречных острым взглядом.

Дубец представлялся Артемке суровым и даже злым человеком, и он старался его избегать. Унтер, не отвечая на просьбу своих подчиненных, схватил Артемку за руку и повел его за каменный сарайчик — вещевого цейхгауз полка. Там размещалась спортивная площадка, на которой стояли заборы, брусья, «кобыла», были вырыты ровики, заполненные водой, висели набитые сеном мешки, исколотые птыками. Между двумя столбами была прилажена железная перекладина, отполированная до блеска грубыми солдатскими руками.

— Так как, говоришь, фамилия твоя? — спросил Дубец, усаживаясь на пустой ящик из-под снарядов и сверля парнишку глазами.

— Артем Клевцов, — хмуро ответил мальчик, покраснев от волнения.

— А чего ты к полку прилип? Что тебе здесь надо?

Артемка рассказал о своем неудачном разговоре с капельмейстером. Слушая, Дубец продолжал оставаться

серьезным. Мохнатые брови его даже сдвинулись теснее обычного.

— Так тебе и надо. Иди домой!

Артемка, отвернувшись, заплакал. Скривив в гримасе лицо, унтер передразнил мальчишку.

— Эх ты, плакса!.. А еще в солдаты пролезть хотел. Иди домой, и чтобы не видел я тебя здесь больше.

Парнишка пошел к выходу.

— Постой! — вдруг остановил его Дубец и подозвал к себе. — А кто твои родители? Только брось плакать. Не люблю соиляков!

— У меня нет родителей.

Унтер в недоумении откинулся назад:

— Вот те на! А где же они?

— Мать умерла, а отца... увезли.

Артемка смутился. Он не хотел рассказывать унтеру об аресте отца и теперь не знал, что говорить дальше.

— Увезли, говоришь?.. Куда же его увезли?

Дубец встал с ящика, в раздумье прошелся туда и обратно.

— Может, жандармы его увезли? Вот сюда, — Дубец сложил крест на крест четыре пальца, прищурил глаза. — Чего же ты молчишь?

Не зная, что придумать, Артемка решил открыть о себе все, без утайки. Подробно рассказал об отце, о том, как попал из Питера в Вологду. Рассказал и о приютской жизни, о монахе Ферапонте, о мастерской гробовщика, о ресторане, и Тихоне, и полицейском филере Мишке Косом, и, наконец, о своей неудавшейся поездке на фронт.

— А не врешь ты все? — настороженно спросил Дубец.

Мальчик растерялся от этих слов, во рту у него пересохло, а в горле застрял какой-то комок, который он никак не мог проглотить.

Дубец почувствовал состояние парнишки и снова спросил:

— А чем ты все это можешь доказать?

Артемка растерялся еще больше. Губы его задрожали, он отвернулся.

Дубец кашлянул и вдруг притянул мальчика к себе:

— Ну, что ты разнюнился, парень?.. Ладно, переговорю с ротным, чтобы тебе разрешили жить в казарме...

Только вот что я тебе скажу, Артем. Никогда не плачь! Плачут слабые. А ты должен быть сильным. Будешь плакать — пропадешь... Люди знаешь какие? Учить их надо: тебя бьют — и ты бей! Тебя обвести хотят — и ты в долгу не оставайся! Крепким, упрямым будь. Понял? Я это хорошо знаю... — Дубец сверкнул из-под бровей глазами-буравчиками.

Вечером не пришлось Артемке идти в подвал. Он ночевал в казарме.

А на следующий день после утренней поверки Дубец, немного робея, подошел к командиру роты поручику Рогожину и обратился «по важному делу». Дубец не любил ротного и про себя называл его «слюнтяем» и «интеллигентом», что для него означало одно и то же. В разговорах с солдатами он иной раз даже позволял себе подшучивать над внешним видом Рогожина. Поручик скорее мог бы сойти за штатского, чем за строевого офицера. Был он слегка близорук и носил пенсне на шнурке, форма сидела на нем мешковато. Рогожин уже побывал на фронте, где получил серьезное ранение; после госпиталя его послали в запасной полк. Здесь он без всякого служебного рвения тянул лямку ротного, добиваясь увольнения по болезни в запас... Унтер Дубец знал, что ротный скорее всего внимательно отнесется к его просьбе, — Рогожина считали справедливым и отзывчивым человеком. И он не ошибся: офицер его выслушал, расспросил о жизни спроты и обещал ходатайствовать перед батальоном о зачислении мальчика в запасной полк. Больше того, офицер горячо заинтересовался судьбой беспризорного подростка и попросил унтера прислать мальчишку к нему на квартиру.

Рогожин снимал комнату в одной интеллигентной семье, в каменном доме на главной улице города. Он жил один. Поговаривали, что он женат, но жена, находившаяся в Петрограде, бросила его или куда-то уехала. Комната ротного показалась Артемке роскошной и чем-то напомнила ему богатые «отдельные кабинеты» в ресторане Багровой, которые ему иногда приходилось убирать. Офицер принял парнишку ласково, сразу усадил на мягкий диван, насыпал в руки пригоршню конфет, сказал:

— Ешь, дорогой, не стесняйся. Давно, верно, не ел конфет...

Присев на стул, Рогожин долго протирает свое неловкое, бросая на мальчишку жалостливые взгляды, потом стал расспрашивать о его жизни. Артемка рассказал все как есть. После этого ротный стал относиться к нему еще внимательнее, мягче. Напоив сироту чаем, Рогожин обещал ему поговорить с командиром полка и сделать все, чтобы его устроить. Участь бесприютного мальчика была решена.

* * *

В запасном полку тон задавали выздоравливающие солдаты, направленные сюда из лазаретов. Все они уже в досталь хлебнули окопной жизни и с ненавистью говорили о войне.

Иногда по вечерам, собираясь небольшой группой где-нибудь в уединенном месте, солдаты тихо напевали протяжную грустную песню:

Эх, пойду ли я, сиротинушка,
С горя в темный лес.
В темный лес пойду
Я с винтовочкой,
Сам с охотой пойду,
Три беды я сделаю.
Уж как первую беду —
Командира уведу,
А вторую ли беду —
Я винтовку паведу.
Уж я третью беду —
Прямо в сердце попаду...

Первое время было тяжело: в шесть часов утра подъем, потом молитва, утренняя поверка, завтрак, муштра...

Целый день солдаты занимались строевыми учениями. Шагали в одиночку, по двое, по трое, отделением, взводом. Сдвигали ряды, равнялись, нища глазами грудь четвертого человека. Учили ружейные приемы, кололи штыком мешки с сеном. Для Артемки особенно тяжелы были ружейные приемы, но он старался и виду не показать и делал их четко, без запинки.

Дневной муштрой не заканчивался солдатский день в казарме. Занятия продолжались до самого отбоя: разучивание походных солдатских песен, изучение уставов, вечерняя поверка и опять молитва...

Солдаты считали счастьем, когда их назначали в караул или посылали дневальить на кухню. Часто они даже парушали дисциплину умышленно, чтобы получить наряд вне очереди.

От усталости и первого напряжения Артемка нередко долго не мог заснуть. И в такие часы он обдумывал все, что видел вокруг. «Для чего в полку офицеры?» — спрашивал он себя и не находил ответа. Все занятия, весь распорядок дня проводили с солдатами унтер-офицеры и ротный фельдфебель. Офицеры чаще всего приходили в половине дня, спрашивали у фельдфебеля, как идут занятия, потом отходили в сторону, о чем-то друг с другом разговаривали и скоро исчезали.

Офицер мог с солдатом сделать все, что только хотел. Мог послать в наряд, посадить на гауптвахту, раньше времени отправить на фронт. Нередко случались и зуботычины. Ближе к солдатам были фельдфебели, почти все — грубые, певежественные, но хорошо знающие службу. От них зависело многое. Не угодишь фельдфебелю — пропадешь!

Артемке повезло. В роте, куда он понал, порядки были мягче, чем в других подразделениях. Командир роты поручик Рогожин, которого считали в полку «либералом», строго следил за тем, чтобы его подчиненные не допускали рукоприкладства, преследовал фельдфебельский произвол и жестокость. Он часто бывал в роте, посещая занятия, беседовал с солдатами, а иногда и сам проводил во взводах занятия по «словесности».

Большой удачей для Артемки было и то, что его ближайшим начальником оказался унтер-офицер Дубец. Унтер заботился о нем, помог ему быстро получить обмундированию. Правда, оно было поношенное и не по росту, но парнишка очень гордился им. Артемка всей душой привязался к своему покровителю, в котором за суровой паружностью угадывал отзывчивое сердце. Как ни тяжело ему было, он старался не подавать и виду, памятуя о наставлении Дубца «не плакать». Но однажды унтер всерьез на него рассердился... На одном из занятий Артем что-то выполнил не так, как надо, и вызвал этим недовольство фельдфебеля, высокого детины с большим самомнением и зычным голосом. Быть в немилости у фельдфебеля считалось среди солдат серьезной бедой, и Артем старался изо всех сил вернуть расположение начальства.

Как-то утром, встав перед подъемом, он до ослепительного блеска начистил фельдфебельские сапоги. Узнав об этом, Дубец сразу же вызвал к себе мальчишку и с глаза на глаз сурово его отчитал:

— Ты что это делаешь? В холуи метишь? Думал, фельдфебель поблажку тебе даст, а он после этого еще больше куражиться пад тобой будет!

Артем был подавлен случившимся, он смутно чувствовал свою вину, но в то же время не понимал возмущения унтера.

— Вы же сами учили меня: не плачь, не давай себя в обиду...

Дубец с минуту молча разглядывал мальчишку, в глазах его загорелись веселые искорки.

— Вот, оказывается, в чем дело! Сразу и не догадаешься... Это я, значит, учил тебя пачальству зад лизать! Ну и ученик мне хороший попался...

Артем смущенно молчал.

— А ты подумал, — продолжал не па шутку рассерженный Дубец, — что сказал бы об этом твой папаша? Ой, и разгневался бы он, и всыпал бы тебе за такие дела! Запомни же: к начальству никогда не подлаживайся, не криви душой и себя не роняй! Понял, малец?

— Понял, — виноватым тоном ответил Артемка.

Дубец вечерами часто беседовал с приبلудиним пареньком. От него подросток узнал правду о войне, о тяжелой солдатской жизни в окопах.

Как-то за чашкой чая унтер рассказал воспитаннику о своей молодости. Оказалось, в жизни его было много схожего с тем, что пришлось пережить Артемке. Он вырос в рабочей семье, рано потерял мать, работавшую на Сокольском целлюлозном заводе. Отец Дубца, слесарь этого же завода, после смерти жены запил и был уволен с работы. Пришлось кормить себя и больного отца. А потом — армия. На фронте он был разведчиком; за то что взял ценного «языка», его произвели в унтер-офицеры...

Дубец рассказывал Артемке и о политике, о питерском пролетарпате, который поднимается па борьбу против войны и капиталистов.

— Изучай, сынок, военное дело, крепко изучай. Нам скоро пужны будут свои, знающие военное дело люди.

И Артемка старался изо всех сил. Он теперь лучше многих в роте стрелял, выполнял команды и ружейные приемы.

* * *

Часто солдаты, собравшись в караульном помещении, зло высмеивали офицеров. Особенно они ненавидели начальников из дворян, аристократов, — пожалуй, больше, чем немцев.

Как-то вечером, войдя в помещение взвода, Артемка услышал, видимо, давно начавшийся разговор. Один дядька, лежа на нарах, говорил:

— ...Вот и выходит, что их благородия и на войне припеваючи живут...

— Так здесь же не фронт... — заметил кто-то.

— Все едино. Здесь, в тылу, они еще хуже делают! А солдат — он и в ведро и в непогодь в окопе грязь месит, плесневелый сухарь жует, и тот не в досталь, да водицей болотной заливает. А дома что? Эх! Может, и хозяйство порушилось, детишки по миру пошли... А что делать? Кому скажешь? До бога высоко, до царя далеко.

— Наш ротный вроде бы не такой.

— Да все они одним миром мазаны... — со злобой продолжал лежавший на нарах. — Уже второй год воюем, и когда все это кончится — одному богу известно. Говорят, царь будто тянет на примирение, а министры, богатеи да союзники наши — за победу до полного конца. А среди солдат, я слыхал, есть такие люди, большаками пазываются, которые за то, чтобы германец победил Россию нашу. Говорили, троих большаков военным судом казнили, вроде и прапорщик среди них был.

— Ты много не болтай, — заметил кто-то. — А то и тебя приберут.

— Неправда, — неожиданно вырвалось у Артемки. — Неправда, что большевики против России! Большевики — за трудовой народ.

— Ишь ты! — присвистнул солдат.

— А ты спи, паренек, не твоего это ума дело. Сами разберемся.

Однажды, разыскивая Дубца, Артемка заглянул в караульное помещение. Солдаты пили кияток с сухарями. Здесь же у стола сидел унтер, свертывая козью ножку.

Бородатый солдат со шрамом во всю щеку, ни к кому не обращаясь, спросил:

— А интересно, что немцы о войне думают?

— Ясно что! — зло откликнулся кто-то. — Они знают пиво пьют да сосиски жрут.

Дубец покачал головой и усмехнулся:

— А я думаю, в блиндажах у них такая же пакость, как и у нас: и холодно им, и голодно, и многие офицеры так же солдат по морде хлещут. Они так же, как и мы, по своим родным тоскуют. Солдат — он мужик или рабочий, и нам все равно, на каком он языке говорит.

Артемка ушам своим не верил! Как мог Дубец громко, открыто, при всех говорить такое о немцах! А тот, словно угадав мысли Артемки, приоткрыл дверь и осмотрел коридор.

Разговор продолжался.

— Да, война всем попереки горла встала, а не только нашему взводу, — сказал Дубец и добавил: — Бе кончать пора.

Как собрался кончать войну Дубец, Артемка не знал. А когда тот вышел, кто-то из солдат тихо проговорил ему вслед:

— Правильный он мужик, ребята!

В ПИТЕР

Все эти дни Артемка жил ожиданием, что наконец-то его мечта попасть в родной Питер сбудется. И вот она стала сбываться... В Вологде, в запасном полку, для отправки в Петроград формировалась маршевая рота.

В Петрограде в рабочих районах и среди войск шло глухое брожение. Испуганное царское правительство, стараясь предотвратить опасное развитие событий, вызывало из глухих мест в столицу воинские подразделения, состоявшие, как правило, из пожилых неграмотных крестьян. Правительство надеялось спасти положение тем, что пополняло состав революционно настроенных питерских полков преданными, как оно полагало, царю-батюшке темиными мужиками.

Дубцу удалось включить в состав маршевой роты Артемку.

— В Питере ко всему приглядывайся, — напутствовал

его Дубец. — Об отце сильно не беспокойся — он не пропадет. В Питере лучше всего подработать на завод — ротный не будет держать. Вот сходи по этому адресу, здесь тебе помогут.

Дубец вручил Артемке листок с адресом и попросил никому его не показывать.

И вот он на воинской платформе, по которой все так же важно разгуливает жандармский вахмистр с пушистыми рыжими усами. Задолго до отхода эшелона Артемка залез на верхние нары. С нетерпением ожидал он, когда эшелон тронется в путь, повторял про себя адрес человека, к которому по приезду должен явиться. Двери в теплушке держали открытыми, и хотя топилась чугунная печурка, но от морозного воздуха было холодно и наре-нек зябнул в своей тонкой шинелишке, перешитой из старой солдатской шинели, списанной по негодности.

Когда поезд подошел к Череповцу, Артемка побежал за книжком для всей теплушки. Пробегая по перрону с полным ведром, он неожиданно натолкнулся на поручика Рогожина, прогуливавшегося с папирсой в зубах. Поручик сопровождал маршевую роту. Кроме того, как говорили, состояние его здоровья резко ухудшилось после серьезного ранения, полученного на фронте, и он собирался подлечиться в Петрограде.

Узнав командира роты, Артемка быстро поставил на перрон ведро и, вытянувшись по стойке «смирно», отдал честь офицеру. Рогожин ответил. Ему нравился Артемка, этот скромный и смущенный подросток с большими глазами. В запасном полку он после первой встречи не раз беседовал с мальчиком. Чувствуя внимание к себе офицера, Артемка прямодушно отвечал на его вопросы. Рогожин знал и о «тайной мечте» сироты отправиться в родной город, чтобы разыскать следы отца, и посодействовал включению воспитанника полка в маршевую роту.

— Что в Петрограде думаешь делать? — спросил ротный.

— На завод хочу поступить.

— А где жить думаешь?

— Не знаю еще...

Рогожин, пораздумав, произнес:

— Ну, не бойся, приедем в Петроград — увидим...

— А я и не боюсь, вашскородь, — бойко ответил Артемка.

Рогожин внимательно посмотрел на солдата.

— В Петрограде после выгрузки подойди ко мне. Подумаем вместе... — сказал оп. — Ну, беги, а то тебя в вагоне заждались...

Под монотонный перестук колес Артемка обдумывал слова офицера, размышляя о том, с чего он начнет свою жизнь в Петрограде. Денег у него не было, если не считать рублевки, сунутой в руку Дубцом...

* * *

Эшелон подходил к Петрограду.

Вот и он, большой, родной и вместе с тем незнакомый город, куда Артемка так стремился.

Было морозно и солнечно, когда поезд подкатил к вапской платформе. Одним из последних, с вещевым мешком за плечамп, Артемка выбрался из вагона. От свежего морозного воздуха закружилась голова. Поправив папаху, шинель и разгладив на плече лямку вещевого мешка, он медленно пошел по перрону.

Фельдфебель уже строил роту.

«Сперва придется отправиться в казарму, а потом видно будет».

Вдруг оп услышал, как кто-то позвал его:

— Клевцов, подойди ко мне!

Он оглянулся: его окликнул Рогожин. Артемка подошел к офицеру, и тот, словно бы угадав его мысли, предложил:

— Ну, герой, поедем ко мне. Если хочешь, поживи пока у меня.

— Не знаю, — не нашелся что ответить мальчишка.

— Чего же тут не знать... — Рогожин подхватил Артемку под руку и повел его к выходу. Они вышли на привокзальную площадь.

Ротный подозвал извозчика.

В легких санках, прикрыв поги медвежьей полостью, они ехали медленно по большому зимнему городу. Некоторые прохожие с удивлением провожали взглядом офицера, сидевшего в одних санках с солдатом.

Артемке казалось, что вся его жизнь начинается сначала и все, что было до этого — спротский приют, монастырский сад, мастерская гробов, ресторан, — все это было ненастоящее и осталось где-то далеко позади.

Подъехали к дому, где жил командир роты. Артемка успел рассмотреть желтое здание с колоннами и тяжелую дубовую дверь.

У ворот стоял дворник. Увидев Рогожина, он поклонился ему:

— Прибыли, значит, ваше благородие. С приездом вас.

В ответ Рогожин буркнул что-то похожее на «спасибо, братец» и сунул дворнику «на чай».

Офицер открыл дверь в квартиру, и Артемка шагнул в другой мир, зажав в замерзших руках папаху.

ЧАСТЬ II

В БАРСКОЙ КВАРТИРЕ

Долго не мог привыкнуть Артемка к большой и тихой барской квартире. Всюду — старинная тяжелая мебель, горки с хрусталем, глухие шторы на окнах, картины в золоченых рамах. Все это угнетало. Правда, Рогожин был с ним ласков, однако мальчику иногда казалось, что за этой ласковостью скрывается простое любопытство одинокого человека к подростку с необычной и трудной судьбой.

От старой няньки ротного, Надежды Андреевны, Артемка узнал, что жена его уехала за границу с Рябушинским — сыном известного богача — и «бросила Митеньку, а он, сердешный, уж так любил ее, да и теперьча любит. Извелся весь от тоски».

Нянька Дмитрия Александровича, она же и кухарка, прослужила у Рогожиных тридцать лет и считалась в доме «своей». Надежде Андреевне было уже лет под шестьдесят, лицо ее сплошь покрывали морщины. Она всегда ходила в темном ситцевом платочке, глаза ее слезились. Несмотря на свой возраст, женщина продолжала вести

хозяйство. Она была очень чистоплотной, и в кухне медные кастрюли на полках всегда блестели, стол был выскоблен и вымыт. К своему воспитаннику она относилась с тем болезненным и ревнивым вниманием, с каким относятся матери к избалованным детям. Может быть, поэтому она привязалась и к Артему — чужому для нее человеку, которого, как ей казалось, любит ее Митенька. Вечерами молоденький солдат рассказывал Надежде Андреевне о себе и о Вологде, и женщина, спя у остывающей плиты, тихонько вздыхала и краешком платочка вытирала слезы.

Эти слезы были Артемке неприятны, и всякий раз при их появлении он обрывал свой рассказ и старался незаметно уйти из кухни. Жалость к бесприютному и обиженному судьбой чувствовалась и в обращении с ним Рогожина — в его подчеркнуто ласковом голосе, сострадательных взглядах... «Что они меня все время жалеют, словно я безнадежно больной или приговоренный к смертной казни?..» — думал Артем, и глухое чувство раздражения против Рогожина и его жизни все больше крепло в нем. Он, возможно, ушел бы из барской квартиры, если бы его не удерживало одно обстоятельство. В первый же день после приезда ротный повел его в большую комнату, которую называл своим кабинетом. Войдя, Артем ахнул от удивления: на месте стен, от пола до потолка, тянулись ряды книг. Ничего, кроме книг — разноцветных, плотно прижатых друг к другу, отливающих блеском книжных корешков! Чья-то рука заботливо ухаживала за этой армией толстых и тонких томов — стирала с них пыль, следила за порядком на полках... Артемка впервые видел такую уймищу книг, и у него загорелись глаза.

— Нравится? — Рогожин, снисходительно улыбаясь, смотрел на покрасневшее от волнения лицо мальчишки. Чувствовалось, что ему пришлось по душе то неожиданно сильное впечатление, которое произвела на юношу его библиотека.

— То-то же! Я ведь знаю, что ты любишь читать... Вери, читай, мне не жалко!

Артем благодарно кивнул головой, не зная, как выразить свое восхищение.

Офицер провел узкой мягкой ладонью по сверкавшим корешкам и ловким движением вытащил из плотного ряда увесистый том, раскрыл его.

— Гоголь... «Тарас Бульба»... Читал?

— Нет.

Рогожин минуту подумал, потом сказал:

— Лучше я тебе другую книгу дам. — Он аккуратно вдвинул взятый том на место и на другой полке достал растрепанную книгу в простой бумажной обложке.

— Это знаешь кто? — Рогожин многозначительно поднял палец: — Максим Горький, «Рассказы»... Читал?

— Не читал я.

— Не читал? — в голосе Рогожина звучало искреннее огорчение. — Нехорошо, молодой человек. Горького надо читать, и особенно таким, как ты. Возьми и сегодня же начни читать.

И Артем стал читателем рогожинской библиотеки. Это и удерживало его от ухода из барской квартиры, с которой его по-настоящему ничего не связывало.

* * *

Вскоре после приезда Клевцов отправился побродить по родной Выборгской стороне, где прошло его раннее детство. Была оттепель. Под ногами хлюпал растаявший снег. От Невы поднимался пар, — река еще не замерзла, хотя наступили последние дни декабря.

На Сампсониевском проспекте было малоллюдно, и Артемка шел не спеша, старательно обходя лужи. Этот проспект он помнил смутно. Где-то здесь надо было свернуть, чтобы попасть на Безбородкинский, но где именно — он не помнил и собирался спросить кого-нибудь из прохожих. Пока же он с интересом рассматривал дома, магазины, вывески, волнуясь в ожидании того момента, когда наконец увидит знакомый дом, верно, сильно постаревший, крылечко, узкую лесенку, ведущую в небольшую комнату, где он когда-то жил с отцом... Да, на этих улицах прошло его детство. Здесь всю жизнь на заводах работал его отец. Сначала он работал на «Розенкранце». Артемка крепко запомнил это непривычное для уха слово. От него отдавало чем-то мрачным, особенно после того, как Артемка однажды побывал у отца в цеху и глотнул адсье едкого удушливоегo дыма, который во время плавки стлался по всем помещениям... А потом отец перешел на Металлический. Тогда-то и появился в их доме дядя Валя, «дядя Щербатый». Каков-то он теперь?.. Щер-

батов баловал сына своего друга Клевцова, иногда водил по воскресеньям на Безбородкинскую, где ребятня каталась на каруселях...

Внимание Артемки привлек, наклеенный на стене лист бумаги, на котором крупными буквами выделялась строка:

К ПРОЛЕТАРИАТУ ПЕТРОГРАДА!

Он подошел и с любопытством стал читать:

«С каждым днем жизнь становится труднее... Война, кроме миллионов убитых, несет и другие беды: продовольственный кризис и связанную с ним дороговизну. Страшный призрак «царь-голода» угрожающе подвигается на нас. Довольно терпеть и молчать! Чтобы устранить дороговизну и спастись от надвигающегося голода, вы должны бороться против войны, против всей системы насилия и хищничества...»

Для него эта листовка была радостной неожиданностью. Там, в Вологде, Дубец прятал такие печатные бумажки, доверяя их только самым верным людям, а здесь, как ни странно, листовка висела на видном месте и любой мог ее прочитать! Он старательно расправил загнутый угол бумажного листа.

Артемка так увлекся чтением, что даже не заметил, как подошел к нему какой-то человек. Пробежав глазами по строчкам, прохожий горестно покачал головой:

— Ай-яй-яй!.. Это про законную власть-то, про царя самого! Какая безответственность, самонадеянность! Вы как думаете, молодой человек?

— Ничего я не думаю, — буркнул Артемка.

— И напрасно, напрасно. Думать надо. Вы что же, живете здесь?

— Нет, не живу.

— Мы вроде бы знакомы. Я на Сампсоньевском живу. По-моему, встречались.

— Нет, не встречались.

Незнакомец — щуплый человечек с беспокойными глазами — оглянулся, вздохнул и вдруг схватил Артема за рукав шинели. Рука неожиданно оказалась цепкой и сильной.

— Ну, тогда пойдем. Я ведь видел, как ты наклеивал...

Подросток понял, с кем имеет дело. Он сделал попытку вырваться, но, увидев черпый ствол нагана, смотревший ему в лицо, притих. Человечек насмешливо протянул:

— Ишь ты, прыткий какой! А ну, не будем бегать...

Убегать было действительно бесполезно. Шпик ногами содрал со стены наклеенную паспех прокламацию и снова насмешливо сказал:

— Не та фирма... Пошли!

Так глупо попасться лишь за то, что прочитал и расправил на стене листовку! Конечно, его освободят, когда установят, что он остановился случайно и ничего не знает. Надо что-нибудь придумать.

Внешне он старался казаться спокойным, даже равнодушным. Успокоился и филер, хотя все еще держал руку в кармане, куда сунул наган и обрывки содранной бумаги.

Прохожие, попадавшие навстречу, не обращали внимания на шагавших рядом паренька в серой солдатской шинелишке и мужчину в просторном драповом пальто.

* * *

Из полиции Артемка возвращался поздно. Его допрашивали долго, подробно. Об отце он, конечно, не сказал. Пришлось наврать, паспех придумать историю, как он остался один, как попал в занасной нолк и познакомился с Рогожником. Но отпустили его только тогда, когда узнали, что он живет вместе с офицером. Назвав свой адрес, Артемка и не предполагал, что это так сильно подействует на полицейских... И теперь, шагая по ночной улице, он думал о том, хорошо ли сделал, назвав фамилию Рогожина. Ведь у комроты могут быть неприятности. Эта мысль не давала ему покоя. Вспомнились слова Дубца: «Если бьют — и ты бей...» Верно, конечно... А все же плохо, когда из-за тебя невинно пострададут другие люди... Может быть, не говорить Дмитрию Александровичу о том, что было в участке? Нет, скрывать нельзя...

Когда он пришел домой, встревоженная Надежда Андреевна накинулась на него с упреками, что он бегаёт бог знает где, а Митейка беспокоится и до сих пор не спит.

— Велел зайти к нему, как придешь.

Рогожин в халате и домашних туфлях лежал на ди-

ване в своем кабинете и читал какую-то тоненькую книжку. При появлении Артемки он не сразу оторвал глаза от страницы. Взгляд его был отсутствующим, когда он спросил у мальчика, где тот так поздно гуляет.

Артем рассказал, как его задержал шпик и потом допрашивали в участке. Офицер слушал, отвернувшись.

— Мне, верно, не надо было говорить, Дмитрий Александрович, что я живу у вас? Могут быть неприятности...

Рогожин бросил быстрый взгляд на Артемку, снял пенсне и медленно стал его протирать. Это означало, что он чем-то сильно обеспокоен.

— А зачем ты сказал, если боялся этого?

Кровь бросилась в лицо Артемки, но он не растерялся и ответил спокойно:

— Я не сообразил сразу, сказал без всякой цели. Хотите верьте, хотите — нет.

— Я верю тебе. Ты не подумай, что я боюсь царских пщеек, да и нет у меня ничего опасного... — Рогожин круто переменял тему: — А к тебе тут гость приходил. Вот, посмотри...

На столе лежал клочок бумаги с адресом: «Литейный проспект, 7, квартира 16. Щербатов».

— Он назвался твоим родственником, — сказал Рогожин. — Просил приехать завтра вечером. А сейчас давай спать.

В постели Артемка еще и еще раз перечитывал адрес, написанный крупным, твердым почерком. Это был тот самый адрес, о котором говорил Дубец. «Но как Щербатов узнал, что я приехал? Наверное, ему написали. Может, Дубец и Рогожина просил приютить меня на первых порах?» — раздумывал Артемка. Сон не приходил. Тогда он вынул из-под подушки томик сочинений Горького, который взял в рогожинской библиотеке.

На следующий день Артем за завтраком спросил хозяина:

— А скажите, Дмитрий Александрович, кто этот Горький?

— Что, понравилось?

— Да, очень.

— Это хороший писатель... Верно? Он для народа пишет.

«Значит, для нас», — подумал Артемка.

— Дмитрий Александрович, а нет ли у вас еще книг

Горького? Таких рассказов — про Буревестника или старуху эту... Изергиль. Интересно очень...

Рогожин развел руками, сказал:

— Да сколько угодно! Берп, ради бога, читай... Я рад за тебя.

* * *

Вечером Артем поехал в трамвае на Литейный. Он смотрел в окно на прохожих, и ему казалось, что вот-вот вчерашний пник вынырнет в толпе.

Найдя пужный дом, он поднялся на пятый этаж и, прислушиваясь, потянул за медную ручку звонка. В передней звякнул колокольчик. Скоро дверь немного приоткрылась и приятный женский голос спросил:

— Вам кого?

— Щербатова. У меня записка от него.

— А-а, — женщина распахнула дверь, — заходите. Мужа нет дома, но он вот-вот должен быть.

Она пропустила Артема в небольшой узенький коридор, толкнула дверь в комнату.

— Садитесь к окошку, там посветлее. А шипель сюда повесьте, вот гвоздик. Хотите — почитайте, чтоб не скучать. — Она протянула Артему несколько потрепанных номеров «Нивы», затем взяла со стола чашку и вышла.

Артем сел у окна, которое выходило на проспект. В комнате было тесно. В углу стоял пузатый старенький комод, покрытый салфеткой, у стены — простой стол и несколько стульев, на окне — горшок с незнакомым ему цветком; на стене висели фотографии в рамках. Одна из фотографий изображала хозяйку комнаты в подвепечной фате и с цветами в руках. Рядом с ней — мужчина, он выглядел веселым и счастливым. «Наверное, это и есть Щербатов в молодости», — подумал Артем.

Хозяйка то заходила в комнату, то опять выходила, искоса поглядывая на гостя. Наконец, остановившись у порога, она неуверенно спросила:

— А вы кто будете?

— Я — Артемка, из Вологды приехал.

Женщина всплеснула руками:

— Господи! А я-то, дура, не спознала сразу... Ты Василия Николаевича сын?

Артем кивнул головой.

Хозяйка окинула парня изучающим взглядом, словно запово его увидела.

— А изменился то как! Высокий стал, худющий, и лицо совсем другое...

В прихожей раздался звонок, и хозяйка побежала открывать. Скоро в комнату вошел Щербатов, на ходу расстегивая пальто. К Артему он обратился запросто, будто ничуть не удивился, встретив его здесь.

— Пришел! Ну, здравствуй, парень. Меня Иваном Васильевичем величают. Чего гляделки-то вылупил! Вылезут — обратно не запихнешь. Дай-ка я посмотрю на тебя. — Он подошел к Артему, повернул за плечи лицом к окну и одобрительно кивнул: — На батьку похож. Только тощий очень. Ровню скелет какой. Ну, садись, разговор будет.

Артем сел, вглядываясь в лицо Щербатова. Глаза смотрят пристально, строго. Гладко выбритые щеки покрыты ямками от оспы, усы, слегка закрученные на концах, от улыбки шевелятся. «Откуда он про меня узнал?» — думал Артем.

— Отец о тебе спрашивает, — задумчиво покручивая ус, сказал Щербатов.

Артем, задохнувшись, вскочил:

— Он здесь?

— Не здесь, не здесь. В письме спрашивает. Вот ведь ты какой нервный, аж позеленел весь.

Щербатов, усмехнувшись, протянул руку, положил широкую ладонь на плечо Артему и легонько, ласково встряхнул его:

— Горя ты, верно, хлебнул немало... Но нпчего: за битого двух небитых дают.

— Где отец? — спросил Артем, стараясь подавить волнение.

— Все там же, — Щербатов пожал плечами. — Ты же знаешь, куда жапдармы людей отпращивают. Только вот друзей теперь у него стало больше. Все-таки разыскал он тебя. Письмо от знакомого получил.

— От кого?

— Ну это, брат, мое дело. Много знать хочешь.

Артем покраснел. Он понял, что такие вопросы нельзя задавать.

— А вы?

— Что я?

— А вы как меня разыскали? Или это тоже секрет? Щербатов покрутил ус:

— Нет, почему же... Ведь мы же с отцом твоим дру-
зя, да и с тобой вроде тоже, — Щербатов смешливо при-
щурпл один глаз. — Помнишь, как тебя «дядя Щербатый»
на карусели катал, леденцы приносил?.. Значит, пом-
нишь — это хорошо. Ну, так вот: на другой день после
ареста твоего бати пошел я в участок. Прошу пристава
отдать мне сына арестованного Клевцова — то есть те-
бя — на воспитание. А мне говорят: «Знаем мы, какое ты
дашь ему воспитание. Нет уж, мы сами его по-своему
воспитаем. Проваливай». Пишу прошение начальству —
тот же ответ. Кто ты такой, отвечают, ты ему — то есть
тебе — даже не родня. Мол, лезешь не в свое дело. Стал
я по приютам питерским тебя искать — нету. Написал
кое-куда — и там нету... Через год примерно пришло
письмо от твоего отца. Сообщил, что тебя видели в Во-
логде у какого-то гробовщика... А потом добрые люди
помогли. Теперь ясно?

— Ясно. Спасибо вам, Иван Васильевич. За все — и
за леденцы...

— Какое тут «спасибо», господь с тобой, — недовольно
буркнул Щербатов.

Он смотрел на Артема, и все серьезнее становилось
его лицо. Смешливые глаза стали печальными.

— Ну так вот, Артем... Отец твой просит устроить
тебя на завод. Это можно: у нас с пятнадцати лет при-
нимают, а тебе за шестнадцать перевалило... Пойдешь на
завод? — спросил Щербатов.

Он замолчал, как будто ожидая ответа. Потом про-
должал:

— К себе в цех возьму. Поговорю с мастером. Если
какая дурь в тебе и осталась — выбьем, так и запомни.
Кстати, кто это такой — поручик Рогожний? Удобно тебе
у него оставаться?

— Не знаю... Чужое у него все какое-то. А интерес-
но — там книг много.

— А ты, значит, читать любишь? Ты какие книги
прочел?

— Максима Горького рассказы — «Челкаш», «Песню
о Вуревестнике» и другие разные. Потом Гоголя прочел
«Тараса Бульбу», Рогожин дал.

— Хорошие книги. А все же непадежный этот твой

офицерик. Тебе надо что попрочнее... Книжки не только у него найдутся. Ну, ладно, чего-нибудь придумаем. А впрочем, зачем откладывать в долгий ящик: переезжай-ка ты ко мне, место найдется. А работать я пристрою тебя к дяде Саше Лапшину, он тебя на фрезеровщика обучит. Где завод «Металлической компании» знаешь? Завтра к восьми подойдешь к проходной.

Он крепко встряхнул руку Артему, помог ему надеть шинель, спросил:

— Не голодаешь?

— Нет. Сейчас пет.

— Ну, не хлебом единым, говорят, бывает сыт человек! — Щербатов, хитро улыбнувшись, подтолкнул Артема к двери.

...Опять хлюпала под ногами снежная жижа. Артем шел и чувствовал, что у него начищается новая жизнь. Вот он и побывал у Щербатова. Теперь он знал, кто направил его сюда, чья рука невидимо управляет его судьбой...

Почему он не догадался спросить адрес отца? Может быть, батини друзья могли бы передать ему его письмо? Отец... Сейчас он был ближе к нему, чем когда-либо за все эти годы.

Артем не заметил, как быстро спустились короткие январские сумерки и наступила ночь — промозглая, холодная. Ветер гнал низкие тучи, и незаметно начался снегопад. Стало светлее от роя больших снежинок, которые клубились в воздухе, падали на оледевшие после оттепели тротуары и мостовые.

Он шел по затихающему ночному Петрограду и чувствовал, как крепко связан с этим городом, с огнями его тусклых фонарей, отраженными в оледенелых мостовых, с далекими звонками трамваев, еще более далекими паровозными гудками... Он видел, как собирается заснуть этот большой каменный город, который он полюбил с детства.

Вспомнив, что Рогожин и Надежда Андреевна ждут его и будут выговаривать ему за позднее возвращение, он ускорил шаг, подняв голову и подставляя улыбающееся разгоряченное лицо навстречу летящим снежинкам. Он чувствовал себя счастливым и не задумывался, откуда у него это ощущение — скорее всего оттого, что впервые за долгие годы понял, что он не один в этом большом, сложном мире.

НА ЗАВОДЕ

Щербатов работал мастером. Утром они вместе с Артемом выходили из дома и расставались только в проходной.

Хотя вставать приходилось много раньше обычного, как говорил Иван Васильевич, — «с зорькой», Артем любил этот утренний час. По дороге они чаще всего говорили о заводских делах. Щербатов работал на заводе, «Металлической компании» много лет и знал здесь все до последнего винтика. Знал он и прошлое своего завода и рассказывал Клевцову о мастерских купца Растеряева, из которых выросло гигантское предприятие, на котором сейчас работали тысячи людей. Чувствовалось, что старый мастер гордится своим участием в большом и важном деле... Чем ближе подходили они к заводу, тем чаще попадались им в пути знакомые рабоче, с которыми Щербатов весело здоровался, перебрасываясь шуткой, острым словом. На Полюстровской набережной вблизи завода людской поток густел, растекаясь перед самым входом на завод. Артемка втискивался в молчаливую толпу рабочих, и ему нравилось, когда крепко папиряющие со всех сторон люди несли его вперед к широко открытым дверям проходной...

Мастер фрезерного участка Лапшин обычно уже находился на месте. Исподволь, без нажима, где подсказом, а больше показом, он учил Артема. Рабочий неторопливо раскрывал секреты своего мастерства, а на нетерпеливость паренька, хотевшего все уразуметь сразу, отвечал так, что не поймешь — всерьез говорит дядя Саша или шутит.

— Станок, милый, к тебе еще не привык. Потерпи, пока привыкнет.

— Когда же он ко мне привыкнет?

— А тогда же, когда и ты к нему. Тут дело обоюдное. А ты хочешь сразу...

— Похрапывай, посапывай, — посмеивались над Артемом некоторые рабоче, — авось к сорока годам и научишься.

— Зачем к сорока? — отвечал им Лапшин. — Раньше научится. Придет в одно утро в цех, а станок от радости так и засветится, заулыбается, вот тогда, значит, и подружились. Сразу видно будет.

Дело шло вовсе не так уж медленно.

— Не рви, не суматошья, старайся понять, — толковывал дядя Саша своему ученику. — Понять старайся. А руке дай привыкнуть. Тогда все пойдет!

Понять надо было не только фрезерный станок. Понять надо было многое. Здесь ценили умение, мастерство, любили острую шутку, говорили обо всем прямо, открыто. Спорили резко, кляли на чем свет стоит и плохие заработки, и трудную жизнь, и больше всего — войну. Агитацию среди рабочих вели представители различных партий — не только большевики, но и меньшевики, и эсеры... И в этом надо было разобраться, и это надо было понять.

Как-то Артем спросил у своего учителя:

— А вы зачем так стараетесь, дядя Саша? Ведь на капиталистов работаете. Они нас голодом морят, а сами наживаются. Зачем же нам стараться?

Лапшин ответил не сразу. Он поднял на лоб защитные очки, посмотрел на Артема, хмыкнул, склонился над ящиком с запасными фрезами и стал в нем копать. Достав нужную фрезу, он пристально поглядел на Артема.

— Может, и зря я тебя учу. Ты еще без году неделя здесь, а я полжизни в этом цехе, — задумчиво сказал Лапшин. — Да разве настоящий рабочий человек на работу сердится? На нас земля держится. А то что мы на них работаем, так это же временно, дура. Еще немного — и будем работать на самих себя, а их по шее... Они на земле временные, а мы постоянные! Понятно? Кому ты будешь нужен, Артем, если работать не научишься? Даже себе не будешь нужен.

Больше Артем не спрашивал, для чего нужно трудиться, но когда возникали другие вопросы, он снова обращался к Лапшину, и тот всегда был готов ученику «почистить мозги».

Как-то Щербатов, встретившись с Лапшиным на заседании Выборгского комитета, спросил:

— Ну, как мальчишка?

Лапшин усмехнулся:

— Ничего, сделаем большака.

— Большака? — переспросил Щербатов.

— А это он сам так говорит. Слышал в казарме от солдат. Хорошо, а? Так в пароде большую дорогу называют.

Щербатов заметил:

— Вот только времени у меня нет наблюдать за мальчишкой. Вижу его редко.

* * *

Еще и месяца не работал Артем на заводе, как его вызвали к управляющему. Он шел к нему со стесненным сердцем: не станет же зря управляющий вызывать ученика, да еще через посыльного. Дядя Саша успел шепнуть:

— Ты, парень, держи ухо востро. Подлейший человек наш начальник.

Стесняясь грязной спецовки, стараясь не задеть мебель, Артем вошел в кабинет и вздрогнул: в одном из кресел сидел тот самый человек, который привел его не так давно в участок. Управляющий сидел за массивным столом, заставленным безделушками, и с любопытством разглядывал Артема.

На заводе его звали Шишкастый — из-за шишек и желваков, которыми были усеяны его лицо и бритая наголо голова. Заметив, что Артем топчется возле дверей, не решаясь запачкать ковер, управляющий ободряюще кивнул:

— Проходи, проходи, садись на стул. — Он повернулся к шику: — Вот этот и есть?

Тот кивнул.

— Ну, чего же ты не сядишь?

— Да я постою. Сидеть-то вроде некогда. На сдельщине ведь я.

— Это ничего, ничего. Хоть время, говорят, деньги. Хочешь заработать много денег, Клевцов?

Артем промолчал.

— Не понимаешь? Ты у меня на заводе недавно, верно ведь?

— Верно.

— Вот видишь, а мы тебя уже и заметили. Мы так уважаем, даже если они простые рабочие. Ты у господина Рогожина жил?

— Да, — ответил Артем.

— Он тебе родственник, что ли?

— Нет.

— Кто же?

— Никто.

— Вот тебе и раз. Да ты не стесняйся. Сейчас на оборону многие из разорившихся госнод работают.

«Так вот они за кого меня принимают, — подумал Артем. — Но куда же клоиит Шишкастый? Дураком прикинуться, что ли? С дурака и спрос меньше».

Наконец управляющий, сцепив на груди пальцы, подался вперед:

— Короче говоря, ты должен нам помочь в одном деле...

Артем понимающе улыбнулся:

— Так я и помогаю. На оборону работаю.

Шишкастый нетерпеливо перебил его:

— Это всё так, всё так, юноша, но ты не понял меня. Нам надо, чтобы ты по-другому помогал. Помогал с врагами бороться.

— А где же враги-то? — удивился Артем.

— Они, юноша, рядом с тобой работают.

— Чего ж их не забирают?

— А вот не забирают, потому что мы не знаем точно — кого? Ты слышал, кто такие большевики?

Артем кивнул головой. Шишкастый обменялся со шником быстрым взглядом. Артем понял, что сделал что-то не так.

— Ну, а Лапшин, по-твоему, не большевик? Чему он тебя учит?

Артем сделал удивленное лицо:

— Как чему? Обыкновенно — у шестерен зубья нарезать. Опять же сверла...

— Ну, а Щербатова ты знаешь?

— Знаю. Так он же в другом цехе работает.

— Книжки они дают тебе читать? Какие книжки ты читал?

— «Тайны венчепосцев», — подумав, ответил Артем. — Про сыщиков читаю — Шерлока Холмса и Ника Картера... Интересно.

Если вначале он только догадывался, то теперь твердо знал, чего хотят от него эти люди. Нет, их расчеты не оправдаются. Не на того напали. Прав дядя Саша, надо быть осторожнее. И держаться поглубже — может, и отступятся от него.

Но отступаться от него не хотели.

— Ну, а песни... Песням каким тебя учат? — спросил Шишкастый.

— Да, вот Лапшин каким песням тебя обучал? — добавил плюгавый человечек.

И вот тут Артем разошелся, его так и понесло, как телегу на скользкой мостовой. Какое-то озорное чувство овладело им, он уже не боялся сорваться, разоблачить себя.

С силой притопнув ногой, он бойко запел:

Нам не надобно гороху,
Нам одну б горошину.
Нам не надо много жен,
Нам одну б хорошую.

Полицейский агент понял, что Артем, по всей вероятности, прикидывается, и от уговоров перешел к угрозам:

— Так вот, парень, выбор у тебя небольшой: или ты будешь нам помогать и за это еще деньги получать, в люди выйдешь, или придется тебе... — он изобразил пальцами решетку.

«Да, выйдешь с такими в люди», — с горечью подумал Артем. Он на минуту представил себе, что вот он станет таким, как Мишка Косой, как Тихон или этот плюгавый тип. Его передерпуло от омерзения, и он едва не выругался.

Управляющий и виду не подал, что разозлился. Показываясь в кресле, он улыбался, словно только что выслушал очень остроумную шутку.

— Подойти сюда, — сказал начальник, вынимая из стола листок.

Артем подошел.

— Читай.

Артем узнал текст листовки, которую читал месяц назад на стене.

— Узнаешь? — спросил шпик. — У тебя в инструментальном ящике нашли.

«Вон оно как дело поворачивают», — подумал Артем и уже по-настоящему испугался. Он знал, что этим людям ничего не стоит с ним расправиться. Управляющий, по-своему расценив его растерянность, решил, что сейчас полезно отпустить рабочего — пусть подумает, деваться ему все равно некуда.

— Ну вот, понял, — сказал он. — А сейчас иди, я тебя скоро опять позову. Только знай одно: все, что Щерба-

тов и Лапшин, ну и другие там говорят, — все мне передавай. А иначе... Кто иам не хочет услужить, тот враг царю и отечеству! Словом, знаешь сам, время военное!

Когда Артем передал дяде Саше разговор с управляющим, тот только руками развел:

— На провокацию тебя, милоч, хотели взять. Купить хотят. И меня, стало быть, в большевики записали? На старости-то лет?

— А почему, дядя Саша, именно мне такая честь ока-
запа?

— Тебе? Такую честь они, милый, многим оказывают. Ищут, кто послабее. Они нюхом своим собачьим чуют, что ты им можешь быть полезным, — ответил Лапшин. — Видно, встревожились, почувствовали, что земля горит под ногами. Раньше осторожнее людей подбирали и не в кабинетах с ними разговаривали. А с тобой почти что в открытую. А может, они и знают, что ты сын большевика Клевцова, и нарочно хотят тебя запутать в предательстве. И это возможно. Потому они тебе и честь такую оказали — сам управляющий в кабинет вызвал. Но ничего, крепче будешь. А насчет друзей, что их у тебя нет, они ошибаются. Есть у тебя друзья.

— Спасибо, дяди Саша, — сказал Артем.

— И тебе спасибо, — строго сказал Лапшин. — Никому не поддавайся, ничего не бойся.

— Может, мне еще и Щербатову рассказать, посоветоваться?

— Что ж, и то дело... Он — умная голова, может что-нибудь и посоветует. Только будь осторожен, за тобой, видимо, присматривают. Я и сам с ним поговорю...

* * *

Сообщение Артема насторожило не только Лапшина, но и Щербатова.

— А ты молодчина — правильно держался, — похвалил Щербатов Артема. — Вызовет Шпикастый еще раз — ты так же держись. Они хотят, чтобы ты отца своего продал и против дела его пошел. Гады.

Через три дня Артема снова вызвали к управляющему. Шпика на этот раз в кабинете не было. На том месте, где тот сидел, полулежала в кресле тощая некра-

сивая девица. Она было похожа на управляющего, и Артем догадался, что это его дочь.

— Ну-с, так как? — спросил Шишкастый.

Артем сделал удивленное лицо и промолчал.

Управляющий откашлялся.

— Я, кажется, ясно говорю. Ты подумал о нашем разговоре? Вудешь честно служить нашему царю и отечеству?

— Я ничего не знаю. Как же мне честно служить...

— Так-таки ничего и не знаешь? Может, ты ее стесняешься? — управляющий кивнул в сторону тощей девицы. — Так ты не бойся, это моя дочь. Она умеет молчать... Ну, так о чем говорят с тобой Лапшин и Щербатов?

Артемка посмотрел на потолок, потом на начальника.

— Говорят... — прошептал он вдруг.

Шишкастый пристально взглянул на ученика, пасторожился:

— Ну, что?

— Щербатов говорит, ну и Лапшин поддакивает. Вчера, значит, дело было. Неловко мне только... — Он взглянул на девицу; та все так же полулежала в кресле и спокойно рассматривала свои ногти.

— Да говори же ты! — Шишкастый нетерпеливо взмахнул рукой.

— Начистоту, что ли, высказать? — спросил Артем. — Одним словом, подошел вчера Щербатов к Лапшину, взял фрезу и говорит: «Что этой фрезой сделаешь? Ею не только зубья не нарежешь, а даже с головы управляющего шишку не сковырнешь!»

Девица вспыхнула и отвернулась. Управляющий, не ожидавший ничего подобного, минуту сидел молча, потом издал какой-то нечленораздельный звук и махнул рукой. Это должно было означать: «Иди». Артем, неловко поклонившись, пошел к дверям и обернулся у порога, желая еще раз поклониться.

Управляющий, побагровев, резко поднялся:

— Во-он!

Артем промчался по коридору, слетел с лестницы и через несколько минут, задыхаясь от бега, подошел к своему учителю. Тот поглядел на него через очки, потом сдвинул их на лоб и поглядел снова.

— Чего такой радостный? Деньги получил?

— Как же, получил...

Сдерживая смех, он рассказал Лапшину о том, как подавился злостью Шишкастый. Но Лапшин даже не улыбнулся.

Рабочий укоризненно посмотрел на ученика, постучал себя по лбу пальцем, потом постучал по ящику и сказал:

— Дура! Ой, дура! Перепутковал ты, брат, как бы худо не было.

Вечером Щербатов, вернувшись с работы, сухо сказал Артему:

— Натворил дел, парепь.

Клевцов испуганно глядел на него. Что он натворил? Шишкастый его шутки теперь вовек не забудет.

— Ты думаешь, там дураки сидят? Они поняли, что ты заодно с Лапшиным и Щербатовым. Управляющий теперь совсем озверел, покоя тебе не даст. Шутить, милый, падо умеючи.

Артем тяжело вздохнул:

— Я плохого не хотел, думал...

Щербатов оборвал его:

— Не думал ты. А думать падо всегда прежде, чем делаешь что-нибудь. Особенно нашему брату. — Щербатов помолчал. — Ну, ладно, пусть злится. Не то теперь время. Не так просто таких умельцев, как Лапшин и Щербатов, с места столкнуть: где замену найдешь? Завод работать должен? Должен! А вот тебе па завод идти нельзя. Этот шпик, Казаченко, давно на тебя зуб имеет. Ты с ним что — и раньше встречался?

Артем рассказал, как шпик за чтение листовки потащил его в участок.

— Как же теперь, Иван Васильевич?

Щербатов долго ходил по комнате, поглаживая усы, потом остановился возле Артемки и, неожиданно ласково проведя ладонью по его мягким, светлым волосам, тихо сказал:

— Придется, брат, опять в солдаты. В армии тоже свои люди нужны. Мы это устроим.

Артем почувствовал, что вот-вот расплачется, и не от скупой ласки, а от слов Щербатова, которые его взволновали. «Свой, я — свой! — радостно думал Артем. — Хоть и глупость допустил, а все равно свой».

СНОВА ВМЕСТЕ

В казарме было пусто, полк ушел на охтинские пустыри, и только дневальный шаркал шваброй по цементному полу. Солдат стоял спиной к нему, но Артем узнал его. Как не узнать оттопыренные красные уши, огненно-рыжую щетину волос — будто человека обрили и намазали голову охрой. У Артема перехватило дыхание.

— Сенька? — едва произнес он.

Солдат быстро повернулся и удивленно посмотрел на Артема большими серыми глазами. Сенька не сразу поверил, что перед ним его старый дружок из Вологды. Он по-детски заулыбался и, осторожно прислонив к койке швабру, начал вытирать руки о гимнастерку, потом схватил друга в объятия и, похлопывая его по спине, приговаривал:

— Эх ты, вот так ты!.. Ну и пу!..

Артем, ударив приятеля по плечу, так же замысловато выразил свое восхищение:

— Вот это да! Сенька! Черт!..

Как странно сходятся иногда человеческие дороги! Разве мог Артем предполагать, что здесь, в Петрограде, в казармах запасного полка, куда его направили «для прохождения службы», он встретит потерявшегося друга?

Первым пришел в себя Сенька.

— Куда ты девался? Почему на фронт не поехал? — спросил он товарища с таким видом, словно история с неудавшейся совместной поездкой произошла не два года назад, а вчера.

Артем рассказал, почему не сумел уехать с воинским эшелоном, как попал в полк, а потом уехал в Питер.

— Ну, а ты как? — он с нескрываемым любопытством вглядывался в исхудалое бледное лицо своего дружка. Оно сильно изменилось за это время — повзрослело, стало строже, под глазами, сохранившими прежнюю живость, легли тени, говорившие о перепесенных страданиях. Да, это уже не тот паренек, который завидовал подвигам Кузьмы Крючкова!

Сенька хмыкнул.

— А всё так же... На фронте побывал, против австрийцев...

— И разведчиком был?

— Был.

— И немцев убивал?

Сенька бросил косой, пренебрежительный взгляд на товарища.

— А ты что думал — на фронте зайцев стреляют?

Артем смутился.

— Смотри! — Сенька быстро и ловко расстегнул ремень и, повернувшись боком, вздернул вверх гимнастерку вместе с рубахой. На груди виднелся большой красный шрам. Так же быстро и ловко молодой солдат привел одежду в порядок.

— Видел? Это осколком царапнуло, — без особого бахвальства проговорил Сенька сквозь зубы. — Вот и провалялся в госпитале три месяца, а потом сюда направили. Здесь много таких, как я, — после ранения... Ну, а ты как сюда попал?

Пришлось Артемке поведать, как к нему привязался управляющий завода. Здесь, в полку, он уже побывал у писаря, который направил его во вторую роту.

— Во вторую? — Сенька тоненько свистнул. — Не повезло тебе, Артемка. Командир этой роты прапорщик Копкарев — зверь. Солдатам жизни от него нету. Плюгавый такой, маленький, а всем поперек горла стоит... Ну, да теперь делу не поможешь.

Сеня подумал, внимательно оглядел Артемкину сильно поношенную шинель, с которой тот не расставался с вологодских времен, и сказал:

— Вот что, друг... Копкарев с ротой сейчас на занятиях. Иди-ка ты скорее на склад и обмундируйся. И волосы подстриги. К командиру явишься чистеньким. Ну, иди!

Артем, попрощавшись с товарищем, пошел к выходу. Он пересекал просторный, полутемный вестибюль казармы, когда входная дверь вдруг широко распахнулась и в помещение влетел офицерик. Следом за ним, грохоча сапогами, переговариваясь и толкаясь, шумно стали проходить в двери солдаты, вернувшиеся с занятий. Офицер встал в стороне, пропуская мимо себя людей, бросая то на одного, то на другого из своих подчиненных хмурые взгляды.

— Тихе, тихе, вы! — раздался его высокий и резкий голос. — Не греметь сапогами!.. Жеребцы!

Прапорщик был маленького роста, худощавый, с желтым, желчным лицом. Он походил на гимназиста-старшеклассника. Видимо, зная, какое впечатление производит на окружающих его неказистый внешний вид, офицер для солидности отрастил небольшие усики. Тулья его слегка сдвинутой набок фуражки была заливчатски примята.

«Верно, это и есть Кошкарев...» — подумал Артемка и стал приглядываться к офицеру.

Прапорщик пристально следил за проходившим строем и то и дело покрикивал на солдат:

— Не стучать прикладом об пол! Не отставать! Вы в строю, а не дома на печке! Не разговаривать!

— Клепиков, почему болтается погон? После подойдешь ко мне!.. Распустились!

Когда рота прошла, офицер оглядел вестибюль, словно желая удостовериться, что все его люди действительно ушли в глубь казармы. Заметив стоявшего поодаль Артема, он крикнул своим резким голосом:

— Ты кто такой? Что здесь делаешь?

Артем четким шагом подошел поближе к офицеру, отдал честь и отчеканил:

— Новобранец Клевцов! Прибыл сегодня в полк и направлен во вторую роту.

Прапорщик холодным взглядом ощупал длинную худую фигурку молодого солдата.

— Это ко мне. Опять прислали мне желторотого. Но смотри: у меня не побалуешься, в солдатике не поиграешь!

* * *

Порядки в полку мало чем отличались от тех, с которыми Артемка познакомился еще в Вологде. Те же строевые занятия во дворе казармы под командой унтеров: бесконечные повороты налево и направо, на месте и на ходу, сдвигание рядов, равнения «на грудь четвертого человека»... Та же зубрежка уставов, те же наряды в очередь и вне очереди, а иной раз, для разнообразия, участие в гарнизонном карауле. Иногда подразделения полка отправлялись на стрельбище в район охтинских пустырей, где стреляли из боевых винтовок.

Все это было знакомо, и порой казалось, что повторяется прежняя жизнь и ничего за это время не измени-

лось. Но Артемка хорошо понимал, насколько обманчиво это чувство. Шли дни, недели, и с каждым днем жизнь становилась беспокойнее, тревожнее. Вести о поражениях и потерях на фронте, о надвигающемся голоде, о волнениях и забастовках в Питере и других городах все сильнее будоражили солдат. Вечером после занятий они собирались кучками и горячо обсуждали новости, делились заботами, сомнениями. Особенно волновал солдат вопрос о земле. Споры о земле возникали еще чаще, чем среди вологодских запасников, и велись так же ожесточенно, как и споры о войне.

Артем со своим дружкой вечерами бродили по казарме, переходили от одной группы к другой, прислушиваясь к спорам. Солдаты приветливо встречали «спрот». Чего только не наслушались двое приятелей во время солдатских бесед! Сколько узнали разных страшных фронтовых историй! Говорили солдаты и о предательстве царницы — немки Александры Федоровны, и о хитром «старце» Распутине, который сумел к ней втереться в доверие. Но больше разговор шел о деревенских делах и все о той же земле. В том, что землю будут отбирать, никто не сомневался. Но вот, к примеру, как будет с помещиками — всю ли землю у них отберут, или часть? Придется ли платить за нее, или так дадут? И как быть, если лучшие куски оттягают себе мироеды и бедняку достанется кукиш. Земля — она ведь тоже разная, как и люди...

Как-то раз Артем отпросился у дежурного офицера в город «для устройства личных дел». Больше всего ему хотелось навестить Щербатова — узнать, есть ли новости об отце, поговорить о событиях, происходящих в городе и стране.

Он застал Щербатова за работой — мастер сидел за столом и что-то быстро писал. Приход Артема его обрадовал, но не заставил оторваться от дела.

— Подожди немного, — сказал он, улыбнувшись парню, — пишу заметку в газету о наших делах. Все с меньшевиками и эсерами приходится воевать, черт бы их взял, недоносков...

Закончив писать, Щербатов подошел к своему гостю и крепко обнял его:

— Ну, рассказывай, рядовой Клевцов.

Разговор их в этот вечер был недолог. Щербатов внимательно слушал Артемку и одновременно передевался,

собираясь куда-то уходить. На вопрос парня об отце, Иван Васильевич ответил:

— Скоро вернется твой отец. Все вернутся... Сам видишь, что кругом творится.

Прощаясь с молодым Клевцовым, Щербатов обхватил его за плечи и сказал:

— Извини меня, что не мог с тобой посидеть, чайку попить. Некогда. У меня к тебе есть просьба. Подожди минуту...

Щербатов вышел из комнаты и скоро вернулся с каким-то свертком в руке.

— Вот, получай, Артемка, пачку листовок. Это для солдат, о войне и земле. Сумеешь распространить?

Артем слегка опешил. Сумеет ли он распространять листовки? Конечно сумеет, что за вопрос! Он знал, что за чтение запрещенной литературы в полку строго наказывают, а виновных в распространении арестовывали и куда-то отправляли. Но это его не пугало. Пусть сначала попробуют его найти!

Видя, с какой радостной готовностью откликнулся Артем на его предложение, Щербатов сказал:

— Значит, сумеешь... Только будь осторожен! Семь раз отмерь, один раз отрежь!

* * *

В коридоре слышались крики: «Выходить строиться во дворе!»

Кто-то, громко выругавшись, сказал:

— Опять «левой-правой»!

Солдаты нехотя наматывали на ноги еще сырые портянки и надевали не успевшие просохнуть у печки шинели, от которых шел пар: вчера офицеры в досталь заставили поползать на учениях. Какой-то бородач, вздохнув: «Эх, служба царская», легонько подтолкнул к дверям Артема.

Через несколько минут полк стоял во дворе на утоптанном снегу. После жарко натопленной казармы попав на холод, люди дрожали. Офицеры, придерживая шашки, сзабоченно бегали перед строем.

Артем и Сенька оказались далеко друг от друга. Первый был выше многих солдат в роте, а второй очутился на левом фланге. Сейчас они не могли даже переглянуться и перекинуться парой слов.

Перед строем появился пожилой полковник в длинной кавалерийской шинели, которая скрадывала его полиоту. Сосед Артема удовлетворенно буркнул:

— На ученья не погонят, слава те господи! Речь, верно, будет держать...

Командир полка, взмахнув затянутой в лайковую перчатку рукой, крикнул:

— Солдаты!

Ему, очевидно, показалось, что крикнул недостаточно громко, и он повторил:

— Солдаты!.. Вы являетесь испытанными защитниками отечества и крепкой опорой трона. Сейчас немецкие лазутчики и жиды хотят посеять среди вас смуту, но вы, пролившие кровь за святую Русь...

Хотя полковник и говорил, ириспосабливаясь к солдатскому языку, стремясь быть совсем простым и понятным, но солдаты слушали его невнимательно. Слова были падоевшие, давно уже потерявшие для них всякое значение. Да и понимали их офицер и рядовые по-разному. Полковник говорил «царь-батюшка» и как-то весь подтягивался, демонстрируя свою верноподанность, а солдаты только усмехались, — они уже знали цену этому слову.

Командир полка стал говорить об усилении борьбы с поднявшими голову внутренними врагами, и в это время из строя донесся голос:

— Знаем! Ты скажи, скоро ли войне конец будет?

Офицер или не расслышал этих слов, или сделал вид, что они до него не дошли. Его звонкий, раскатистый баритон по-прежнему разносился по казарменному двору:

— ...Но вы были и останетесь надежной опорой нашего государя, который с божьей помощью приведет нас к победе. Завтра нашему полку высочайше повелено выступить против забастовщиков и всеми мерами подавить бунт. Крамольники рабочие, подбываемые зловердными агентами, хотят продать Россию немцам, погубить страну анархией. Этого нельзя допустить! Может быть, придется применить оружие... Опора трона...

И снова кто-то крикнул:

— Дозвольте сказать, ваше благородие!

Полковник, оборвав речь, угрожающе крикнул:

— Ну, что там еще?

Все ясно слышали слова:

— А мы, ваше высокоблагородие, не «опора»... Не желаем больше подпирать то, что сгнило!

Забегали офицеры, выискивая в рядах того, кто кричал. Солдаты угрюмо молчали. Полковник нервно хлопал перчаткой по руке, с нетерпением ожидая, когда дерзкий крикун будет обнаружен. Офицеры сделали попытку проникнуть в задние ряды, но солдаты теснее прижались друг к другу плечами.

Прапорщик Кошкарев остановился перед Артемом и взвизгнул:

— Прочь с дороги!

Арте́м, стоя навывтяжку и глядя куда-то поверх своего командира, не шевельнулся. Ему было страшно и вместе с тем весело. Офицер неожиданно взмахнул рукой, и Арте́м почувствовал короткий, обжигающий удар по щеке.

На миг все поплыло перед глазами... Он даже не заметил, что теперь внимание всего полка приковано к нему. Промелькнули в голове слова, сказанные ему когда-то унтером Дубцом: «Не давай себя в обиду... Тебя бьют — и ты бей». Прапорщик был ниже его почти на полголовы и, не будь на его плечах золотых погон, мог бы сойти за подростка. Оправившись, чуть отступив назад, Арте́м изо всей силы ударил в холеное желчное лицо командира роты:

— На́, получай сдачу, гадина!..

Чьи-то руки оттащили его в задние ряды... Из-за сплп, загородивших его, он не видел, как прапорщик унал, зажимая рукой разбитое в кровь лицо, как всполошились и вытаскивали паганы офицеры, а из дверей казармы выскакивал караул.

Он двинулся вперед со всей всколыхнувшейся шерепгой. Сухо и одиноко щелкнул один, затем другой пистолетный выстрел, кто-то громко закричал, потом все смешалось... Нпрбежал Сенька и схватил Арте́ма за рукав.

— Пусти, — рванулся Арте́м. — За все отплачу...

— Голову не теряй! — крикнул Сенька.

Строй полка окончательно смешался, солдаты бросились к офицерам и стали их разоружать. Раздавались пистолетные и винтовочные выстрелы. Двор гудел от криков разъяренных людей, команд офицеров и унтеров, которых уже никто не слушался...

В тот же день разоруженных и изрядно помятых в схватке с солдатами офицеров изгнали из полка. На собрании избрали старшего: все дружно проголосовали за хорошо известного в полку пожилого, имевшего много рапений опытного солдата по фамилии Цветов. Он сперва отказывался, но собрание с этим не считалось.

— Брось, батя! — сказали ему. — Грудь у тебя в крестах, борода отличительная — значит, старшой и есть!

НАЧАЛОСЬ!

Когда в казарму пришел Щербатов, старшой встретил его сам и проводил на верхний этаж. Там солдаты уже ждали кого-нибудь из большевиков, нетерпеливо поглядывая в окна. Отсюда просматривалось не только двор, но и улица. Если появятся карательные войска, обстреливать их будет удобно...

Поднимаясь по лестнице, Цветов не удержался и спросил гостя про землю: как с ней будет, если царя скинут? Щербатов пошутил:

— погоди, Цветов, не всё сразу. Сначала царя убирать надо, а там никто из вас не останется в обиде. Сами делить землю будете.

Артем едва успел поздороваться с Щербатовым — он был назначен в караул — и, грохоча по ступенькам коваными сапогами, сбежал вниз, досадуя, что не сможет побывать на митинге.

Вместе с двумя солдатами он встал у ворот. Трое караульных на одном посту никого не могли удивить: время было тревожное. Старшой распорядился никого не впускать и не выпускать.

По улице уже шли люди, заполнив ее до краев. Они пели революционные песни:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая.
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!

Настанет пора — и проснется народ...

Вдруг сверху, с третьего этажа казармы, грохнул винтовочный залп: люди, дрогнув, остановились. Но никто не упал. Артем, недоуменно подняв голову, увидел

высунувшиеся из форточек стволы винтовок, торчащие в небо. Тогда, сам направив винтовку вверх, он начал стрелять и, сдернув папаху, радостно закричал:

— Ура-а-а-а!

Караульные широко распахнули ворота. Поток рабочих заполнил казарменный двор. Чьи-то сильные руки подняли Артема и начали качать. Чтобы ненароком не задеть кого-нибудь штыком, он должен был высоко поднять винтовку. Когда его опустили на землю, то оказался в самой середине толпы. Пожилая работница, закутанная платком, вдруг обняла его и поцеловала в щеку холодными губами. Женщина плакала и, всхлипывая, говорила:

— Теперь солдаты за нас. Родные вы мои...

Кто-то хлопал Артема по спине, кричал: «Спасибо! Спасибо!» Насмешливый девичий голос произнес над самым ухом:

— Да ведь он еще совсем мальчишка!

Артем обернулся. Сзади стояла рослая девушка в ватнике, и первое, что он увидел, были смеющиеся, удивительно ясные голубые глаза. Но они скоро забылись, так много было в этот день ясных голубых глаз вокруг него...

Скоро толпа вынесла Артема за ворота казармы, понесла по Сампсониевскому проспекту к Литейному мосту. Широкий проспект был виден с моста во всю его длину. Повсюду колыхались людские головы, и он понял: «Началось!»

— Да, началось, — как бы отгадав его мысли, торжественно сказал Щербатов, когда они встретились в толпе. — Теперь не останавливайся. С праздником тебя, Артемка!

Они обнялись. Красные флаги, знамена распустились над ними, словно паруса. Люди шли в сторону Невского.

Вместе со Щербатовым они вышли на проспект и примкнули к демонстрантам. «...То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит... и тучи слышат радость... радость...» — вспоминал Артем строки из книжки, которую давал ему читать Рогожин.

Какими-то своими путями на Литейный проспект проникли колонны из-за Нарвской заставы. Чувство, владевшее Артемом, несло его вперед. Он хотел одного — действовать.

— Ну как? — Щербатов обнял парня за плечи и притянул к себе... — То-то!

В этих словах звучала гордость, словно все, что происходило вокруг, было его личной заслугой.

На Иевском колонны сворачивали влево, к Знаменской площади. Возле Аничкова моста проспект был перекрыт: стоял эскадрон казаков. Похоже, что его только что пригнали сюда: от разгоряченных лошадей шел густой, клубящийся в февральском воздухе пар. Кто-то рядом с Артемом тревожно сказал:

— Неужели посмеют?

— Еще как! — воскликнул Щербатов, — забыли девятое января?

— Не забудешь такое...

Донеслось протяжное: «Эскадрон!» — и кони сорвались с места. Демонстранты шарахнулись к домам, открывая казакам широкий проход.

Всадники, хмурые, не глядя по сторонам, тяжело проскакали по проходу.

На Знаменской площади шел митинг. Ветер налетал порывами, и до Артема доносились лишь отдельные слова.

— Про что говорят? — спросил Артема усталый, с ввалившимися щеками человек, стоявший рядом.

— Кажется, про войну. Плохо слышно.

О чем другом мог говорить оратор — малепькая фигурка, поднявшаяся над толпой, — как не о войне! О ней думали все. От нее шли все беды. «Нас... до победного... — слышал Артем. — А... хлеба... мира».

— Ну, Клевцов, бывай. Вечером увидимся. Мне надо по делу, — сказал вдруг Щербатов и стал пробираться в сторону. Скоро он исчез в толпе.

Из-за Балабниской гостиницы вырвались какие-то конные.

Толпа дрогнула. Раздался громкий, протяжный крик:

— По-ли-п-и-ци-я!

В воздухе тускло блеснули шашки конников. Артем увидел, как над людской массой качнулось красное знамя. Вокруг знамени завязалась борьба. Полпцейских стаскивали с лошадей... Замелькали шашки... Хлестнуло несколько выстрелов...

И в это время Артем увидел девушку, ту самую, голубоглазую, которая сказала о нем: «Совсем еще мальчишка». Она пробиралась в толпе, стремясь подойти

поближе к полицейским; а тех уже избивали демонстрапты; среди них, как показалось Артему, мелькнуло лицо и Щербатова...

Он рванулся вперед за серым платком девушки, чтобы остановить ее, предостеречь от опасности, но она уже скрылась. Подняв перед собой винтовку, Артем щелкнул затвором, поймал в прорезь мушки серую фигурку на коне и нажал на спусковой крючок. Мимо. Он выстрелил еще раз, и полицейский тяжело рухнул с лошади... Сзади пронзительный жепский голос крикнул:

— Да стреляй ты еще... Стреляй!..

Артем понскал глазами кричавшую жепщину и, найдя ее в толпе, похлопал по карманам шипелл:

— Патронами не запасся...

Он искренне пожалел, что на последних боевых стрельбах ему удалось утаить от начальства только два патрона.

Стоявший за ним человек, по виду рабочий, ударил его по плечу:

— Не горюй, солдат! Теперь и без патронов наша взяла... Пойдем вместе фараонов бить!..

* * *

С этого времени Артем чуть ли не ежедневно участвовал в демонстрациях, митингах, стрелял в полицейских, выполнял разные поручения партийной организации, которые ему передавал Щербатов.

Митинги возникали стихийно, на каждом углу. Политических партий в февральские дни обнаружилось такое множество, что разобраться было сложно. Многого Артем не понимал, не всегда знал, как ответить на возникавшие вопросы. Красные банты нацепляли на себя чуть ли не все. Буржуазные газеты кричали о бескровной революции... Во главе Временного правительства после отречения царя оказался князь Львов. Не царь, так князь! Что из того, что и он, этот кратковременный правитель, нацепил на себя красный бант!

В один из этих беспокойных дней среди запасников распространился слух о том, что на Выборгскую сторону пришли какие-то солдаты из Литовского, Волынского и Преображенского полков и что собрались они у ресторана «Пальмира», в котором в то время помещался районный

комитет партии большевиков. С разрешения старшего туда отправилась команда запасного полка, к ней присоединился и Артемка.

Перед крыльцом ресторана «Пальмира», во всю шпирну улицы, теснилась большая серошинельная толпа. Солдаты, в большинстве вооруженные винтовками, переговаривались, курпили, чего-то ожидая.

Через некоторое время на ресторанное крыльцо вышел человек. Он был среднего роста, одет в пальто и в кепку, носил очки; его простое худощавое, крестьянского типа, лицо обросло небольшой русой бородкой. Артем услышал, как кто-то рядом с ним сказал:

— Э, так это же товарищ Никанор, токарь с «Айваза»...

Много позднее Артем узнал, что человек, появившийся в тот день на крыльце ресторана, был Михаил Иванович Калинин.

При появлении представителя районного комитета (после ареста членов Петроградского комитета, выборгские большевики фактически руководили всей городской организацией) солдаты заволновались, зашумели. Раздались голоса:

— Скажите, что нам делать?

— Ждем указаний!

— Дайте нам вождей!

Товарищ Никанор поднял руку, установилась тишина.

— Я вам прочитаю воззвание, только что принятое организующимся Советом рабочих депутатов Выборгского района...

«Товарищи! Настал желанный час. Народ берет власть в свои руки, революция началась, не теряйте ни минуты времени...»

Совет призывал создавать Временное правительство, прежде всего избрать депутатов и связываться между собой в организации для окончательной победы над самодержавием.

Закончив читать, товарищ Никанор поднял над головой руку с бумажкой:

— Вы спрашиваете, что надо делать? Тут все сказано. Действуйте!.. А насчет вождей скажу так. Вы хотите иметь вождей? Так вот они — рядом в «Крестах» сидят. Я вижу, вы пришли с оружием — вот и идите, освободите их! Вас много, и часть из вас может заняться

другим важным делом. Надо взять в свои руки Арсенал на Литейном проспекте...

В толпе повсюду вспыхнули выкрики, горячие голоса:

— Пойдем!

— Правильяо!

— Создайте отряды!

— Давайте старших!

Калинин подошел к краю крыльца и подзвал к себе стоявшего поблизости высокого солдата в папаше.

— Ну, вот вы... Возьмите часть людей и направляйтесь к тюрьме.

Солдат смутился, сказал:

— Но я не офицер, я неграмотный...

— Это ничего. У нас сейчас почти что вся Россия неграмотная. Давай, не бойся!

Солдат в папаше решительно повернулся лицом к товарищам и крикнул во весь голос:

— А ну, кто пойдет вождей освобождать, — ко мне!

Артемка стал энергично расталкивать локтями стоявших рядом, стремясь скорее добраться до рослого солдата.

— Тише ты, малец, куда прешься! — цыкнул на него кто-то.

А Артемка был уже в самой середине толпы, которая несла его куда-то в сторону — туда, где старшой формировал отряд для освобождения заключенных. «Эх, жаль, нет здесь Сеньки! — думал он. — Вместе было бы веселее». Сеня в тот день был в суточном наряде и работал на кухне.

ВСТРЕЧА

Порядки в полку стали более свободными, и Артем получил возможность чаще бывать у Щербатова. Сегодня дядя Ваня обрадовал неожиданным известием о том, что отец освобожден и едет в Питер. Значит, скоро он будет здесь!..

В городе становилось все тревожнее. Попасть обратно на Выборгскую сторону было нелегким делом. Въезд на мост охранялся казаками, и солдату с винтовкой пройти здесь было рискованно. Он свернул сначала на одну, затем на другую улицу и наконец оказался у Троицкого

моста. Артем вспомнил, что неподалеку живет Рогожин, и уже через пятнадцать минут он дергал знакомую ручку звонка.

Открыла Надежда Андреевна; старая женщина ахнула и, схватив его за рукав, втянула в прихожую, торопливо помогла стащить шинель, подтолкнула к кухне:

— Иди, иди. Голодный небось! Солдатские-то харчи впрок не пошли — ой, аж зеленый стал! А мы уж вспоминали тебя, вспомнили.

Артем показал глазами на дверь, ведущую в комнаты.

— Дома?

— Дома. Сидит у него какой-то. В гимназии вместе учился. Мой руки, обедать дам.

Артем вымыл руки и, поглаживая стриженую голову, сел за большой кухонный стол. Надежда Андреевна хлопотала возле плиты и продолжала рассказывать:

— Барин тебя искал, куда-то звонил. Потом вышел сюда да грустно так и говорит: «Сгинул куда-то парень». Я тогда еще озлилась — вот, думаю, неблагодарный какой. А ты, значит, в солдаты? — Женщина тяжело вздохнула. — Такая уж, значит, судьба...

— Не судьба, — улыбнулся Артем, — надо так.

— Чего тебе надо-то? Кровушку хочешь пролить? Или лишку завелось?

Артем рассмеялся. Он пошутил, не зная еще, как отпесутся к его шутке:

— Да вы, тетя Надя, за большевиков! Они тоже против войны.

Надежда Андреевна, задержав над кастрюлей уполоник, повернулась и строго поглядела на Артема:

— А если хочешь, то и за большевиков, вот как. Бывает, подумаю, что Митеньку опять на войну возьмут, так и побежала бы к самому главному. Кто у них главный-то?

— У кого?

— Ну, у большевиков?

— Ленин.

— Вот к нему... Да в погн бы бросилась — просить, чтоб скорей война кончилась. Чего ты оскалился-то? На вот, супу поешь. — И, подумав, вынула из кастрюли и положила в тарелку кусок мяса. — Сегодня с трудом мяса достала.

После обеда разморенный Артем робко спросил:

— Тети Надя, а нельзя ли... табачку бы мне...

— Курит! — всплеснула она руками. — Научился уже!

Артем курил редко и неумело, скорее подражая взрослым, чем из желания. Но сейчас ему и впрямь захотелось покурить. И он сказал как можно солиднее:

— Так ведь не маленький...

Ахая и качая головой, старушка отправилась в комнаты.

Вернулась она в кухню с Рогожиным. Дмитрий Александрович мало изменился. Лицо его было все таким же гладким, снокойным, только в глазах появилась какая-то новая искорка, придававшая им более живой, чем обычно, блеск. Сдержанно улыбаясь, он снял свое пенсне и, протерев, снова надел его, потом протянул гостю руку:

— А-а, вот ты где, пропащий!. Всё в солдатском... Куда же ты исчез? Говорил я тебе, Надежда, что отпускать его нельзя было.

— Ну, разве такого удержишь, — махнув рукой, сказала старая няня.

— Все некогда было, Дмитрий Александрович.

— Скажи, пожалуйста, какой запятой стал. Ты отца своего пашел?

— Нет, Дмитрий Александрович.

— Ничего, теперь найдешь. Скоро, надо думать, вернется... Все вернутся. Пойдем ко мне.

Он увел Артема из кухни и у двери в кабинет слегка подтолкнул:

— Входи, входи.

Артем перешитительно вошел. У стола стоял и курил папиросу молодой офицер. Он обернулся на стук двери.

Рогожин сказал Артему:

— Прошу любить и жаловать, друг мой — Володя Зимин. Недавно прибыл с фронта... Вот об этом юноше я тебе, Володя, и рассказывал.

Рогожин, взяв подростка за плечо, подвел его к офицеру. Прапорщик Зимин улыбнулся и протянул солдату руку:

— Здравствуй. Ты что, в запасном полку?

— Да.

— Что у вас там делается?

Артем, поглядев на Рогожина, замялся, но, доверившись открытому взгляду Зимина, сказал:

— У нас, как всюду... Офицеров которых убили, а которых прогнали.

— Кого убили? — нахмурился Зимин.

— Самых зверей.

— А на Знаменской был? Там, говорят, с полицией дрались?

— Да. Они стреляли. Ну и мы тоже.

Рогожин, нервно передернув плечами, отошел к окну.

— Начинается! Опять кровь... Я больше всего боялся этого. Опять спроты, вдовы... Свои своих убивают. Чудовищно. И это — светлая революция! Очищенная!

— Нет, возмездие, — перебил его Зимин.

— Ну да, возмездие! Поверь, мне не жалко царя и его семейку, но боюсь всероссийского безумия. В конце концов у меня тоже золотые погоны, и дворянский титул, и даже поместье. Не пойми меня неверно: мне не жаль ни титула, ни поместья. Мне тяжело, что есть пропасть между нами и ими, через которую нам не перешагнуть. Ты скажешь, что ты перешагнул? Не обижайся, друг Володя, но ведь...

— Ты хочешь сказать, что я не дворянин, а отец у меня — инженер, и только. И никаких традиций. И что я большевик...

Они, должно быть, продолжали спор, который прерывался с приходом Артема. Сейчас они словно забыли, что здесь есть третий.

— Вот ты весь в этом, Митенька, — запальчиво продолжал Зимин. — И все твои шатания-болтания здесь. Ах, кровь проливают! А сколько лет — да что лет — веков! — цари проливали народную кровь? И город-то наш на крови построен! Забыл? Тогда вспомни девятое января. Дворцовую площадь царь чьей кровью полил?

— Помню. Как не помнить...

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего,
Мы, дети страшных лет России,
Забыть не в силах ничего.

Не в сплах забыть. Понял?

Зимин вскочил со стула, прошелся по кабинету:

— Блока и я люблю, Митя. Замечательные стихи пишет! Вот кто чувствует Россию — Влок. А все же — мистик.

— Блок — поэт божьей милостью.

— И все же...

Рогожин криво усмехнулся:

— Вот видишь — и здесь мы с тобой расходимся...

Зимин промолчал. Потом повернулся к Артему:

— Ты в полк? Пошли вместе. И провожу тебя через мост.

Надевая в прихожей шинель, Зимин негромко сказал Рогожину:

— Так ты все-таки подумай! Революция толлько начинается... Подумай обо всем, Митенька.

Рогожин молчал.

Надежда Андреевна помогла Артему застегнуть шинель, оправила сзади складки; перекрестив сироту, встала в уголок, скорбным взглядом проводила к дверп...

В нолку было безлюдно. Внизу, пригревшись возле печки, дремал Сенька. Артем толкнул товарища, и тот сразу раскрыл глаза, потянулся, точь-в-точь как кошка, и сказал, зевая:

— А-и-и-и жрать охота! У тебя ничего нет?

— Как это нет!

Выворачивая карман, Артемка вытащил кусок хлеба, разломал его и бóльшую половину протянул другу. Семен жадно откусил и стал жевать.

— Вот спасибо! Молодец! — он подозрительно взглянул на Артема. — А ты откуда его взял? Вроде, хлеб не солдатский.

— Ешь, ешь, — успокоил его Артем. — И в доме одном богатым был. Ну, у Рогожина.

— Это офицерик-то твой? А я думал — его ирпкопчили!

Медленно, с наслаждением жуя хлеб, Сеня бросал на друга многозначительные взгляды, а когда кончил есть, взял его под руку и отвел в угол комнаты. Оглянувшись по сторонам, тихо сказал:

— Хочешь знать важную новость? Писарь мне проболтался: наш полк хотят на фронт угнать. Я подумал сначала — врет, но вроде бы нет. Чтобы проверить его, я сказал: не может, мол, того быть. А он мне: «Сам приказ читал». Видишь... А ты говоришь: революция, революция! Если революция, то почему войну не кончают?

Артем не знал, что ответить товарищу. И в самом деле: зачем понадобилось посылать запасной полк на

фронт? Все хотят мира, а новые правители продолжают вести войну.

Артем нагнулся к товарищу:

— Знаешь что? Надо сообщить об этом в комитет. Там разберутся. Как думаешь?

— Ага. Комитет разберется.

* * *

В один из мартовских дней Артема вызвали в дежурку к телефону. Взмолвленный прибежал он туда. До сих пор ему не приходилось самому разговаривать по телефону. А тут вдруг вызов!

— Ты чего мешкаешь? — набросился на него дежурный. — Тебя из комитета требуют. Поторапливайся!

— Какого комитета? — удивился Артем.

— Почему я знаю! — озлился дежурный. — Объясняй тут! Сказано, позвать Клевцова — и всё!

Клевцов подошел к телефону, робко взял трубку, услышал короткое:

— Клевцов?

— Так точно!

— Артем Клевцов?

— Так точно!

— Тебе надо явиться немедленно в Петроградский комитет. Не знаешь где? На Петроградской стороне...

Артем отправился. С ним пошел и Сенька. Они вместе вышли за ворота и свернули на набережную, занесенную снегом. К заводу шла смена, и Артем пристально вглядывался в серые, угрюмые лица рабочих.

— А чего им радоваться-то, — сказал Сенька, как бы отвечая другу на невысказанный вопрос. — Царя сбросили, а хозяева всё те же. И у них, и у нас. Все как было!

— Не все осталось по-старому. Есть Советы. Есть Петроградский комитет. Вот придем, расскажем насчет полка. Только верное ли это дело? — усомнился Артем. — Скажешь — и попадешь впросак. Нехорошо будет...

— Дело верное, говорю тебе, — твердо сказал Сенька.

Перейдя Гренадерский мост, они спросили у прохожего, как пройти в Петроградский комитет. Тот передернул плечами:

— В большевики записываться идете? Ищите сами.

— Вот гад, — Сеня сплюнул. — Из буржуйчиков, видать.

В вестибюле дворца балерины Кшесинской швейцар в ливрее с пышной бородой равнодушно оглядел их бесцветными глазами и отвернулся:

— Тоже гнида, — сказал Сенька. — Не любит! Смотри, не любит! Холуй! Заменить, наверное, забыли.

Друзья поднялись на второй этаж. Там они увидели Щербатова, который разговаривал с худощавым человеком в пенсне. Человек этот что-то горячо и требовательно говорил собеседнику, тот кивал головой.

— Откуда? — спросил человек в пенсне, окинув юных солдат внимательным взглядом.

Артем объяснил.

— Какое дело у вас?

Сеня откашлялся и бодро сказал:

— Важное дело, товарищ. Что это творится на свете, не понимаем! Революцию сделали, а порядка все нет! Так нельзя!

Человек в пенсне — позднее Артем узнал, что это был Антонов-Овсеенко, — с удивлением посмотрел на молоденького рыжего солдата и, слегка пожав плечами, переглянулся со Щербатовым. Тот улыбался в усы.

— А что вы имеете в виду, товарищ?

Сеня продолжал в прежнем бодром топе:

— А то, что пора с этим кончать. Кому нужна война? Вуржуйам и банкирам. Наша кровь — их денежки! Наш полк отправляют на фронт, а мы не хотим быть нушечным мясом. Долой мировую буржуазню!

Антонов-Овсеенко как-то странно гмыкнул.

— Ах, вот вы о чем. Вы из запасного полка?

Сеня отчеканил по-солдатски:

— Так точно!

— Ладно, тогда пойдем. С таким человеком и поговорить интересно. — Антонов-Овсеенко подмигнул Щербатову, кивнул Артему и отошел с Сенькой куда-то в сторону.

Артем остался со Щербатовым.

— Ну, Артем, есть у меня для тебя хорошая новость, — сказал дядя Валя и широко улыбнулся. — Большая новость!.. Идем!

Они пошли по небольшому коридору, стены и потолок которого были отделаны резным дубом.

— Смотри, какие пскусные мастера все это сработали, — сказал Щербатов, оглядывая резьбу. — Ведь красиво, замечательно!.. Всякий раз, проходя мимо, люблюсь!

Артем не ответил, он думал о том, какую же это новость мог приготовить для него Иван Васильевич.

Вошли в большую, шумную, наполненную людьми комнату. Повсюду здесь стояли и беседовали вооруженные солдаты, матросы, рабочие. Какие-то люди вносили тючки с литературой, пачки с листовками, газетами и укладывали их вдоль стен. Другие раздавали литературу рабочим и солдатам, которые сразу же уходили.

Подойдя к одному из столиков, возле которого шла раздача литературы, Иван Васильевич показал Артему парослого человека в сером толстом свитере и валенках.

— Ну что, узнаешь?

Что-то дрогнуло в Артеме. «Кто это?.. Не может быть. Неужели отец?»

Но вот этот рослый человек в грубом свитере повернул к ним голову: увидев Щербатова, он сразу же перевел взгляд на Артема и спросил:

— Он?

— Он, — ответил Щербатов, потерев усы. — Принимай.

— Толково! — воскликнул Клевцов-старший. — А ну, товарищи, дайте с сыном поздороваться, — сказал он столпившимся вокруг стола. — Проживал я в местах не столь уж близких.

Кое-кто рассмеялся. Посыпались вопросы. Щербатов, нахмурившись, сделал резкое движение рукой, означавшее: «Расходись... дело такое».

Люди, поняв, быстро отошли в сторону.

Клевцов-отец кинулся к Артему, притянул его к себе, расцеловал, похлопал по спине.

— Ну что, сынок, встретились... Я знал, что так и будет. Натерпелся, верно, без меня... — Взяв Артема за плечи, Клевцов всматривался в его лицо. В глазах отца появились слезы. — Сиротой вырос... но ничего, все к лучшему...

Артем молча улыбался. Он смотрел на этого пожилого, грубоватого, рано начавшего сидеть человека и все никак не мог свыкнуться с тем, что случилось. Сколько лет мечтал он об этой встрече!

Разговор их прервал подбежавший рабочий.

— Это ты распределяешь литературу? — обратился он к Клевцову. — Опять пам недодал! Я же объяснял в прошлый раз — не три, а пять пачек...

Отец принялся успокаивать обиженного, по тут к ним подошел Щербатов.

— Вот что, милоч, — обратился он к рабочему. — Чего тебе от него надо? Не видишь разве — человек с сыном встретился. Подождет твоя литература. Понимать надо — с сыном!

— С сыном? — рабочий растерялся, потом, оправившись, протянул Клевцову руку. — Поздравляю! Извини меня, дурака... А литературку я все же у вас получу! — добавил он, обратившись к Щербатову.

— Пойдем, пойдем, я тебе выдам, — примирительно проговорил Щербатов. — Ну, а ты, Клевцов, уходи отсюда, а то тебе покоя не будет. Заменяй тебя... Артемка, уводи отца!

Клевцов обнял сына за плечи и пошел с ним к выходу.

* * *

Они вышли на Выборгскую сторону, на Лесной проспект, где в хорошем доме, в большой барской квартире отцу дали комнату. Был ясный мартовский день, солнышко уже заметно пригревало. Пахло весной... Вокруг шла обычная городская жизнь — быстро шагали по панели озабоченные делами питерцы, дребезжали по булыжнику пролетки, на крутом повороте к Сампсониевскому мосту визжал трамвай. Отец, одетый в новую теплую куртку и пышную меховую шапку, то и дело поворачивал лицо к солнцу и блаженно щурился, молчаливо наслаждаясь хорошим мартовским днем.

— Ну, рассказывай, сыночек, как ты без меня жил, — Клевцов взял Артема под руку.

Артемка начал рассказывать. Жизнь его казалась ему неинтересной, вспоминать постылые, унылые дни в приюте, потом в монастыре и у Багровых было скучно и противно, но он понимал, как хотелось отцу обо всем узнать, и поэтому старался говорить подробнее. Отец иногда прерывал его короткими замечаниями и вопросами. Так прошли они Дворянскую, Сампсониевский мост и вышли на Нижегородскую.

— Вот что, милоч, — отец остановился, — зайдем-ка

мы с тобой в трактир. Дома у меня еще полный беспорядок и ничего не приготовлено. Чайку попьем и закусим. Согласен?

— Конечно, отец!

Они зашли в ближайший второразрядный трактир на Лесном проспекте. Их приход был замечен. Стоявший недалеко от входа плотный человек с рыжей бородкой, одетый в белую, не первой свежести поварскую куртку, воскликнул:

— Кого я вижу! Вернулся, значит...

— Здравствуй, хозяин.

— Не сладко было?..

— Что уж хорошего!.. А ты, я вижу, все такой же. Думал, за это время ты на Невском ресторан успел построить. А тут — все то же. Смотри, и граммофон нетронутый стоит...

Хозяин рассмеялся мелким смешком.

— Какое там! Не те времена. Не до жиру — быть бы живу.

— Времена неплохие, напрасно хаешь... И еще лучше будут!

Они сели за столик. Сидевший неподалеку человек в кепке, увидев их, приветственно вскинул руку:

— Василию Николаевичу! С приездом!

— Здравствуй, Фаддеч! Как живешь?

— С божьей помощью и хозяйскими милостями.

— Иеважно, значит... Ну, а дочку выдал замуж?

— А как же! Скоро внучек будет... А это с тобой не сын ли?

— Сын.

— Хорошо. Поздравляю!

— Спасибо, дорогой... Ну, Артем, — обратился Клевцов к сыну, — что есть будем? Впью, застеснялся чего-то. Дорого? Думаешь, как бы отца в расход не ввести? Выбериай, чего хочешь. На первое время деньги найдутся. Что их, керенки, в кармане прятать.

Они взяли селянки, заказали по стакану хорошего вина.

Вокруг шумел народ. Посетителей было много («Верно, сегодня — получка», — подумал Артемка) — большей частью рабочие с ближайших заводов.

— Эй, хозяин! — крикнул кто-то из глубины зала. — Давай музыку!

Буфетчик подбежал к граммофону, стоявшему недалеко от стойки на покрытом бархатной скатертью столике. Захрипела пластинка, по залу разнесся глухой голос:

Вот вспыхнуло утро, румянятся воды,
Над озером быстрая чайка летит.
В ней много простора, в ней много свободы,
У чайки луч солнца крыло серебрит...

Артема кто-то тронул за плечо. Он обернулся — за его стулом стоял Лапшин и улыбался во весь рот.

— Ну, солдат, пашел отца?

Лапшин обнял вскочившего со стула Артема, крепко тряхнул руку отца. Он уже раньше виделся с Клевцовым.

— Откуда ты взялся, старик? — спросил Василий Николаевич.

— Сидел я с приятелем. Вижу, вы меня не хотите замечать, вот и решил навестить... — Лапшин рассмеялся.

Клевцов придвинул для него стул.

— Садись с нами, друг! — Он подозвал официанта: — Еще одну селянку и порцию вина, да скорей...

Когда все было принесено, выпили и принялись за еду. Аккуратно брали скупно нарезанный тонкими ломтиками хлеб.

— Слушай, Василь, — заговорил первым Лапшин, — не успел я тебе сразу сказать об этом... Надо нам Артему из полка забрать. Хватит ему в солдатах околачиваться.

Клевцов одобритительно кивнул головой и посмотрел на сына.

— Верно. Надо тебе, Артем, о специальности подумать. Да и незачем тебе было надевать шинель...

Артемка вспыхнул:

— А разве я хотел уходить с завода! Вот и дядя Саша подтвердит.

Он рассказал отцу историю с управляющим. Клевцов с большим вниманием выслушал рассказ, сочувственно усмехнулся:

— Я и не знал про твои геройства... А где теперь этот управляющий?

Лапшин поднес ко рту развернутую ладонь и, сложив губы трубочкой, сильно дунул на нее.

— Вот где.

— Понял. Вместе с Николашкой отправился, как говорят, на свалку истории. Ну, а как его заместитель?

— Тот совсем по-другому держится. Шпиков не приглашает, а все же себе на уме.

— Значит, я на завод вернуться могу! — обрадованно воскликнул Артем.

— Конечно. И даже должен. Зря, что ли, я тебя обучал своему ремеслу... Ты знаешь, что такое фрезеровщик?

Клевцов-старший улыбнулся:

— Знаем, Саша, знаем...

Он предвидел, что Лапшин, попав на своего любимого конька, по обыкновению начнет сейчас безудержно расхваливать свою профессию.

Так оно и случилось.

— Человек должен иметь профессию, — заговорил дядя Саша, обращаясь больше к Артемке, чем к отцу. — А что такое солдат? Ниф-паф — только это и знает. А вот фрезеровщик — это мастер, это не всякий сумеет, это тебе не «левой-правой». Тут учиться надо, руки нужны!.. Артистом нужно быть.

— Профессия у тебя хорошая, Лапшин, да и все профессии хорошие... — сказал Василий Николаевич. — А все же солдат ты недооцениваешь: Солдаты разные бывают, и стреляют они по-разному...

— Может, ты и прав, — хмуро сказал рабочий, недовольный тем, что его перебили, — а все же лучше бы солдат совсем не было.

Отец поднялся со стула:

— Нам пора... Пойдем, Артемка, нам с тобой поговорить есть о чем... Спасибо, Саша, за совет, скоро увидимся.

— Сделаем из Артемки человека! — уверенно сказал Лапшин, хлопнув своего ученика по плечу. — Приходи ко мне, всегда приму!..

Клевцов и Артем пошли к выходу, стали одеваться.

Их догонял гнусавый голос разбитого трактирного граммофона:

...Спасайте, не спасайте,
Мне жизнь недорога,
Любила молодого,
Такого подлеца.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО

С этого дня у Артемки началась новая жизнь. Все вокруг него как бы обновилось, краски стали ярче, голоса — звучнее. Сам он тоже изменился, чаще стал смеяться, тверже, увереннее ступать по земле. Окружающие сразу же заметили в нем перемену и понимающе улыбались. Сенька как-то спросил, пахмурясь:

— Ты что это ходишь, словно жениться собираешься?

— Да что ты, — смутился Артемка. — Откуда взял?..

Подумав, он добавил:

— Ты приходи ко мне. Я батюшке про тебя рассказал. Придешь?

Сенька мотнул головой:

— Не могу. Занят я. Делов вот столько, — и провел ладонью по горлу.

Артем не мог понять, что происходит с другом; самому ему было не разобраться, и он решил спросить об этом батю.

Отец был сильно занят большой работой в «военке» — военной организации партии. Встречались они главным образом вечерами, в комнате отца на Лесном.

Когда приходил сын, Василий Николаевич ставил взятый у хозяйки напрокат самовар, и начинался за чайком длинный разговор о пережитом за эти годы разлуки, о политических событиях и партийных делах.

— А с кем это ты все ходишь? Рыжий такой, щуплый солдатик... — спросил сына Клевцов.

— Да это Сенька, дружок мой. — И Артем рассказал отцу про свое знакомство в Вологде с пареньком-газетчиком и как они вздумали поехать на фронт.

— Вот ты какой вояка, а я и не знал! — Клевцов рассмеялся.

— Было такое, сейчас даже странно подумать... И вот, представь себе, с тех пор, как ты вернулся, Сеньке как будто вожжа под хвост попала — все хмурится и прийти сюда отказался...

Василий Николаевич помрачнел и положил сыну на плечо руку:

— А не кажется ли тебе... Сенька ведь сирота, не так ли?

— Так.

— А может быть, он просто немного завидует тебе, а?

Может быть, твоя радость причинила ему боль? Бедь к нему уже никто никогда не вернется.

Артем подумал.

— Если бы у Сеньки нашелся отец, я бы, кажется, только радовался за него. Завидовать счастьем товарища, как хочешь, а это пехорошо. Да, нехорошо!

Но отец покачал головой:

— Ишь ты, какой быстрый! «Нехорошо, нехорошо!» Слишком прямолинейно судишь о людях, Артем. Человек — явление сложное, чувства у него тоже сложные, а ты с ходу: «Нехорошо!» Нельзя так! Парень от тепла отвык, отогреть его надо. Приведи его к нам. Уговори!

Во время одной из встреч отец сообщил Артему важную новость.

— Ну, сынок, готовься к переменам. Завтра тебя вызовут на медицинскую комиссию. Пройдешь осмотр и будешь свободен. По чистой!

— Какой же я большой, отец!

— Об этом пускай врачи судят. Им лучше знать. И я, и Щербатов, и Лапшин считаем, что ты достаточно послужил царю и отечеству...

— А не сочтут меня дезертиром?

— Дезертиром тебя не сочтут. У нас — партпйцев — есть такое правило: если нужно для дела, пусть тебя считают кем угодно. Куда понадобится, туда тебя и пошлют. Поэтому мы никогда до конца не распаковываем чемоданы. Начинать и ты, Артемка, входить в курс дела... Есть у тебя чемоданы?

Артем рассмеялся.

— Нет у меня чемоданов, отец.

— У своего Багрова не нажил?

— Ни одного.

— Ну, палегке еще лучше... Хотя путешествие тебе предстоит для начала не очень далекое.

Артем насторожился: очень хотелось ему знать, к какому делу собирается пристронть его отец.

— Поручили мне в комитете одно ответственное дело, — сказал Клевцов. — Организовать у нас в районе красногвардейские отряды, обучить рабочих военному делу. Вот и хочу тебя привлечь к этой работе. Для начала — свяжись с Лапшиным и помоги ему сколотить отряд. В общем, ты теперь вроде военного инструктора будешь. Согласен?

Артем ответил не сразу.

— А как же с профессией?

— Об этом не беспокойся. Дядя Саша позаботится, ты же его знаешь. Поработаешь и на станке.

* * *

Итак, Артему поручили новую работу.

Хмурым мартовским утром подошел он к знакомым воротам, предъявил пропуск охраннику и прошел на заводской двор. На минуту защемило сердце — все ожило в памяти: и первые уроки Лапшина, и Шишкастый, и шиик.

Артем вошел в цех.

Своего учителя он увидел издали: тот уставлял на станке деталь. Артем подошел к нему, и старый рабочий спокойно взглянул на него поверх очков.

— Здравствуй, дядя Саша!

— Э, племянничек? Не забыл нас, значит. Это хорошо. — Старик пожевал губами. — Ну, ставовись и включай станок.

Артем опешил:

— Я к вам...

— На именины звать или как? — Лапшин хмыкнул. — Пускай станок, я говорю.

— Вы шутите, верно, дядя Саша, вы и без меня справитесь...

— Нет, не шучу.

Ничего не понимая, Артем пустил станок и встал рядом с рабочим. Фреза дотронулась до металла, и он стал осыпаться мелкой стружкой.

Лапшин сказал одобительно:

— Ничего. Не забыл, как станок пускают. Молодец. А я думал, ты, кроме винтовки, ничего теперь не знаешь.

Он выключил станок и посмотрел на Артема с лукавой улыбкой, в глазах его бегали хитроватые огоньки.

— Знаю я, зачем пришел.

Лапшин закурил и с наслаждением затянулся едкой махоркой.

— Одним словом, времени у нас в обрез, — сказал он. — Учиться строить будете ходить на Охту, а то и за Пороховые — на пустырь, там и стрелять можно. Далековато, но в городе негде. Винтовки все хранятся в «шанхае». Знаешь, где «шанхай»?

Артем знал «шанхай» — так на Металлическом заводе звали угольные бункера, где зимой и летом спали прямо на кусках угля рабочие корейцы.

— Сходи туда, посмотри... Подожди, сейчас я познакомлю тебя с одним хорошим парнем. Он у нас заводилой будет по гвардейской части...

Лапшин посмотрел куда-то в глубину цеха и крикнул:

— Ва-ся! Ва-ся Пудов!

Хлопотавший у одного из станков рабочий обернулся и поднял руку.

— Поди сюда! — позвал дядя Саша.

Скоро рабочий, степенно обтирая руки концами, подошел к Лапшину.

— Вот, познакомься, Вася, это Артем Клевцов. Он обучать нас военному делу прислан.

— Очень хорошо. Начинать можно хоть сегодня, — сказал Пудов такой энергичной скороговоркой, что Артем даже не сразу его понял. Это была обычная манера Василия разговаривать.

Пудов поправился Артему с первого взгляда: молодой парень, примерно одного с ним возраста; одет в косоворотку и широкие штаны, заправленные в сапоги; из-под промасленного козырька кепки лихо торчит хохол светлых волос и остро смотрят на все окружающее голубые глаза.

— Ну, что же, хлопцы, познакомьтесь, поговорите, — сказал Лапшин, ласково поглядывая то на одного, то на другого. — Да побыстрее начинайте обучение.

* * *

— Вот что, ребята, — Лапшин внимательно посмотрел на Пудова и Артема. — Садитесь вот на эти ящики и слушайте... Позвонил мне сегодня твой батя, Артем, из районного штаба и сказал о таком деле. За последнее время у нас в районе стали погуливать хулиганы — есть случаи грабежа и нападения на людей. Знаете сами — времена пошли беспокойные: тут и дезертиры, и голодные, да и просто свихнувшиеся. Так вот, надо порядок навести. Решили привлечь к этому делу красногвардейцев... Одобрете?

— Одобрим! — сразу подхватил Пудов. — А как же!

Кто же будет с хулиганами бороться, как не мы! У нас и оружие, и стрелять из него научились...

— Ну, ладно, — перебил Лапшин скороговорку Пудова, — ясно вам. Значит, вот что: назначаю вас патрулем. Пойдете сегодня в Удельнинский парк, там развелось много этой шпаны. Возьмете винтовки, но пускать их в ход не надо. Вы парни крепкие — и так справитесь. Вот вам первое задание. Желаю успеха.

Вечером после работы Артем и Вася Пудов переоделись в чистую одежду, начищали сапоги до блеска, закинули за плечи винтовки и вышли за ворота завода. Дорога предстояла неблизкая — Удельнинский парк находился в самом начале длинного Выборгского шоссе.

Хотя шел десятый час, было еще светло. По узким панелям шоссе гуляли люди — главным образом, молодежь. Парни в пиджаках и аккуратно отутюженных брюках, девушки в цветных кофтах, высоких шнурованных ботинках при встрече с красногвардейцами вежливо сторонились, давая им дорогу, бросая любопытные взгляды на винтовки. Иногда к ним приставал с назойливыми расспросами какой-нибудь подвыпивший прохожий. Но они не пускались в разговоры, отвечали односложно, не ропя достоинства, и шли дальше. Недалеко от «Айваза» они встретились с рабочей смесью, пропуская толпу усталых, перепачканных в машинном масле людей, сошли на мостовую...

Когда Артем и Вася дошли до парка, на улице загорались редкие фонари. Парк был густой, заросший. По дорожкам, на которых пробивалась редкая травка, гуляла молодежь. За кустами часто слышался смех, выкрики парней, визг девочек. Заметив патрульных, ребята утихали, бросали на них косые взгляды.

Клевцов и Пудов прошли мимо спрятанного в зелени приземистого кирпичного здания мрачного вида, и по одной из дорожек углубились в парк. Здесь было темней. Тусклый свет фонарей, смешиваясь с отблеском бледного июньского петроградского неба, желтыми пятнами падал на дорожку, деревья, кусты.

Гуляющих почти не было... Красногвардейцы уже хотели повернуть обратно, когда вдруг услышали в отдалении женские воя и какой-то шум.

— Слышишь? — остановившись, воскликнул Пудов. Артем прислушался. Шум не утихал.

— Пойдем! Тут что-то неладно, — сказал он решительно.

Они пошли в сторону усиливавшегося шума.

— Никак там дерутся... Давай скорей.

Пудов, поправив ремень винтовки, пошел быстрее, потом побежал. Артем не отставал от товарища.

Теперь стало ясно: в одиом из отдаленных уголков парка шла драка, драка жестокая... Вот заметались, запрыгали впереди чьи-то тени, послышалась грубая перебранка.

Подбежав к месту драки, красногвардейцы увидели молодых работниц, которые отбивались от каких-то расфранченно одетых рослых парней. Девушки, визжа и нехорошо ругаясь, колотили наседавших мужчин и пытались от них убежать.

— Прекратить драку! — рявкнул Вася Пудов и кинулся на одного из парней.

Артем бросился к ближайшей дерущейся паре. Девушка, у которой сползла на плечи косынка, растрепались косы, а на груди разорвалась блузка, крепко вцепилась в руку парня: в ней был нож. Артем на миг растерялся.

— Пусти! — парень ударил девушку свободной рукой наотмашь по лицу.

— Кобель проклятый! Сморчок поганый! Я тебе покажу!.. — Женщина крепко держала хулигана, тот снова размахнулся, но вдруг работница быстро наклонила голову и вцепилась зубами в волосатую толстую руку. Парень вскрикнул, нож упал на землю.

Артем кинулся к финке и подхватил ее с земли.

— А пу, отойди назад, сволочь! — Артем резким движением сдернул с плеча винтовку и направил дуло на хулигана. — Руки вверх!.. Обыщи его, — бросил он девушке. — Нет ли чего, кроме финки.

Работница безгласно обшарила карманы.

— У-у, кобель! — с ненавистью проговорила она, поднеся кулак к бледному испитому лицу хулигана. — Будешь знать, с кем связываться!

К ним подошли Пудов и две девушки, поправлявшие растрепавшиеся волосы, смятую разорванную одежду.

— Поймал? А у меня убежали, стервецы, — сказал Вася с досадой. — Вяжи его, Артем, скорее. Ничего, он расскажет о дружках!.. А вы, девушки, не плачьте.

Хулиганы понесут должное наказание. Сильно перепугалась?

— Перепугаешься... Спасильничать хотели... — сказала одна из работниц, разглядывая разорванный рукав нового жакета. — Ты не ранена, Грачева? — обратилась она к подруге.

— Кто же это меня мог ранить? — ответила девушка, которая укусила хулигана. — Эта поганка? — показала она рукой, даже не взглянув в сторону парня, уныло стоявшего со скрученными руками. — Не дорос! Видали мы таких. Не первый и не последний!

Пудов с восхищением разглядывал Грачеву, успевшую уже заплести свои толстые косы и повязать на голову косынку.

— Хорошие вы девчата, в обиду себя не дали. Откуда вы взялись такие?

Грачева, видимо наиболее бойкая из девчат, ответила:

— Мы ткачихи с «Лютша и Чешера». Не видите разве?

— Как не видеть! Я сразу увидел. Так и подумал сразу: этим в рот палец на кладу — откусят!.. Ну, бывайте, девоньки. Благодарите Красную гвардию, которая вам на помощь пришла...

Девушки заулыбались и в самом деле стали благодарить.

— Вудете на Металлическом, спросите Васю Пудова и Артема Клевцова. Мы вас встретим... Ну, поганка, — повернулся он к хулигану, — иди! Дух из тебя вон!

* * *

Сегодня Артем был в охране Выборгского райкома партии. Он стоял у ворот и следил за тем, чтобы во двор не проходили посторонние люди, внимательно наблюдал за происходившим возле дома, обо всем подозрительном докладывал старшему охраны — пожилому рабочему с «Лесснера», которого в районе почему-то все пазывали Батей.

Было около двенадцати часов дня, когда к дому на противоположной стороне Сампсониевского проспекта медленно подъехал на новеньком велосипеде какой-то господин в сером костюме и соломенной шляпе. Он притормозил машину, легко слез с нее. Прислонив велосипед

к деревянному крыльцу, господин постоял пемного, оглядывая противоположный дом, где находился районный комитет, и прилегавший к нему участок улицы, задев при этом взглядом и стоявшего у ворот Артема. Вбежав по ступенькам крыльца, он вошел в парадную.

Шли минуты. Летнее солнце прппекало все сильнее, п Артем встал под арку ворот, продолжая вести наблюдение. Все чаще к райкому подходили люди. Это были большей частью рабочие и работницы. Они не задерживались долго и обычно выходили нагруженные тучками литературы или с пачками газет под мышкой. Ипогда выходили группами, и люди о чем-то горячо говорили, как будто продолжая начатый в райкоме спор...

Артем обратил внимание на проходившую мимо него пару, направлявшуюся к райкому. Она несколько отличалась от обычных райкомовских посетителей. Мужчипа, среднего роста, одетый в простой костюм с жилетом, с кепкой на голове, вел под руку женщину. Жепщина была в темном длинном платье, лицо ее наполовину скрывала черная кружевная косынка... Они шли неторопливым шагом и о чем-то разговаривали. Проходя мимо Артема, мужчина бросил на него быстрый взгляд и что-то сказал своей подруге. Черты лица этого человека показались Артему удивительно знакомыми.. Он вспомнил: это лицо он видел на одном из плакатов, развешанных в связи с выборами депутатов на Второй Всероссийский съезд Советов. И вдруг его ошеломила мысль — да это же был портрет Ульянова-Леннна! Значит, перед ним — живой Ленин! Тот самый Ленин, которого торжественно встречали рабочие на Финляндском вокзале. Вождь партии большевиков, о котором он слышался еще от солдат в запасном полку... А кто же идет рядом с Владимиром Ильичем? Должно быть, его жена, Крупская. Он слышал о том, что Надежда Константиновна работает в Выборгской районной управе, занимается народным просвещением...

Теперь Артем пристально вглядывался в каждое движение, в каждый жест Ленина, неотрывно следил за тем, как он и Крупская подходили к парадной двери. Он увидел, как Ленин приветливо поздоровался с неожиданно появившимся возле него старшим охраны. До него допесся слегка картавый ленинский говор:

— Здравствуйте! А я вас узнал... Вы сегодня в охране? Прекрасно!..

Батя смущенно ципал ус и что-то говорил Ленину и Крупской. И снова Артем услышал мягкий, но сильный и отчетливый ленинский голос:

— Меня ждут? Тем лучше. Я давно собирался зайти, да все недосуг было.

Ленин и Крупская вошли в дом. Батя еще потоптался некоторое время у двери, огляделся, подмигнул Артему и пошел по своим делам.

Артем продолжал наблюдать. Им овладело какое-то новое, неведомое ему раньше торжественное чувство — словно все, что он теперь делал, приобрело особенно важный смысл. Словно чей-то голос говорил ему неслышно: «Там в райкоме — Ленин... Ленин... Ленин... Смотри же, чтобы все было в порядке. Не подкачай». А на улице жизнь шла обычным порядком. Проходили мимо люди, озабоченные своими делами. Сколько их, этих дел, этих забот! У каждого — свои. Артем вглядывался в прохожих, старался разгадать их мысли, их жизнь... Перед ним неожиданно возникла высокая фигура отца. Васильи́й Николаевич был в шляпе, загорелую крепкую шею облегал белый чистенький воротничок, на грудь спускались концы яркого галстука. Клевцов подошел к сыну и хлопнул его по плечу:

— Стоишь?

Артем улыбнулся. Он любил, когда отец хорошо одевался — это означало, что у него хорошее настроение. Как-то раз он спросил отца об этом и услышал в ответ: «Насмотрелся в тюрьме серого, вот на яркое, красивое и тянет».

Сейчас Артем ответил отцу в его же тоне:

— Стою!

— Что высмотрел?

Клевцов-младший нахлопился и сказал тихим голосом:

— В райкоме Ленин!

— Ленин? В самом деле? Ты не обознался?

— Нет. Это он, — убежденно сказал Артем. — Я по портрету узнал.

— Вот замечательно!.. Ну, тогда я пойду. — Клевцов торопливо направился к входу.

Артем прошелся перед домом туда и обратно. Оглядел

противоположную сторону улицы. Бросился в глаза при-слоненный к крыльцу велосипед. Это был все тот же велосипед, который поставил сюда человек в сером костюме и соломенной шляпе... Показалось странным, что человек так долго не проявляет заботы о своей машине. При желании ее нетрудно было бы утащить. Скорее всего, за ней откуда-нибудь следят, может быть, из окна... Артем стал всматриваться в окна противоположного дома. Почти все они были наглухо закрыты, за ними виднелась только чернота — нигде ни одного лица. Он подумал о том, как удобно отсюда вести наблюдение за всем, что происходит в райкоме.

Артем снова занял свой пост у ворот, но велосипед не выходил из головы. Он решил разыскать старшего и сообщить ему о своих мыслях. Батя внимательно выслушал Клевцова и хитро улыбнулся:

— Вижу, парень, ты не зря казенный хлеб ешь. Спасибо. Об этом велосипеде я уже знаю, он на примете у меня. Иди на место, я приму меры...

Через некоторое время Артем увидел, как перешли улицу Батя и двое красногвардейцев. Они подошли к крыльцу. Старший взялся за руль велосипеда и отвел машину под арку ворот. Прошло несколько минут, и из дома вышел человек в соломенной шляпе. Он принялся искать свой велосипед и, обнаружив его под аркой, кинулся туда. Артем видел, как человек, жестикулируя, вступил в пререкания с красногвардейцами и как те вдруг схватили его и потащили во двор дома. Двор был темный, и люди исчезли в нем.

Вскоре в воротах снова появились красногвардейцы. Человека в соломенной шляпе с ними не было. Батя, ведя велосипед, пересек улицу и подошел к Артему:

— На, возьми машину и спрячь во дворе, да хорошенько. Номер сними и уничтожь. Тип-то этот шпиком оказался, мы значок его видели. Верно, за Лениным следил. Ну, теперь он безвредный — лежит в погребе с кляпом во рту...

Вечером Артем встретился дома с отцом. Тот рассказал ему, что в райкоме виделся с Лениным и Крупской. Ильич пришел в райком, чтобы уплатить членские взносы.

Артем сообщил отцу о поимке шпика. Клевцов, оказалось, был в курсе дела.

- Спрятал велосипед в надежное место?
- Да, отец.
- И пусть лежит там, пока новый номер не достанем.

МАТРОС ПОСТОЙКО

Как-то во время обеденного перерыва Клевцова вызвали в проходную.

— Тебя парень один ждет за воротами, — сообщил ему вахтер, — смешной такой, рыжий и весь в веснушках...

«Неужели Сенька? — обрадовался Клевцов. — Пришел все-таки!..»

Артем давно не видел своего приятеля. Вскоре после ухода на завод он навестил Сеню в казарме. Тот встретил его хмуро, но потом разговорился, стал расспрашивать о новой работе. Артем предложил дружку поговорить о нем с отцом: может быть, удастся пристроить и его к постоянному делу. Но Сеня наотрез отказался, просил ничего не говорить. После этого Артем еще несколько раз встречался с другом. И вдруг Сеня исчез, — никто в полку не мог толком сказать, куда парень девался...

Артем выбежал на набережную и тут увидел ждавшего у выхода Сеню. Он был не в военном, а в рабочей одежде, козырек лихо сдвинутой набок кепки уже успел засалиться.

Артем кинулся к товарищу:

— Куда это ты пропал? Искал я тебя...

Сеня подвинул кепку на лоб:

— А чего меня искать, я не голка... Вот он я! — он стукнул себя в грудь.

— Ты что — ушел из полка? Работаешь?

— Ага. Пусть Керенский за меня повоюет.

Артем с восхищением смотрел на своего друга: все такой же! Независимый вид, быстрый, насмешливый взгляд, — этот никогда не пропадет! И как удалось ему устроиться? Он спросил об этом товарища.

Сенька таинственно огляделся:

— Только тебе скажу... Когда ты ушел, немоготу мне стало. Скука такая — хоть вешайся. На фронт полк не послали, и опять пошло одно и то же — «левой-правой». Решил я — хватит. Попил буржуи моей кровушки.

Обман один. И пошел я опять туда, куда мы с тобой ходили, — в Петроградский комитет. Разыскал этого длинноволосого... ну, Антонова-Овсеенко. Рассказал ему про себя, как на духу. Он и устроил все. Теперь я на токаря учусь на «Айвазе». Ясно тебе?

— Замечательно! Теперь мы с тобой заживем! — Артем в порыве радости обнял товарища и похлопал его по спине. — Теперь будем часто встречаться.

Сеня стал серьезным:

— Пойдем с тобой вместе на демонстрацию?

— Какую демонстрацию?

— А ты не слышал? На третье июля назначена по всему городу демонстрация. Пойдут все заводы...

Артем знал, что назревают какие-то важные события...

Еще в конце июня отец стал приходить домой только на три-четыре часа и спал беспокойно. Артем чувствовал: что-то входит в жизнь новое, тревожное, но не решался расспрашивать, где батя бывает, что делает, с кем встречается. Уходя, Клевцов только подмигивал сыну, — мол, дела, брат, идут. И Артем отвечал понимающей улыбкой. Уже несколько месяцев он не видел Щербатова. Старик Лапшин, которого он как-то спросил, куда пропал Щербатов, только головой покачал. Это, должно быть, означало: «Задаешь ненужные вопросы»... Скоро все разъяснилось: Артем узнал, что в начале июля в городе будет большая демонстрация. Рабочие и солдаты выйдут на улицы, чтобы продемонстрировать свою сплоченность и потребовать от Временного правительства прекращения войны, решительной борьбы с контрреволюцией.

Артем сказал другу:

— Я все знаю. Приходи. Я вместе с нашими гвардейцами буду в охране, но это не помешает.

Друзья условились о встрече и разошлись. Обеденный перерыв кончился, и Артемка поспешил в цех.

* * *

Когда на пересечении Невского и Садовой с чердака углового дома заработал пулемет, люди бросились враспынную, — бежали в прилегающие улицы и переулки. После первых выстрелов, подчиняясь инстинкту самосохранения, они оба повалились на мостовую — недалеко от раненого знаменосца из их колонны. Знаменосец, пожи-

лой рабочий, преодолевая боль, хриплым голосом материл «всех временных», «буржуазных прихвостней», «меньшевистскую и эсеровскую надаль». С трудом собрав последние силы, раненый встал на колени и подпал высоко над головой древко с заводским знаменем. В это время снова раздалась пулеметная очередь, и знаменосец повалился на мостовую.

Артем подобрался к убитому, взял у него из руки знамя и пополз к Гостиному двору. Пули с коротким чмоканьем вливались в торцовую мостовую. Пронзительно кричала какая-то женщина. Иевский проспект, только что напоминавший реку в половодье, сразу обмелел, — черными пятнами на нем обозначились убитые и раненые.

Артем, не выпуская из рук древка и не оглядываясь, крикнул: «Сеня, бежим к Гостиному!» Кое-как, то ползком, то перебежками, он добрался до галереи Гостиного двора. И вдруг почувствовал, что кто-то схватил и рванул его за шиворот:

— Дура! Семь чертей тебе в печень. Иди скорей под арку. Убьют ведь.

Матрос в бескозырке и в широченных брюках клепки втянул его поглубже под каменное укрытие. Он укоризненно проговорил:

— Воевать тоже надо умеючи. А ты свою корму под пули подставляешь, она же у тебя не бронебронная! Пуля — дура, не разбивает.

— Сколько людей погубили... Палачи! — Клевцов от волнения с трудом выговаривал слова.

Но где же Сенька? Он слышал, как кто-то бежал за ним. Но был ли это Сеня? Артем стал искать друга среди окружающих людей, но его нигде не было.

— Что приуныл? Раз ты рабочий — гегемон революции, то должен при всех случаях нос кверху держать!

Матрос был не прочь поговорить с рабочим парнем, который, певзирая на смертельную опасность, спас знамя своего завода.

— Дружка своего потерял. Вежал за мной, а нет его нигде... — нехотя объяснил Артем моряку.

— Да жив твой дружок, — успокаивающе махнул рукой новый знакомец. — Спрятался где-нибудь. Таких, как мы, пуля не берет!

Не сговариваясь, матрос и Клевцов обошли кругом Гостиный двор, вышли к зданию городской думы и, пригибаясь при каждом звуке выстрела, быстро перебежали Невский.

— Не кланяйся, не кланяйся! — кричал на своего спутника матрос, хотя сам приседал, пересекая проспект. — Ты с меня пример не бери. Небось подумал: «Вот, мол, боевой с виду матрос, а мостовую брюхом вытирает».

— Не простим мы им этого, — ответил Артем, пропуская мимо ушей слова матроса. — Для них, гадов, сегодняшней день — что для Николашки девятое января. Они своей шкурой за это ответят.

— Ишь ты... И в самом деле гегемон, — с ноткой восхищения в голосе сказал матрос. — Если так, то давай знакомиться, браток. Иван Пстойко, матрос первой статьи с крейсера «Аврора».

— Как? — удивленно спросил Артем.

— По-стой-ко. Понял?

— Это фамилия такая?

— Да... Хотя — нет. Фамилия моя настоящая Суворов. Громкая фамилия.

Артем в недоумении молчал.

— Вижу, не понял, — матрос улыбнулся. — Я не первый раз объясняю про свою фамилию. Видишь ли, «Пстойко» — это прозвище такое, которое дали в деревне моему деду. И вот пристало оно к деду, а потом и к отцу. Когда меня призвали, хотел я свою фамилию взять, а уездный воинский начальник, то ли в шутку, то ли всерьез, велел писать всюду «Пстойко». Так и стоит во всех списках и документах... Анекдот!

Артем рассмеялся.

— Чудно!

— Да мало ли у нас творится беззаконий... Ну, а тебя как кличут?

— Артем Клевцов, с Металлического завода, — с гордостью проговорил Артем.

Матрос крепко пожал протянутую Артемом руку.

— Слышь, гегемон, передай своим заводским большевикам, что хватит баланду травить. Хватит мирных демонстраций. Матрос первой статьи Иван Пстойко голодает за винтовку. Понял?

Пстойко вразвалку, подметая клешем пыль, пошел

в сторону Марсова поля. Артему не хотелось так быстро оборвать интересное знакомство, и он крикнул вслед своему спутнику:

— Эй, первая статья!.. Может, встретимся?

— Это можно, — Иван Постоико остановился. — Куда прийти-то?

— На Выборгскую, на Металлический завод...

— Заметано.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Не успел Артем вернуться домой, как прибежал отец и, больно схватив его за плечо, коротко спросил:

— Цел?

— Цел.

— Ну, слава богу. А я места себе не находил. Всякие мысли в голову приходили.

Отпустив его, Клевцов в молчании постоял посреди комнаты, обводя безразличным взглядом нехитрую обстановку, и вдруг, поморщившись словно от боли, сказал Артему:

— А Сеивки твоего нет...

Артем побледнел.

— Как нет?

— Так вот... Его убили на Невском.

Артем, охнув, сел на стул и закрыл лицо руками.

Клевцов подошел к сыну и молча провел рукой по его волосам...

— Так и не пришлось мне познакомиться с твоим дружкой, — сказал он, помолчав.

Артем все сидел, закрыв лицо руками...

Через несколько дней, вернувшись вечером домой, Клевцов-старший сказал:

— Опять с тобой врозь жить будем. Думаю, ненадолго...

Отец продолжил разговор не сразу. Казалось, он подыскивал слова:

— Дали мне поручение... надо подполье готовить. Короче говоря... опять наших людей по тюрьмам сажать стали. Да вот, почитай... — Он вытащил из кармана свернутую газету. В глаза бросился широкий заголовок: «Живое слово».

— Вот, — отчеркнул Клевцов ногтем. — Смотри, что пишут, сволочи. Будто Ленин германский шпион, а?

Артем, повернувшись к свету, стал читать, а отец, расхаживая по комнате, говорил, возмущаясь:

— Нашли свидетеля! Ермоленко! Ну-ка, почитай, что он там показал?

Артем нашел нужное место и прочел:

— «...Офицеры германского генерального штаба Шиллицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба... Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству».

— Гады! — с силой сказал Клевцов. — В-вот гады! Погромщики, с-сукины дети. Ну, Владимир Ильич на площади ответил им всем. И мы еще, брат, ответим. Подожди, придет срок! Ответим за всё и за всех!

Василий Николаевич сдернул с кровати старенькое одеяло, закатал его и сунул в фанерный чемоданчик, где уже лежали книги. Это было чуть ли не все его личное имущество, не считая драпового пальто с потертым плюшевым воротником.

— Ну, пойду! — Он стал надевать пальто. — Видеться будем на заводе. А ты, если спросят, говори: «Знать не знаю, ведать не ведаю». Ну?

Артем, не прощаясь, как-то неопределенно мотнул головой; это должно было означать: «Подожди». Отец поглядел на него выжидающе.

— Вот что, — тихо сказал Артем. — Ты мне скажи... Мне тут неясно... Понимаешь, я хочу в партию вступить. Примут меня?

Клевцов изумленно поднял брови. Помедлив минуту в нерешительности, он снял пальто и присел рядом с сыном. Посмотрел ему внимательно в лицо. Артем увидел спокойные, добрые глаза отца.

— Обрадовал ты меня, сынок, спасибо...

— А ты думаешь, меня... примут? — повторил свой вопрос Артем.

— В партию? — Клевцов подумал, не отрывая глаз от сына. — Примут. Ты поговори с Лапшиным. Только подучиться тебе надо.

— А ты думаешь, что я совсем неграмотный и темный, как бутылка? — хмуро сказал Артем.

Клевцов-старший улыбнулся:

— А ты думаешь, я забыл, как тебя учили добрые люди в Вологде и здесь? Но этого мало. Учиться надо всегда и в любом положении. Даже сейчас — конечно, не только по книжкам.

Отец достал из тайника две книги и положил на стол:

— Ну, а это ты читал?

Артем взял в руки книги и прочитал вслух названия:

— Ленин «Что делать?», Каутский «Экономическое учение Карла Маркса»...

— А почему Каутский? — спросил он. — Ведь он, как это... ренегат...

— Ишь ты, «ренегат»... — с легкой иронией заметил Клевцов. — Но, между прочим, тогда Каутский еще не был ренегатом. Так читал ты эти книги?

— Эти... нет, — замялся Артем.

— Тогда прочти... Я знаю, дел у тебя хватает. А все же — прочти. Только читай не спеша и так, чтобы лучше вникнуть. Прочтешь — скажешь. О непонятном побеседуем. Договорились? — Хлопнув сына по спине, сказал напутственно: — Не робей, Артем Клевцов, у тебя все впереди! И обязательно сходи к Лапшину...

Они обнялись, и отец вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Артем прислушался к быстрым затихающим в коридоре шагам.

* * *

Артем решил не откладывать разговора с Лапшным в долгий ящик, но несколько дней дяди Саши не было на работе. Говорили, что он отпросился по каким-то своим «неотложным домашним делам».

И вот Артем встретился с рабочим совершенно неожиданно и в таком месте, где совсем не ожидал его встретить.

После работы Клевцов, направляясь домой, шел по набережной Иевы. И вдруг увидел сидящего на плоту возле берега Лапшина.

Артем подошел к плоту и остановился:

— Здравствуй, дядя Саша.

— Садись, — предложил старик так спокойно, словно ничуть не удивился встрече. — У меня с собой вон что прихватчено.

Он вынул из кармана аккуратно завернутый в бумагу узелок. В нем оказалась суровая нитка со свинцовым грузилом и крючками. Лапшин насадил несколько червей на крючок, размотал нитку, раскрутил грузило, и донка, взлетев, со свистом упала метрах в двадцати. Вздохнув, Лапшин намотал конец нитки на палец, близоруко вглядываясь в воду.

Артем неожиданно рассмеялся. Лапшин, покосившись на него, спросил:

— Ты чего?

— Да так просто. Больно у всех рыбаков вид важный.

— Старуха у меня совсем плоха. Заболела. За ребятами некому смотреть, — тихо сказал Лапшин. — Денег не хватает, на рынке цены — сам знаешь, а продавать больше нечего. А тут, может, за час и на уху сваргаю.

Артем совсем не знал семейной жизни своего учителя, и то, что он сейчас услышал, удивило и огорчило его.

Рыбаки, дежурившие над удочками, всегда казались ему бездельниками, и только. Оказалось, рыбу ловили в Неве не только для развлечения.

Лапшин подергал нитку, задумчиво сказал:

— А к тому же и поговорить с тобой можем. Садись рядом... Ты, я слышал, в партию вступать хочешь? А?

— Да, — ответил Артем, усаживаясь на плоту и удивляясь тому, что Лапшину уже известны его намерения.

— Вот я к тебе все приглядываюсь — вроде бы свой парень. Ну, совсем свой. И станок нутром чувствуешь, а без этого рабочего человека нет. — Он помолчал, подергал леску — не клюнуло ли? — Вот был у тебя дружок Сенька. Думаешь, не знал я его? Знал. Хороший паренек был. Огонь. К чему я все это говорю, спросишь? Да к тому же... Характер у тебя больно спокойный. словно присматриваешься к жизни. А жизнь горячих требует. Нам еще с Керепским и буржуями рассчитаться надо. Нам горячие сердца нужны.

— А разве это плохо — присматриваться?

— Нет, ты гляди, внимательно вглядывайся в жизнь, только не со стороны.

Артем вспыхнул:

— Так вы думаете, я со стороны гляжу? Ну, пусть я сделал мало, а все равно... — Он встал и, отряхнув брюки, выкрикнул: — И вообще — какой есть, такой и есть! Надо будет, что угодно сделаю, не побоюсь!.. — Ноняв,

что погорячился, добавил со скрытой обидой: — Я думал, дядя Саша, вы меня знаете, а вы...

— Вот видишь, вот и обиделся. А ведь на пользу тебе говорю. Хороший ты парень и паш, только немного больше огня бы...

— А у меня его сколько угодно! Огня у меня хоть отбавляй! Я все сделать могу!

Лапшин рассмеялся.

— Ишь ты, как вспыхнул. Как порох! Вот это и хорошо. Может, и кое-чего и не заметил...

Лапшин начал быстро выбирать шнур, и у его ног затрепыхался глазастый окунь. Снимая его с крючка, мастер приговаривал:

— Вот так, голубчик, давай-ка сюда, давай.

Пошел клев. Замелькала в воздухе окуньки. И будто только окунькамн заполнилось все время Лапшина. Но это было не так. Свернув вдруг всю свою снасть, он сказал:

— Пойми ты, что революция — это, брат, такое дело, что забирает человека полностью. Раз надо — значит, надо! Делай!.. Поезжай!.. Иди на схватку с врагом!.. Жить надо веселей, бодрей, смелей. А ты готов все сделать, что тебе прикажет партия?

— Все сделаю!

— Вот и ладно!.. — Лапшин заглянул в стоявший рядом котелок, раздумчиво сказал: — На уху я вроде наловил... Старуха будет довольна.

Иотом повернулся к Артему:

— Ты еще не в партии, а уже нашей партийной дисциплине подчиняешься, значит, можно тебе верить. Подавай заявление. Только не обижайся на меня, не обижайся! —

ЗА ОРУЖИЕМ

Занятия Артема с рабочими-красногвардейцами шли успешно. Раз в неделю, а иногда и несколько раз Лапшин и Вася Пудов собирали свою «гвардию» на заводском дворе, откуда все небольшими группками отправлялись на Пороховые. Здесь в подвале старого, полуразрушенного здания был устроен тир, а рядом на пустыре — плац для обучения строю. Все шло хорошо, со своими обязанностями Артем успешно справлялся, но делу мешала

нехватка оружия, о чем знали в Петроградском комитете.

На одном из занятий, во время перекура, Вася Пудов подошел к Артему и с тапиственным видом сказал:

— Меня в Совет вызывали... Новость есть. — Он осторожно отвернул борт своего ветхого пиджачка и запустил два пальца в боковой карман. — Вот, читай.

Артем взял из Васных рук бумажку и стал читать: «Удостоверение.

Дано сие от Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов товарищам Клевцову, Пудову и Сергееву с завода «Металлической компании» в том, что названные товарищи командированы в качестве делегатов в Сестрорецк для получения огнестрельного оружия (вп-товок), что и удостоверяем подписью и приложением печати».

— Прекрасно! — Артем горячо пожал руку сияющему от радости Васе Пудову. — Наконец-то вооружимся по-настоящему!

Через несколько дней они поехали в Сестрорецк.

На перроне к ним подошел кореец. Это был известный среди рабочих завода угольщик Ли. Он что-то говорил, путая русские и корейские слова. Пудов сказал:

— Ребята, так он ведь с нами ехать хочет!

Ли быстро-быстро закивал головой: мо-!, правильно, наконец-то поняли. И Артем хлопнул его по плечу:

— Ладно, браток. Хочешь вместе ходить — давай вместе...

Старый паровичок протащил их мимо пригородных дач. Справа открылся Разлив, и рабочий Сергеев, усатый долговязый дядя лет сорока, мечтательно вспомнил, как он ловил в этих местах рыбу. По его словам выходило, что щука здесь кидается на приманку как бешеная, лещ стоит в очереди за любым мало-мальски съедобным червяком, а о плотве и прочей мелюзге не стоит и говорить: озеро так и кишит ею. Артем усмехнулся:

— Ну, давай на обратном пути свернем, половим.

— Что ты! — испугался Сергеев. — Это с таким-то грузом! Вот в другой раз можно и половить.

Ли, не понимавший ни слова из этого разговора, только улыбался, разглядывая никогда раньше не виданные места, потом он перестал улыбаться, лицо приняло какое-то жесткое и непроницаемое выражение, и только в узком разрезе глаз метались беспокойные зрачки.

— Загрустил парень, — сказал Пудов.

Вдруг Лп, словно поняв, что речь зашла о нем, протянул руку к крышам двух захудалых домиков и что-то быстро заговорил по-корейски. Артем условил только одно слово «фанза» и кивнул.

— Да, бедные фанзы, Ли. В России бедные, в Корее бедные...

— Ведны, бедны, — закивал Лп.

Паровичок свистнул, подъезжая к Сестрорецку...

Через некоторое время питерские делегаты уже были на Сестрорецком оружейном заводе. В заводском комитете Артем предъявил удостоверение.

Председатель комитета, худощавый рабочий с обросшим щетиной усталым лицом, отрываясь от удостоверения, вяло усмехнулся:

— Значит, опять винтовки? Ошалел ваш Выборгский Совет: уж дали вам — и все мало!

Стоявший рядом с председателем пожилой коренастый человек, заглянув в удостоверение, сказал:

— Ты Клевцов, да? Твой батяка на каторге был? Значит, мы с ним друзья. Где сейчас отец?

— Не знаю, — ответил Артем, внимательно посмотрев на рабочего. — Давно не видел. Все вот с оружием возжусь.

— Ну, увидишь — привет передай. Скажешь, от Виппоградова, он знает... А оружие дай ему, Семен. Парень надежный!

Предзавкома поднялся со стула, резко сказал:

— А вот не дам. Завод вам не арсенал. У нас не один Выборгский Совет берет оружие.

Пудов не выдержал, вспыхнул:

— А ты поосторожнее с Выборгским-то Советом!.. Ты знаешь ли, председатель, что такое Выборгская сторона?

— Не хуже тебя знаю.

— Нет, хуже! Я там родился, а с семи лет на заводе вкалываю, мне он теперь вроде матери родной...

— Врось бахвалиться, — вяло возразил предзавкома. — Все мы одним миром мазаны.

— Что с ним разговаривать, — вмешался в разговор Сергеев, — не видите разве, с кем дело имеете? Чиновничья душа! Ему лишь бы в ведомости птички стояли.

В глазах оружейника загорелся злой огонек, лицо стало красным.

— Это я — чиновник?! Да я этих чиновников своими руками задушить готов!

— Ну вот видишь, — спокойно отпарировал Сергеев, — а сам не успел власть заполучить, как чиновником стал!

Снова в разговор вмешался Пудов:

— Ты лучше скажи, председатель, сколько отпустил винтовок Металлическому заводу?

Предзавкома порылся в бумагах, лежавших на столе. Найдя нужную бумажку, сказал:

— Ну, двести...

— Вот видишь. А знаешь ты, сколько рабочих у нас на заводе? Шесть тысяч! Одних красногвардейцев в два раза больше, чем винтовок.

Неожиданию заговорил стоявший в стороне кореец Ли:

— Красногвардейцы, о, да!.. Буржуев биль... винтовки надо!

Завкомовец заколебался, чувствуя, видимо, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

— Ладно, ваша взяла, — сказал он примирительно, махнув рукой. — Вас, выборжцев, не переубедишь. Берите еще двести винтовок.

Вася Пудов бросился к завкомовцу и стал его обнимать. Тот, отбиваясь, криво улыбался:

— Ладно, черт бешеный... Пойду, приготовлю. А вы идите, погуляйте полчаса.

— Пошли, ребята, к заливу. Успеем, — предложил Сергеев.

Артем с товарищами вышли за ворота.

— Идем, Ли, — сказал корейцу Вася Пудов. — Как там у вас богатых называют? Мандарины, что ли? Мы тебе наших мандаринов покажем.

Над залпом высилась сосна, искривленные ветрами, в жарком августовском воздухе крепко, пьяняще пахло хвоей, смолой, морем. Артем, увидев с вершины холма ровную, зеленовато-серую гладь залива, длинный пляж, восторженно взмахнул руками:

— Ах ты, черт, хорошо как!

— Что хорошего-то? Гляди!

Весь пляж, от кромки леса до самой воды, был усеян белыми и бронзовыми телами людей. Это были большей частью богатые курортники или владельцы дач. Они

лежали здесь часами, подставляя лучам горячего солнца свои хорошо убитые, холёные тела. По пляжу и в теи прибрежных деревьев лениво бродили небольшими группами женщины в пестрых дорогах купальных костюмах и шпроконолых шляпах, мужчины в плавках или шелковых пижамах. Повсюду можно было встретить флиртующие парочки. Вместе с прохладным легким ветром со стороны моря доносились смех и крики беззаботных, довольных жизнью курортников...

— Пойдем, — тронул Артема за рукав Пудов. — Ну их к дьяволу! Смотреть противно.

— Верно, противно. А воздух-то какой! Хорошо бы искупаться. Искупаемся, братцы?

— Хорошо бы, да некогда. Нас там ждут, — Пудов досадливо махнул рукой, откинув со лба светлый чуб. — Искупаемся еще... Когда вон этих не будет.

Они вернулись на завод. Рабочие-оружейники уже сами грузили длинные ящики в кузов грузовика. Виноградов стоял рядом с предзавкома; едва Артем подошел, спросил парня:

— Ну, как прогулялись?

— Хороши у вас соседи! И как вы терпите?..

— Ну, ну! — улыбаясь ответил предзавкома. — Всякому овощу, как говорится, свое время. Видел, значит, как буржуи животы греют?.. Ну, а мы тоже свое дело знаем. — Он протянул Артему бумагу и карандаш: — Вот, распишись здесь.

Артем, послунив карандаш, взглянул на цифру «двести» и расписался. Помолчав, сказал:

— Когда время придет, пригласите нас. Поможем очистить пляж...

Председатель завкома тронул ус, улыбнулся:

— Ничего, как-нибудь сами справимся.

А Виноградов рассмеялся, откидывая голову:

— Ай да большевистская порода!

ПО ПУТЕВКЕ СМОЛЬНОГО

Артем снял со станка готовую шестерню, внимательно осмотрел нарезанные зубья и стал закреплять другую деталь для обработки. В это время к инструментальному ящику подошел Лапшин. Он долго перебирал там

фрезы, изредка поглядывая в сторону Клевцова из-под лохматых бровей. Найдя нужный инструмент, он вытер копцами рук и подошел к своему ученику.

— Вот что, милоч. Собери-ка сегодня к шести свою сотню. Выстрой на набережной. Приказано выступать. Понял?

Артем от волнения не мог произнести слова. Пришлось остановить станок. Все последние дни он ждал этого момента, его ждали все красногвардейцы. События нарастали стремительно, ходили слухи о том, что готовится восстание...

— А куда мы пойдем? — спросил он Лапшина. Тот, конечно, должен был это знать: ведь недаром старик возглавлял красногвардейский отряд завода.

— К Смольному. А дальше... — Лапшин развел руками.

К шести часам вечера сотня была выстроена. Рядом, по всей набережной, припыкавшей к заводу, собралась, готовились выступить и другие подразделения отряда. Артем проверил у своих людей оружие, после этого выдал всем запасные обоймы патронов... Было холодно, дул сырой, осенний ветер, и красногвардейцы, ожидая приказа выступать, топтались на месте, толкали друг друга плечами, желая согреться.

Наконец подошел Лапшин и повел выстроенный отряд к Литейному мосту...

Пройдя Шпалерную улицу, красногвардейцы вышли на площадь. С каждым шагом все явственнее доносилось до них беспокойное, тревожное дыхание Смольного... К штабу революции группами и в одиночку торопливым шагом направлялись люди, многие из них были вооружены. Со стороны Суворовского проспекта мчались грузовики. Навстречу им от Смольного на полной скорости ехали машины с рабочими, вооруженными винтовками, связанные на велосипедах.

Ворота в ограде у Смольного были широко распахнуты, и красногвардейцы, пройдя мимо установленного в стороне пулемета, вошли во двор. Здесь было многолюдно и шумно. Повсюду стояли автомашины, готовые в любой момент сорваться и ехать по заданию; на широкой лестнице перед входом сидели и стояли группы людей, чего-то ожидая.

Лапшин повел отряд в левый конец двора. Здесь он

распустил его, предупредив командиров, чтобы ждали распоряжений, а сам направился в Смольный.

Уже начало темнеть. Все так же порывами дул пронизывающий ветер, заставлявший людей искать укрытия.

— Ребята, давайте разложим костер! — предложил кто-то из красногвардейцев.

Сразу откликнулись голоса:

— Давайте! А то замерзнем.

— А удобно ли?

— А дрова где возьмешь?

Кто-то крикнул звонко:

— Айда на Неву! Там плах сколько хочешь!

Несколько человек побежали за дровами.

Скоро из метровых плах, притащенных с берега Невы, во дворе был сложен большой костер. Он разгорелся не сразу. Но старания людей и ветер сделали свое дело, и, почадяв, костер затрещал, выбросив в воздух языки пламени.

Красногвардейцы новеселели, обступили огонь, разгоравшийся все сильнее. Вокруг стало тепло и светло. словно притягиваемые магнитом, к костру подходили люди из разных концов двора, чтобы, насладившись минутным теплом и светом, торопливо отойти и продолжать свои неотложные дела.

Артем, присев на корточки, наблюдал за веселой пляской огня, когда на его плечо опустилась чья-то сильная рука. Он обернулся. Перед ним стоял его давнишний знакомый, балтийский матрос, с которым он познакомился во время июльской демонстрации. Бескозырка его была сдвинута на затылок, волосы от ветра спутались и торчали во все стороны.

— И ты здесь, гегемон!

Артем встал, протянул руку:

— Здравствуй, Иван Ностойко!

— Вижу, не забыл меня... Нашелся твой дружок?

Артем помрачнел:

— Погиб он тогда. Под пулеметом.

Матрос застыл на мгновение, словно оглушенный ударом, потом разразился брабью. Угрожающе тряхнув кулаком в сторону города, сказал сквозь сжатые зубы:

— Ну, держись, временные! Сегодня мы вам за все отплатим!

Помолчав, Артем спросил у матроса:

— Я ждал тебя. Ты чего же не пришел на завод?

— В Кронштадте был, дела...

— Приходи.

— Вот прикончим Керенского с буржуйской шатией — приду. Обязательно... Ну, давай твои пять.

Ивап Постойко схватил протянутую руку и неожиданно для Артема притянул его к себе и обнял.

— Живы будем — не помрем! Лупи буржуев, Клевцов!

Он побежал к воротам, где строился сводный отряд матросов.

Лапшин сбежал с лестницы и быстрым шагом направился к костру. Здесь его сразу окружили красногвардейцы.

— Пудов, Клевцов — ко мне! — крикнул командир отряда.

Артем протиснулся вперед, поближе к старому рабочему. Красногвардейцы, расступаясь, пропустили своих командиров внутрь круга.

— Вот что, ребята, — Лапшин говорил медленно, словно взвешивая каждое слово. — Сейчас я был у Подвойского, получил приказ... Наступили важные дни. Сегодня и завтра решается судьба революции. В такое время каждый должен быть, как штык, — готов на все. Слушайте приказ. Ты, Пудов, со своей сотней идешь занимать Валтийский вокзал — там уже есть наши люди, тебе все объяснят на месте. Ты, Клевцов, занимаешь Литейный мост. Есть сведения, что юнкера хотят его развести. Я с остальными людьми иду на Главный почтамт. Всё. Действуйте.

Круг красногвардейцев мгновенно распался. Люди стали строиться по сотням, готовясь немедленно выступить.

Артем повел свое подразделение к Литейному мосту. И поспел вовремя. Еще с набережной красногвардейцы увидели метавшихся по мосту людей; до них донеслись женские истошные крики, одиночные выстрелы.

— За мной!

Артем побежал во весь дух.

Взбежав на мост, красногвардейцы увидели юнкеров, которые возились у разводных механизмов. Им мешали

выполнить свое преступное дело работницы с Выборгской стороны. Они хватали юнцов, одетых в темные шинели, за рукава, толкали в спины, били по головам, оттаскивая их от механизмов. Юнкера отбивались, хватались за оружие, грозясь открыть огонь. Некоторые стреляли в воздух.

Красногвардейцы принялись разоружать юнкеров; те не оказали серьезного сопротивления, а многие побросали оружие и убежали. Женщины провожали их язвительными насмешками, угрозами, показывали кулаки.

— Спасибо, гвардейцы, вовремя успели, — благодарили они посланцев Смольного.

— Не за что, бабоньки! — отвечали им. — Это вам спасибо, не испугались юнкерья... Мост нам отдавать никак невозможно.

Артем расставил посты с обеих сторон моста и у будок с механизмами. Теперь надо было ждать указаний.

С Невы дул сильный ветер, было холодно. Откуда-то с территории Петропавловской крепости вырвался луч прожектора, он полоснул по низким тучам, затем по воде, уперся прямо в мост и вскоре погас. С Выборгской стороны проехало несколько грузовиков, прошла группа вооруженных рабочих... Артем продрог. Он похлопал себя по плечам, подумал: «Сюда бы сейчас костер, который горит у Смольного», и пошел проверять посты. На встречу ему от Нижегородской по мосту поднимались трое. Один из них был в шляпе. Артем узнал отца.

— Это ты? — обратился к нему Клевцов, ничуть не удивившись, что встретил здесь сына. — А я вот с райкомовцами решил проверить, всё ли тут в порядке... Ну, раз в порядке, то пошли дальше, — обратился он к товарищам.

Они пошли к Литейному проспекту. Артем рассказал райкомовцам о том, как юнкера пытались развести мост, а женщины не давали.

— Знаю! — Клевцов рассмеялся. — И боевые же эти ткачихи с «Чешера»... Ты не встретил здесь твоих старых знакомых?

— Это тех, кого мы с Пудовым от хулиганов спасали?.. Нет, не видел я их.

— Ну, верно, еще увидишь... А мост охраняйте крепко. Тебе когда обещали смену прислать? — спросил Клевцов, заметив, что сын весь продрог, посинел.

— Ничего не сказали.

— Ну, тогда я там напомню, а то могут в суматохе и забыть.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда красногвардейцы с Лптейного моста возвратились в Смольный. Во дворе Смольного было еще болеелюдно и шумно, чем раньше. Теперь здесь горел уже не один, а несколько костров. Костры трещали и шипели, весело и без усталости пожирая большие поленья, бросая вверх буйные языки пламени, распространяя вокруг себя животворное тепло... Артем разыскал здесь Лапшина, уже успевшего вернуться с почтамта. Тот повел прибывших в здание на второй этаж.

— Устраивайтесь здесь на отдых. Посните, если удастся... Кипяток тут есть, хлеб пока что свой.

Вдоль стен широкого коридора, между дверями, повсюду сидели или лежали на полу люди. Здесь были и красногвардейцы, и посланцы восставших полков, и связанные разных организаций столицы, которых застигла в Смольном ночь.

Клевцов, найдя свободное место, с наслаждением растянулся на паркетном полу, супув под голову свернутую тужурку и положив рядом винтовку. Но долго отдыхать не пришлось. Не прошло и часа, как к нему подошел Лапшина и попросил подняться.

— Спать не дают нам, Артем. Есть важное задание... Сходи наверх в Военно-революционный комитет к товарищу Подвойскому. Скажешь — я послал, тебе все объяснят...

— Хорошо, дядя Саша.

Поднявшись на третий этаж, Клевцов открыл дверь в большую комнату. В ней стояли несколько столов, два клеенчатых дивана, много стульев. На столах, подоконниках, даже стульях стояли городские и полевые телефонные аппараты. Бесперерывно раздавались телефонные звонки — это информировали Военно-революционный комитет о ходе восстания, просили дать помощь, указания, как действовать дальше. Тут же на месте дежурные Военно-революционного комитета разъясняли, требовали, предупреждали, отдавали распоряжения, иногда просили подождать и направлялись в отдаленную комнату, откуда

доносились дробь телеграфных аппаратов и трескотня пишущих машинок.

Артем остановился у двери, держа винтовку к поге, оглушенный всем, что видел и слышал.

Один из дежурных, узнав, в чем дело, провел его к председателю Военно-революционного комитета.

Подвойский, человек с худощавым, обросшим бородой лицом, окинул быстрым оценивающим взглядом крепкую фигуру красногвардейца, новенький солдатский ремень с патронташем, туго перепоясавший ладную тужурку, винтовку, молодецки закинутую за плечо, и, видимо довольный осмотром, сказал:

— Вы от товарища Лапина?

— Да.

— Вы знаете, где находится телефонная станция?

— Хорошо знаю, товарищ Подвойский, — волнуясь, ответил Артем. — На Морской.

— Тогда слушайте... Телефонистки предъявили нам ультиматум... — Подвойский улыбнулся. — Если мы не накормим их, они покинут станцию. Так вот — на станцию надо отвезти хлеб.

— И это все? — вырвалось у Артема. Он был несколько разочарован простым характером задания.

— Да, все. А что — этого мало? — спросил Подвойский с насмешливой нотой в голосе.

— Нет, почему же... — смутился Артем.

Подвойский усмехнулся в бороду:

— Если вам это задание не нравится, то мы можем попросить кого-нибудь другого...

Артем побагровел:

— Что вы, товарищ Подвойский! Извините, если что не так сказал!

— Ну, тогда берите наш грузовик, — сказал уже вполне серьезно предреввоенком, — погрузите в него продукты, попросите у Лапина несколько человек и выполните задание. Вы поняли вашу задачу?

— Хорошо понял, товарищ Подвойский!

— Возьмите вот эту записку. По ней получите все, что требуется. Когда вернетесь, доложите дежурному по Военно-революционному комитету... Ну, желаю успеха, красногвардеец!

Сходя по лестнице вниз, Артем развернул полученную записку. В пей на бланке Военно-революционного коми-

тата было написано: «Подателю сего отпустите 500 буханок хлеба, 300 банок мясных консервов, 2 мешка сахара и 2 фунта чаю. В. Ленин». Записка Ленина! Сам Ленин занимается «ультиматумом» телефонисток!.. Артем еще раз медленно перечел записку и со всех ног бросился разыскивать Лапина.

* * *

Поручение Артемом было выполнено в точности и вовремя. Продукты были доставлены на телефонную станцию в тот же день, в полной сохранности. Телефонистки обрадовались ценному подарку Ленина, и некоторые даже благодарили красногвардейцев, которые взяли на себя труд его привезти. Поэтому, узнав от связистов, что «барышни» продолжают капризничать и саботировать работу, Клевцов был пскреинне удивлен. «Чего же им еще надо, чего не хватает?» — задавал он себе недоуменные вопросы и чувствовал, как возникает в нем неприязнь к этим чнстюлям, обманувшим его ожидания...

А через несколько дней ему снова пришлось побывать на станции, по с совсем иным заданнем, чем в первый раз.

Озлобленные победой большевиков, юнкера поднялись на мятеж и захватили городской узел связи, всеми силами стремясь удержать его в своих руках. И теперь в составе сводного красногвардейского отряда Клевцов ехал освобождать телефонную станцию от контрреволюционных мятежников.

Сбив заслоны юнкеров на Морской и Гороховой, красногвардейцы ворвались в ворота станции и устремились к дворовому входу, откуда вела лестница в коммутаторный зал. Юнкера, забаррикадировав вход, оборонялись упорно. Отходя под натиском вооруженных рабочих, они дрались за каждый этаж и лестничный пролет... Многочисленные коридоры и комнаты станции заполнились грохотом выстрелов, криками и стопами дерущихся насмерть людей. Чувствуя, что дело их проиграно, юнкера стали спасаться бегством по крышам соседних домов, срывали с себя погоны и поднимали руки...

Клевцов одним из первых добрался до лестничной площадки третьего этажа, отсюда он побежал в коммутаторный зал.

Вбежав в просторное помещение, красногвардейцы

остановились, немного смущенные необычностью обстановки...

Напротив них, в противоположном конце зала, молчаливо стояла большая пестрая толпа девушек. Это были телефонистки. Недавно еще они сидели перед этими коммутаторами, которые тянутся вдоль всех стен, поднимались и спускались по винтовым лестницам на антресоли, где тоже помещались длинные ряды коммутаторов. А теперь, перепуганные выстрелами и шумом боя, со страхом ожидая встречи с красногвардейцами, они жаллись друг к другу, кутаясь в платки, исподлобья разглядывая победителей. Видя, что их не трогают, женщины, видимо, немного успокоились, осмелели. Послышались возгласы:

— Что вам здесь надо?

— Убирайтесь, хамы!

— Не мешайте работать!

Навстречу понеслись ответные выкрики:

— С юнкерьем снюхались!

— Эх вы, барышни, бесплодные смоковницы!

— Мы вам не дадим саботаж разводить!

— Не будет вам больше «временных». «Ах, Керенский, душка!»

Одна из барышень, стоявшая поодаль, воскликнула:

— Девочки, смотрите, да ведь это тот самый парень, что несколько дней назад нам продукты привез!

В толпе произошло замешательство. Сейчас все взоры были обращены на покрасневшего Клевцова, и девушки даже перестали препираться с красногвардейцами. Телефонистки растерялись. Многие стали торопливо надевать платки, шляпки...

Раздвигая красногвардейцев, вперед вышел небольшого роста человек, одетый по-рабочему. Это был новый комиссар телефонной станции Впшияк, прибывший из Смольного. Он обратился к телефонисткам с короткой речью:

— ...Городская дума плохо с вами обращалась. Вам платили шестьдесят рублей в месяц, и работали вы десять часов в сутки. Отныне все будет по-другому. Станция будет государственной, зарплату вам поднимут немедленно, а рабочий день уменьшат...

Девушки переглядывались, пожимали плечами. Кто-то из них крикнул:

— Не падо нам, не купите!..

Вишняк помолчал.

— Кто хочет работать с нами — добро пожаловать, а те, кто думает продолжать саботаж, пусть уходят. Они пожалеют об этом.

Многие телефонистки, сделав оскорбленные лица, что-то выкрикивая на ходу, бросились к выходу. В зале осталась лишь небольшая группа «барышень». Вишняк обратился к красногвардейцам:

— Кто желает добровольно занять места ушедших саботажниц?

Добровольцев нашлось много. Среди них был и Артем Клевцов.

— Ну, немедленно садитесь по местам! — скомапдовал комиссар. — А вы, девушки, не стесняйтесь, приступайте к обучению. Сегодня станцию пустим на полный ход!

Телефонистки разобрали учеников и начали их инструктировать у коммутаторов. Девушки все были рослые, с длинными, развитыми руками. Артем слышал, что рост и длина рук учитывались при найме «барышень» на работу. Мпловидная девушка с подстриженными волосами, обучавшая Артема, осталась довольна успехами сметливого парня, и скоро он начал работать самостоятельно.

Медленно, но дело пошло. В большие зеркальные окна уже гляделся рассвет, а Артем все продолжал втыкать в гнезда и вытаскивать шнуры с металлическими накопечниками, соединяя абонентов. Он спдел на том коммутаторе, который связывал заводы Выборгской стороны со Смольным. Часто абоненты, звонившие по телефону, обращались к Клевцову со словом «барышня», и красногвардеец педоумевал: почему телефонисток непременно зовут «барышнями»? Он несмело спросил об этом инструктировавшую его телефонистку. Она, нисколько не смутившись, ответила:

— «Барышнями» нас стали звать потому, что городская дума при найме на работу требовала, чтобы мы не выходили замуж, ну, а если кто выходил замуж, то увольняли с работы.

— Понятно.

Артем продолжал свою работу у коммутатора. Иногда, желая проверить псправность линии, Артем включался в сеть и спрашивал, совсем как заправская телефонистка:

— Абонент, хорошо ли слышите?

Во время одной из проверок он узнал хрипловатый, медлительный голос Лапшина. Его учитель говорил с Подвойским; в конце разговора Артем не удержался и крикнул в трубку:

— Дядя Саша, здравствуйте! Это я, Артем.

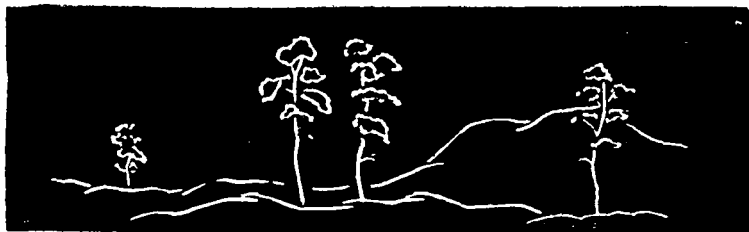
— Откуда ты, черт этакий, свалился? — в голосе слышалось искреннее удивление.

— Мы станцию заняли, и я за телефонистку работаю... Как меня слышите?

— Связь неплохая, даже хорошая... Смотри, не пропадай надолго. Отец о тебе беспокоится.

— Пусть не беспокоится!.. До свидания, дядя Саша!

Артем в волнении передохнул. Никогда он еще не испытывал такого радостного чувства, как сейчас. Вероятно, такое состояние люди переживают только в самые счастливые минуты своей жизни. Казалось, теперь ему все под силу, ничего нет страшного... Вдруг перед глазами все поплыло, все окружающее на мгновение заволочло туманом, — он еле успел на стуле. Сказывались напряженные дни и бессонные ночи...

Ч А С Т Ь III

ШЕФ-ПОВАР

Скоро после организации Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Артема срочно вызвали к секретарю Выборгской районной партийной организации — Жене Егоровой.

— Вот что, Артем, — сказала она, поправляя на голове свою всегдашнюю красную косынку, — слышал, организована Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрой?

Артем утвердительно кивнул.

— Вот и хорошо. Решили мы тебя направить на работу в районную чека. Там уже работает ваш заводской парень — Пудов. Ты его знаешь?

— Знаю.

— А Валю Грачеву знаешь?

— Это ткачиха с «Чешера»?.. Тогда знаю.

— Боевая девушка. Она с отрядом против Корнилова ходила... Пришла на днях ко мне: просится в чека направить, говорит, из пулемета стрелять научилась. Я ее отговариваю, а она — свое, пу я и согласилась...

Артем рассказал секретарю, как они с Пудовым спасали девчат от хулиганов.

— Вот видишь, — обрадовалась Егорова, — она и тогда не растерялась. Говорю, боевая дивчина!

Затем, пристально глядя в лицо Артема, Егорова сказала:

— Значит, этот вопрос решили... А пока вот тебе первое задание. В соседней комнате стоит диван, ложись и поспи. Дни у нас горячие, но надо иногда и отдохнуть. Не сердчай, если скоро разбудим... Понял?

— Понятно, — Артем тяжело вздохнул и улыбнулся. ...На следующий день новорожденный чекист Артем Клевцов встретился со своим начальником.

Стояли жестокие декабрьские морозы, и в просторных комнатах старого барского дома, где помещалась райчека, было холодно, неуютно.

Когда Артем вошел в кабинет, начальник растапливал буржуйку. Бросив быстрый взгляд на вошедшего, он сказал:

— Пришел? Знаю. Садись.

Не отрываясь от дела, продолжал:

— Работа у нас серьезная. Зачем нас сюда партия послала? Чтобы освободить Петроград, всю Россию от всякой нечисти: от заговорщиков, от спекулянтов, от саботажников. Нравится тебе такая работа?

— Нравится.

Начальник, присев на корточки, стал раздувать огонь. Новенькая кожаная фуражка едва держалась на его затылке. Через некоторое время печка загудела.

— Вот и ладно. Значит, получай задание. На Сампсониевском проспекте, в каком доме — уточнишь, живет некто Грушкин. Данные о нем поступили от жильцов: он, говорят, на золото меняет продовольствие. Ты возьми хлопцев и с умом пройдишь по этому типу.

— Ясно.

— Ну, иди... Впнтовку-то оставь, возьми наган.

— Я привык к винтовке.

— Понимаю, но наган лучше. Легче с ним и подвижней будешь. Номни, чекисту в тылу опасность грозит не меньшая, чем красногвардейцу на фронте... Ну, желаю успеха!

На операцию с Клевцовым отправился четверо чекпстов. Не доезжая одной остановки, все вышли из трамвая

и пошли пешком. Артем внимательно осмотрел дом, где жил спекулянт. Оставив одного человека в парадной, он поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. Дверь долго не открывали, но вот послышались шаги и кто-то сердито спросил:

— Кто тут? Кого надо?

— Откройте,— спокойно сказал Артем.— Мы из Чрезвычайной комиссии...

За дверью помедлили.

— Не понимаю, что вам от меня надо? — сказал, открыв наконец дверь, тучный и совершенно лысый человек тем же сердитым голосом. — Ну, чего надо?..

— Мы к вам с обыском, гражданин. — Могу показать мандат... Начинайте, — обратился Артем к товарищам.

Он поставил чекиста у выходных дверей, двое других приступили к обыску. Вскоре один из обыскивавших, коренастый дядька в кепке, внес в комнату, где Артем начал допрашивать хозяина, два больших бидона.

— Что в них? — отрывисто спросил Артем.

— Спиртыга, что же еще, — ответил дядька нарочито равнодушным голосом, словно обнаружение спирта он заранее предвидел.

Через короткое время вошел второй чекист, совсем молодой парень, и шепотом доложил:

— Товарищ Клевцов, в кухне, в ларе, спрятан сахарный песок. На глаз пудов десять. А в прихожей — сундук с рисом. Пудов, наверное, пятнадцать будет...

— Не шепчите! Достаньте мешки, позвоните, чтобы прислал грузовик и людей, — приказал Артем.

— Зачем ходить, у меня есть телефон, — как бы даже с обидой запротестовал хозяин.

Артем продолжал допрос. Он уже успел записать в протокол фамилию жильца — Грушкин, имя и отчество — Епифан Илларионович, год рождения — тысяча восемьсот семьдесят первый...

— Чем занимаетесь? Где работаете? — спросил он у тучного господина.

— Сейчас нигде не работаю, ну, а ранее, ранее... — Грушкин порозовел, то ли от гордости, то ли от смущения, — ранее служил-с шеф-поваром у его высочества великого князя Николая Николаевича.

— Это у кого же — у родственника царя? — спросил удивленно Артем.

— Да, у дяди в бозе почившего государя-императора. «Ого! — подумал Клевцов. — Вот какая рыба попалась нам в сети...»

Снова вошел коренастый дядька и с тем же парочпто равнодушным видом, что и раньше, положил на стол сверток. Артем развернул. Перед ним засверкало золото — кольца, цепочки, браслеты.

— Целое богатство!.. — Он повернулся к чекисту: — Ты знаешь, с кем мы имеем честь разговаривать? С поваром царского дяди!

Чекист мрачно взглянул на высокопоставленного повара. Он поднял с пола и молча положил на стол второй сверток — значительно больше первого.

— Погляди, какие я у этого повара специи пашел. Здесь целый набор револьверов: наганы, браунинги. Там ящик патронов остался. — Тут дядька не выдержал снокойного тона и дал выход накопившейся злости. Вбросая свпрепые взгляды на Грушкина, он крикнул в лицо ему: — Контра!..

— Так-так, господин шеф-повар! — нахмурился Артем. — А я думал, вы только в супах разбираетесь. Откуда же у вас все эти игрушки?

— Не мои это, не мои... — запинаясь, заговорил Грушкин и, повернувшись к икопе, стал истово креститься.

— Ладно, потом помолитесь, — резко сказал Клевцов. — Вы арестованы... Собирайтесь.

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ ОТРЯД

Председателю райчека понравился скромный, мало-разговорчивый, но горячий в деле рабочий парень. Он стал доверять ему и более сложные поручения, и Артем совсем было освоился в новой среде, когда его неожиданно вызвал начальник в свой кабинет по особо важному делу.

— Ты, говорят, жил в Вологде, — сказал он Клевцову. — Верно? Ну, значит, тебе сам бог велел ехать туда.

Начальник объяснил, что по указанию председателя губчека Урицкого в Вологду в помощь местным властям направляется отряд красногвардейцев и чекистов. На севере страны складывается тревожная обстановка. Эсеры и меньшевики ведут подрывную работу протпв советской

власти в Ярославле и Ярославской губернии, граничащей с Вологодской. В Вологду, без уведомления об этом Советского правительства, переехали иностранные посольства, поддерживающие контрреволюцию...

Слова начальника не только встревожили, но и удивили Артема. То, что он услышал о Вологде, никак не вязалось с его воспоминаниями об этом тихом, богомольном городке. Он не мог представить себе, как по грязным лужам разбитых вологодских мостовых, мимо низких домиков и покосившихся заборов едут роскошные машины иностранных послов... Но чего только сейчас не бывает! Времена пошли другие, особые... Что же удивительного в том, что буржуи, и свои и чужие, бегут из Питера, забираются в глушь, чтобы вернее нанести удар революции! И если ему предлагают ехать туда, где зреет опасность, он не может отказаться.

Спустя несколько дней Артем узнал, что старшим по эшелону назначен Вася Пудов. В составе отряда ехала группа балтийских матросов, и среди них Иван Постоико. Валя Грачева уговорила начальника отпустить ее с отрядом: нужны же были красногвардейцам и санитарки!

* * *

В день отправки отряда Василий Пиколаевич провожал сына на вокзал.

Когда Артем сообщил о предстоящем отъезде отцу, тот, против ожидания, не удивился и не встревожился. Оказалось, что он хорошо обо всем осведомлен. Выслушав Артема, он сказал спокойно:

— Вот и хорошо, что тебя отправляют в Вологду. Может, и удастся свидеться. Меня посылают в Архангельск, а оттуда до Вологды прямая дорога... Там, на севере, похоже, наши бывшие союзники что-то затевают.

На вокзальной платформе было шумно, слышались слова команды, незлобная ругань, смех. Откуда-то доносились всхлипы гармошки. Всюду сновали красногвардейцы. Повсюду — гимнастерки и пиджаки, кепки и засаленные рабочие картузы, черные матросские бушлаты, картинно перепоясанные пулеметными лентами.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что на платформе царил полнейший беспорядок. На самом деле чья-то твердая рука направляла действия людей.

То и дело слышались команды:

— От каждой теплушки двух бойцов за продовольствием!

— Старшим дать сведения о готовности!

Какая-то тетка, вернее всего мешочница, вынырнувшая из толпы, попыталась забраться со своими узлами в вагон. Но ее заметили и не пустили.

Под смех окружающих мешочница отругивалась.

— Эй, посторонись, тетка, язык отдавим!

Дюжие парни прокатили мимо железную бочку. Бочку поставили «на попа» здесь же, на платформе, и получилось нечто вроде трибуны. Вокруг стали собираться отъезжающие. В эти горячие, грозные дни митниговали по любому поводу. Люди так привыкли к этому, что казалось, если не будет митинга, то и дело не сдвинется с места.

Речь оратора была простой. Слушали его внимательно. Он говорил о том, что год этот, первый год советской власти, — трудный. Но во что бы то ни стало надо выстоять. Идет великая борьба за справедливость! Людей, не желающих понять нашу правду и поднимающих руку на молодую власть рабочих и крестьян, надо «вырвать с корнем, как сорную траву».

Не успел оратор закончить речь, как по перрону разнеслись слова команды:

— По вагонам!

Артем кипулся к отцу. Они крепко обнялись.

— Ну иди, — Клевцов толкнул сына в плечо. — Смотри, не подкачай там, в Вологде. Может быть, мне удастся приехать к тебе из Архангельска. Прощай!..

Артем побежал к вагону.

Свистнул паровоз, лязгнули буфера. Состав рывком тронулся с места. И сразу же в вагонах запели:

Смело мы в бой пойдем
За власть родную,
И, как одни, прольем
Кровь молодую...

Все учащался стук колес, а песня шприлась:

...Смело мы в бой пойдем...

Скоро в теплушках запылали буржуйки. Сизый дым стлался по крышам, сползал вниз. Двери вагонов были

раскрыты настежь — в вагонах душно, угарно, пахнет карболкой.

Когда город остался далеко позади, поезд замедлил ход, пополз как черепаха.

Первая ночь была холодная и светлая.

По обе стороны полотна стоял густой хвойный лес, в канавах стремительно, с шумом бежала весенняя вода, захватывая по пути все, что ей под силу. Не доезжая до Тихвина, эшелон остановился. Машинист стал подавать тревожные гудки. Это означало: «Воды нет».

Паровоз окружили бойцы, многие ругали машиниста. Тот только смущенно разводил руками.

— Спокойно! — крикнул Пудов. — Без паники. Вода будет. — Он махнул рукой в сторону леса: педалеко от опушки виднелось круглое небольшое озеро.

Бойцы кинулись за ведрами, встали в цепь, вернее в две цепи: по одной к озеру шли пустые ведра, по другой — наполненные водой. Дело шло споро, с шутками, прибаутками, люди как будто даже обрадовались разминке. Прошло немного времени, и повеселевший машинист дал свисток, состав поехал.

* * *

...Монотонно стучат колеса на стыках. Возле дежурного на высоком полеяе горит оплывший огарок свечи. Искорки бегают по бокам раскаленной печки, словно светлячки.

Артем сидит на ящике с книгой в руках, но ему приходится часто отвлекаться от чтения.

Слышно бормотание спящих. Иногда раздается хриплый спросонья, недовольный голос:

— Дежурный, открой! Задохнуться можно!

И Артем открывает дверь... Она поддается с трудом. Холодный сырой воздух быстро занолняет теплушку. Артем еле различает медленно проплывающие мимо поля, редкие голые деревья. Но лежащие на нижних нарах начинают роптать, и снова приходится задвигать дверь.

Медленно текут ночные часы... Артем думает о том, что его ожидает впереди. В воображении встает знакомая Вологда с ее деревянными домишками, немощеными грязными улочками, множеством церквей. Неужели там ни-

чего не изменилось и по-прежнему Багров торгует в своей лавке гробами? Не может этого быть, хотя сейчас покойников стало больше, чем раньше: голод косит людей... Что случилось с Мелитиной, Ферапонтом, Тихоном?.. Разметало их, верпо, в разные стороны, а может, и умерли...

— Эй, Артем, который час?

Спрашивает Вася Пудов. Голова его со светлым чубом свесилась с пар, глаза щурится на свечку.

— Да сии ты, беспокойная душа! Когда падо будет — разбужу, — сердито отвечает Артем.

— Уже светает... Смотри пе проспн подъем.

Утро выдалось по-постоящему веселее — солнечное, теплое. Дежурный настезь открыл дверь. Запахло смолой, дымком от паровоза.

— Подъем!

Первым поднялся с пар матрос Постойко, поправляя на груди пулеметные ленты. Неужто он так и спал в них или уже успел натянуть на себя? Постойко подошел к печке, открыл крышку большого законченного чайника и крикнул во весь голос:

— Вставай, парод, чаек готов — жарепый кипяток с дымом!

После того памятного дня, когда Артем и Постойко встретились во дворе Смольного, моряк павестил своего нового дружка (или «корешка», как он говорил) па заводе; он передал ему «пламенный революционный привет» от всей балтийской «братвы» и поинтересовался делами питерского пролетариата.

Встретившись на перроне перед отходом эшелона, Артем и Ивап решили ехать вместе, в одной теплушке.

Постойко заглянул в пустое ведро.

— Эй, Артем! — закричал он. — Дуй сразу за водой, и чтоб как из пушки.

— Есть, товарищ военмор особого ранга!

Когда поезд замедлил ход, Артем, гроыхая ведром и не дожидаясь, пока эшелон остановится, выпрыгнул из вагона.

Это оказался небольшой разъезд. Дежурный все же успел набрать воду и догнал свою теплушку. Товарищи протянули ему руки, подхватили ведро.

Постойко был доволен расторопностью Артема:

— Вот это дело! Это по-нашему! И умыться можно, и щей сварить!

Пока люди умывались, закипел большой полуведерный чайник. Бойцы полезли на нары за вещевыми мешками. Загремели жестяные кружки. Артем, налив в кружку кипятку, озабоченно посмотрел на нее.

— Нет ли у кого сахаринцу?

Никто не откликнулся. Все молча, сосредоточенно тянули из кружек пахнувший дымом киняток.

— Хороша заварка, — сказал Постойко, — с такой заваркой и без сахарину можно. Не господа!..

— Без так без... — согласился Артем и отхлебнул из кружки.

Дежурство его кончилось. Он еще подмел вагон, теперь можно было взяться и за чтение. А может, поспать? Но спать почему-то не хотелось.

— Ты чем увлекаешься? — спросил Пудов, увидев в руках Артема книгу.

— «Мартин Иден» Джека Лондона.

— Постой, постой, — перебил его морик, — ты что; книгочей, в студенты метишь, а потом и в господа?..

— Эх, голова, — сказал Артем, — ты думаешь, только господа должны быть образованными?

Он хотел что-то еще сказать, но только вздохнул и махнул рукой.

— Обязательно будем учиться, — поддержал его Пудов. — Я тоже читать люблю, но времени мало. Эх ты, темнота!.. А еще моряк!

— Что ж, можно и поучиться, — смущенно согласился Иван. — Вас двое — я один. Я не против.

— Вот я думаю... — Пудов не успел досказать, что же он думает: вагон резко дернуло, заскрежетали колеса, эшелон сбавил скорость.

Клевцов выглянул из вагона. Впереди был виден перелесок. За ним, на холме, чернели крыши небольшой деревушки. До перелеска лежало вспаханное поле, усеянное серыми валунами. Это были уже знакомые ему места. Вон вдали видны золоченые маковки монастыря. А там, версты через три, — село Широково.

Где-то хлопнул винтовочный выстрел, потом — еще. Обстреливали поезд.

— Полундра! — Постойко бросился к двери, собравшись выскочить из вагона.

— Без паники, ребята, — отчеканил спокойный голос Пудова. — Не выходить из вагонов. Действовать только

по комаяде. В этих краях, мне говорили, кулацкие банды действуют. Они в сговоре с офицером.

Пудов высунулся из дверей и передал по цепочке дежурных команду на паровоз — не останавливаться, ехать дальше тем же ходом.

Вандиты, выполняя приказ своих хозяев, устроили засаду, но замысел их был сорван — им не удалось задержать отряд.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Поезд замедлил ход и остановился.

Платформа быстро заполнилась красногвардейцами. Пудов взобрался на подставленный кем-то ящик и поднял руку. Около него сгрудились бойцы, они ждали неизбежного митинга.

Пудов внимательно оглядел толпу и крикнул:

— Митинга, товарищи, не будет! Мы приехали сюда дело делать, контриков бить, а не митинговать. Сейчас я отправлюсь в город. До моего прихода никому не отлучаться.

Вернулся Пудов, когда в эшелоне, кроме дежурных, все спали. В теплушке он выпил на скорую руку кружку кипятку, съел кусок хлеба: видно, изрядно устал и проголодался. Поев, разбудил Артема и Постойко:

— Хватит спать. Вставайте. Дело есть.

— Ага. Пришел, — обрадовался Пудову матрос и соскочил с нар. — Артемка, аврал! Начальство зовет...

Грея руки у печки, Василий рассказал о том, что узнал в чека.

— Ну, вот что... Приехали мы как раз вовремя. Здесь такое заваривается!.. В городе создан чрезвычайный революционный штаб, введено военное положение. Ходит много разных слухов, ожидают, что вот-вот должно начаться восстание. Стало известно, что эсеры установили контакт с генералами и иностранными послами. Они подняли в Ярославле мятеж. Заворачивает всем эсер Савиных, оголтелый враг советской власти. В Вологде много контрреволюционного офицерства, польских легионеров, сербских солдат... В руки штаба попали сведения, что сюда хотят перебросить еще два полка солдат, сагитированных контрреволюционерами.

— Братцы, что же мы время тратим на разговор?! —

крикнул, не сдержавшись, матрос. — Крушить надо офицеры!

— Не шуми, Иван, — строго сказал Пудов. — О серьезных вещах говорим, а ты фейерверки пускаешь... И знаете, ребята, как ни странно, в городе продолжает выходить эсеровская газета! Обливает грязью советскую власть, сеет папку. Даже сообщила о том, что в Архангельске высадился англо-американский десант! Вумага все терпит, а вот как терпят местные руководители?..

Пудов вынул из кармана жестяную банку с махоркой, свернул цигарку.

— Курите, ребята... Американский посол Фрэнсис, — продолжал он, — открыто выступает в поддержку белогвардейцев и даже пишет статьи для этой эсеровской газеты. Сам ли пишет, за него ли пишут, но статейки за его подписью появляются.

У печурки собрался уже кроме Артема и Пстойко и другие бойцы, разбуженные разговором.

— А теперь главное... Сегодня губком решил послать в уезды наших бойцов. Некоторые будут зачислены в отряд при губчека. Полсотни наших бойцов утром волеются в особый отряд Вологодского советского полка и отправятся на подавление мятежа в Ярославль. Старшим этой группы назначен я. Видите, всем нашлась работа...

— А мы куда же? — в один голос спросили Артем и Пстойко.

Пудов повертел в руках самокрутку.

— В губкоме просили меня порекомендовать парня в заместители начальника отряда вэчека. Нужен человек, знающий военное дело. Ты, Пстойко, подошел бы, но надо еще чтобы тот человек хорошо знал Вологду... Решили назначить на эту должность Клевцова.

Артем вспыхнул, обрадованный неожиданным назначением.

Пудов заметил его смущение, улыбнулся:

— Ишь ты, красная девица... Ничего, справшись, придется и боевую и следственную работу вести... Ну, а ты, Иван, — обратился Пудов к Пстойко, — будешь адъютантом отряда. Дело тоже важное.

Пстойко как-то неопределенно гмыкнул, потом сказал:

— Все будет в порядке, Василий Родионович. Балтийские моряки еще не подводили... — Иван запнулся,

словно искал нужное слово. — А куда вы Валю определили? — В голосе матроса явно прозвучало беспокойство.

Окружающие заулыбались. Постойко ухаживал за Вале́й, что не ускользнуло от внимания товарищей. Сейчас девушка сидела на нарах недалеко от печки и, услышав вопрос матроса, с нетерпеливым ожиданием смотрела на старшего.

— А ты кем хотела бы воевать? — спросил Пудов Валю.

— Я научилась на пулемета стрелять, — подумав, ответила Валя. — Назначьте в пулеметный расчет.

— А в губкоме сказали: будешь в отряде губчека саптаркой, — отрезал Пудов.

— Вот это хорошо! — не скрывая своей радости, воскликнул Иван. — И не возражай, Валюша! Дисциплина!

Валя молчала, только укоризненно посмотрела на моряка...

Той же ночью красногвардейский отряд выстроился на перроне. Старший эшелона перед строем объяснил обстановку в Вологде и в Ярославле. Пятьдесят бойцов, выделенных для отправки в Ярославль, отделились. Скоро должны были иодать новый состав, и им предстояло грузиться в другие теплушки. Остальные красногвардейцы построились в колонну и пошли в приготовленные для них казармы.

* * *

На следующий день Клевцов и Постойко отправились к председателю губчека — познакомиться и получить необходимые указания. Их сразу пригласили в кабинет. Когда они вошли, сидевший за столом человек поднялся и, слегка прихрамывая на левую ногу, пошел им навстречу.

— Садитесь, садитесь, товарищи, — сказал председатель, вглядываясь в прибывших и придвигая стулья. — Вовремя приехали. У нас тут такая каша заварилась — не приведи господи... До зарезу люди пужны.

Лицо председателя сразу показалось Артему знакомым. Где он видел эти резко выступающие скулы, маленькие, острые глаза, над которыми нависали густые светлые брови?.. Да это же... унтер-офицер Дубец, его «дядька» из запасного полка, отправивший его в Питер! Но Дубец вроде не прихрамывал и не было у него на

щеке красного с рубцами шрама... Начальник стал спрашивать о положении в Питере, о том, как доехал эшелон, потом, вдруг прерывая себя, обратился к Артему:

— А ты меня не узнал?

— Узнал я вас, Иван Терентьевич. Только...

— Только Федот да не тот? Так ведь я слова на фронте был, время-то какое...

Дубец обнял Артема, похлопал по спине.

— И вымахал ты, парень, выше меня стал. Не пропал, значит. Потянуло кулика на родное болото.

— Куда же нам деваться?

Дубец уселся за стол. Прищулив глаз, посмотрел на Артема:

— Помнишь капельмейстера?

— Помню.

Дубец рассмеялся.

— А как фельдфебелю сапоги чистил?

— И это помню. Было такое дело, — смутился Артем.

— То-то. Не забывай.

Иван Терентьевич посерьезнел:

— А как же с отцом? Нашел ты его?

— Нашел, в Питере встретились. Прожили вместе недолго — отца в Архангельск направили, меня — сюда.

— Я так и думал, что найдешь... Ну, а теперь давайте о делах, для воспоминаний времени мало. Тревожно у нас.

Дубец стал говорить о напряженном положении, сложившемся в Вологде.

Дверь в кабинет открыли не постучавшись, и вошел пожилой человек, одетый в полувоенную форму. Начальник представил его — член коллегии губчека.

Человек подошел к столу и положил перед председателем бумажку.

— Вот, почитай допесение, только что получили, — сказал он глуховатым голосом. — Едет...

Дубец прочитал донесение, густые брови его сошлись на переносице.

— Ну, что ж, врасплох нас не застанет... Вот вам, питерцы, и подвалила сразу работа. Едет к нам Горчаков с эшелонном демобилизованных с фронта солдат. Едет, чтобы поднять в городе восстание. Захватить с помощью анархистов власть. Есть сведения, что по дороге сбывая

с толку солдатня грабит население... Наша задача — арестовать Горчакова. Разоружить эшелон.

Дубец помолчал.

— Вот что, Артем, — начальник нахмурил брови. — Подготовишь сейчас отряд, а ночью вместе с Постойко встанешь на дежурство. Как только получите сигнал, сообщите мне. Операцией буду руководить сам.

Он обратился к члену коллегии:

— Давай подумаем, как лучше встретить «высокого гостя».

* * *

Получив ночью сообщение о приближении эшелона Горчакова, Артем послал нарочных на квартиры к предгубчека и другим членам коллегии. Потом подошел к спавшему в дежурной комнате Постойко:

— Ваня, вставай!

— А что? — откликнулся Иван.

— Надо эшелон встретить.

— Прекрасно! — Матрос вскочил с дивана. — Нужна музыка?

— Сыграть встречный марш, пожалуй, придется на пулеметах.

— Серьезно?

— Серьезнее быть не может.

Постойко быстро сбросил бушлат, пристегнул к поясу свой неизменный кольт.

— Куда заторопился? Горчаков будет здесь часа через три, не раньше.

Иван сладко потянулся:

— Сколько их там в эшелоне?

— Около пятисот обстрелянных солдат.

— Что ж, надо будет захватить с собой десяток бойцов. Больше не понадобится.

— А их пятьсот!

— Обманутых офицерами. Не то качество!..

Дубец пришел усталый, невыспавшийся и хмуро спросил:

— Бойцы прибыли?

Дежурный ответил:

— Как вы приказали.

Дубец увидел во дворе две шеренги бойцов и повеселел.

— Ишь армия какая!

Операцию решено было начать на разъезде Молочное. Дубец взял с собой двадцать чекнистов, с ними поехал и Постойко. Клевцов с тридцатью бойцами и пятью пулеметами должен был встретить эшелон на воинской платформе в Вологде. Часть отряда осталась в резерве у вагонного депо.

Было еще темно, когда дрезины прибыли на разъезд. Чекисты собрались у стрелки. Дубец приказал проверить оружие.

— Поезд останавливать не будем, он еле тащится, должно быть топливо на исходе. Один кто-нибудь, пу, вот ты, Иван, — обратился он к матросу, лихо сдвинувшему набок бескозырку, — возьмишь на себя паровоз. Машинист вряд ли будет артачиться. В Вологде пусть паровоз сразу отцепят и угонят подальше. Ясно? А мы обезоружим офицеров.

— Вагон-то штабной известен? — спросил кто-то из чекнистов.

— Есть в эшелоне классный вагон. Солдаты едут, конечно, в теплушках, а господа офицеры комфорт любят.

Вдали послышался гудок. Нотом из тьмы проклюнулся желтый огонь. Он мерцал, пропадал, вспыхивал вновь, медленно приближаясь. И вот, шипя и пытая, сбавляя ход, надвинулся, обдавая паром, паровоз. Постойко, схватившись за поручни, птицей взлетел на лестничную ступеньку, ворвался в паровозную будку.

Чекисты искали глазами штабной вагон. Теплушка, еще одна... Вот он!

Быстро обезоружив в тамбуре растерявшегося часового, чекисты ворвались в вагон с двух сторон. У каждого в руке по гранате.

— Встать!

Офицеры — их было пятеро — играли в карты, сидя возле керосиновой лампы. Они разом поднялись, инстинктивно хватаясь за пистолеты. Но сопротивляться было уже поздно.

Один из офицеров, вздрагивающей рукой падевая на нос пенсне, повторял:

— Товарищи! Товарищи! Кто вы такие?..

Дубец резко оборвал его:

— Сдать оружие! Нам не о чем с вами разговаривать!.. Пока, во всяком случае.

Скоро офицеры, обезоруженные, связанные, сидели рядышком в одном купе вагона.

Через полчаса эшелон подошел к вокзалу. С перрона на него нацелились поднятые рыльца пулеметов. Машинист с помощью Пстойко сразу же отцепил паровоз и погнал его к водокачке.

Арестованных офицеров вывели на вокзал и заперли в одном из подвалов станционного здания.

В теплушках стояла тишина. Артем плечом отодвинул дверь в одну из теплушек и вошел в вагон, набитый до отказа. Здесь все спали. Он поискал пирамиду с винтовкамн, но ничего не нашел. Наверное, солдаты держали оружие подле себя.

Артем шагнул к нарам и дернул ближайшего солдата за ногу.

— Эй, браток, вставай!

Человек сел, позевывая и потягиваясь. Он долго, ничего не понимая, смотрел на незнакомца, затем спросил:

— А ты кто?

— Да здешний я, вологодский. На митинг вас просим.

— На митинг? Это можно...

Солдат, не слезая с нар, стал будить соседей:

— Вставай, робя, на митинг просют. После доспим...

Люди в вагоне просыпались, кряхтели, но не очень ругались. Видимо, им еще не надоело митниговать, — шли охотно. Но когда высыпали на перрон и увидели вооруженных людей, пулеметы — сразу заволновались. Многие кинулись назад, к теплушкам.

И тут произошло такое, чего Дубец и его люди совсем не ожидали. Внезапно дверь первой от паровоза теплушки тяжело открылась, на чекистов уставились винтовки и черное дуло трехдюймовой пушки, около которой стоял полный пожилой офицер в очках.

— Предупреждаю! — визгливо закричал офицер. — Начну обстрел вокзала. Приказываю всем убратсья с перрона.

Сразу вслед за этим гулко ударила пушка. Снаряд разорвался где-то за зданием вокзала.

По вагону с пушкой хлестнули пулеметные очереди, и дверь мпгом закрылась.

Теперь на перроне было пустынно; только кое-где открывались и снова задвигались двери теплушек. Солдаты,

боясь пулеметного огня, выжидая, не рисковали выходить на платформу.

Прячась за фонарным столбом, стоявшим недалеко от вокзального входа, Дубец крикнул во всю силу голоса:

— Солдаты! Закройте двери вагонов! Не выходить из теплушек! Кто выйдет, будет уложен на месте!

Пулеметы дали короткие очереди поверх вагонов.

Предгубчека подозвал к себе Клевцова, выглядывавшего из тамбура вокзальных дверей.

— Артем, мигом беги к паровозу! Надо отцепить первый вагон и загнать его в депо... Может, выйдет... Живо!

Артем бросился выполнять приказание.

Паровоз стоял еще под заправкой. Увидев бегущего Артема, Ностойко вылез из будки.

— Что там у вас стряслось? — спросил он тревожно. — Что за выстрелы?

Клевцов с трудом перевел дыхание.

— Ваня! Надо отцепить первый вагон. Там у них пушка.

— Ого!.. Эй, машинист! — крикнул матрос человеку в форме, стоявшему с масленкой в руке возле паровоза. — Давай назад! Ты в сцепке разбираешься?

Машинист молча кивнул головой и полез в машину. Скоро паровоз двинулся к вагонам...

На перроне по-прежнему было пустынно. Лишенные руководства солдаты, видимо, растерялись и не проявляли активности. Время от времени пулеметы стреляли поверх вагонов короткими очередями. Расчет предгубчека был верен: распропагандированные офицерами фронтовики не проявили стойкости, не пожелали рисковать жизнью ради интересов их временного главаря.

Шли минуты, и паровоз с незаметно отцепленным вагоном отъехал от эшелона. Снова по перрону разнесся густой бас предгубчека:

— Солдаты! Выходи на митинг! Без оружия!

Призыв начальника повторили чекисты в разных концах платформы.

Кое-где приоткрылись двери теплушек. Сначала в одиночку, потом смелее, группами, стали выходить люди из вагонов, направляясь в сторону вокзала.

Окруженный чекистами, Дубец поднялся на притащенный кем-то ящик и спял кожаную фуражку. Коре-

настый и слегка сутулый, в потертой куртке, он пристально разглядывал густевшую вокруг него толпу.

— Солдаты! Фронтовики! — крикнул он, взмахнув рукой. — Горчаков и его холуй-золотопогонщики арестованы. Они больше не командуют вами. Вы хотели мирно разъехаться по домам, а они сделали из вас предателей революции. Не бойтесь, мстить вам за это не будем. Советская власть отдала крестьянам землю, а офицеры хотели использовать вас, чтобы свергнуть эту народную власть. Обманули вас! Но не вышло: поезжайте домой к своим семьям...

Толпа одобрительно загудела. Кто-то крикнул:

— Верните нам оружие!

Его перебили голоса:

— На кой оно нам черт нужно!

— Хватит! Повоевали!

— Землю давайте, а не оружие!

— А вы не обманываете?..

Дубец помахал над головой фуражкой, призывая к тишине. Когда люди немного утихли, он продолжал:

— Оружие вам придется сдать! Вы же не бандиты, а фронтовики и едете домой. Кто говорит, что мы вас обманываем? Врет он! Вольшевики народ не обманывают... Я такой же фронтовик, как и вы, тоже вшей в окопах кормил, кровь проливал за царя-батюшку... Так вот, поезжайте дальше, мы вас держать не будем. Выберите себе начальника эшелона, мы ему путевку дадим...

Пока шел митинг, отряд чекистов во главе с Клевцовым обходил теплушки, собирая оставленное здесь оружие и разоружая одиночек, пытавшихся оказать сопротивление.

Через некоторое время дежурный по вокзалу, получив распоряжение дать сигнал отправления, ударил в колокол, и солдаты понемногу стали расходиться по своим теплушкам.

Вагон с пушкой простоял в запертом с двух сторон депо несколько часов. Пушка больше не стреляла: то ли снаряды вышли, то ли мятежники решили, что сопротивление бессмысленно. Ноняв, что дело проиграно, они заявили о своей сдаче, а офицер — штабс-капитан Горчаков, сын крупного помещика, — застрелился. Он не смог примириться со своим поражением.

Контрреволюционеры все больше и больше нагнали, находя поддержку в иностранных посольствах, получая оттуда деньги, оружие, инструкции.

После провала авантюры Горчакова, эсеры и анархисты не оставили своих планов захвата власти в городе. Они попытались толкнуть на мятеж некоторые неустойчивые части местного гарнизона, но эти действия не имели успеха. Уйдя в глубокое подполье, контрреволюционеры перешли к террору — нападали на советских руководителей, убивали чекистов...

Во время одного из совещаний у председателя губчека вдруг раздался телефонный звонок.

Дубец снял трубку и сказал: «Слушаю». По тому, как изменилось его лицо, Артем понял: что-то случилось.

— Клевцов, — как можно спокойнее сказал Дубец, — немедленно скажи на Московскую. Стреляли в Грачеву...

Артем стремглав слетел по лестнице. Вскочив на коня, помчался на Московскую. Еще издали он увидел толпу. Резко осадив лошадь, спрыгнул на мостовую. Толпа рассыпалась, остались одиночки. На тротуаре, широко раскинув руки, лежала Валя. Мертва? Нет, залитая кровью грудь еле заметно поднималась.

Возле Вали хлопотал Постойко. Он подкладывал под голову раненой свернутый бушлат. Движения его были пеловки, вид — растерянный.

— Вот что сделали, гады... — проговорил матрос, не глядя на Артема. — Шли мы — и вдруг выстрел. Вон отсюда, — он показал куда-то в сторону, на забор.

— Надо сейчас же сообщить в больницу!

— Я послал за пролеткой. Вот она едет...

Когда подъехал извозчик, Постойко и Артем осторожно подняли Валу и понесли.

В больнице девушку сразу отправили в операционную. Пока шла операция, чекисты ждали в коридоре. Но вот вышел к ним врач и сказал:

— Надо надеяться, выживет. Вот...

Врач подбросил на ладони сплюсненную пулю.

По дороге в чека матрос рассказал Артему, что произошло. Как обычно, Иван зашел сегодня к Вале, чтобы в свободное от дежурства время погулять по городу.

И вот, когда они проходили по Московской, раздался сзади выстрел, и Валя упала.

— Это они в меня стреляли, Артем... Да, да... Меня эта сволочь хорошо знает, глаза им памозолпл. А попали в Валью, которая шла рядом... Э-эх! — Иван тряхнул кулаком, сказал куда-то в пространство сквозь сжатые зубы: — Ну, погоди же! Я вам покажу!

Вечером матрос, никому ничего не сказав и никого не предупредив, переоделся в гражданскую одежду и пошел на Московскую улицу. Медленно прогуливаясь по тротуару, он, как будто невзначай, остановился у калитки вблизи того места, где была ранена Валя. Забор здесь был из тонких и редких реек. Кусты, росшие вдоль него, достигали человеческого роста, в них удобно было прятаться и просматривать улицу. «Отсюда, верно, и стреляли», — подумал Иван. Он решил осмотреть стоявший в глубине сада дом. На всякий случай, сняв пистолет с предохранителя, он позвонил. Дверь дома открыл старичок в очках, стриженный бобриком.

— Войдите, пожалуйста, прошу, — сказал он вежливо, будто только того и хотел, чтобы незнакомец пришел к нему в гости.

В прихожей было темно, пахло нафталином. Постойко не стал задерживаться и сразу же прошел в комнату. Здесь стояла мягкая мебель в белых чехлах, висели картины в тяжелых золоченых рамах. На одной из стен разместились в ряд три портрета: какой-то старушки, строгой и скучной, седого генерала и молодого человека в форме прапорщика. «Вот куда меня запесло...»

— Если не ошибаюсь, — сказал Постойко, обращаясь к хозяину дома, — генерал...

Он ждал, что хозяин назовет себя. Но тот безразлично посмотрел на него и ответил со смешком:

— Бывший! Некогда был им, а сейчас отставлен и занимаюсь садоводством. И еще раскладываю пасьянсы. Молодой человек знает, что такое пасьянс? На старости лет единственное развлечение. Однако с чем пожаловал, за каким делом?

Иван, не отвечая, открыл дверь в следующую комнату. Пусто. Ни одного человека.

— Значит, никого?

— Как так никого? — кокетливо поднял брови бывший генерал. — А я?

Постойко спросил:

— Никого у вас не было сегодня?

— Никого, молодой человек. Только что это — допрос? На каком основании, позвольте спросить?

Ностойко был почти уверен, что старик имеет какое-то отношение к ранению Вали. «Ну что ж, надо его взять с собой, в чека его допросят люди более умелые».

— Придется вам пройти со мной, — сказал он. — Недалеко. Для выяснения некоторых обстоятельств.

— Вот вы, значит, кто, — сказал генерал. — Вот с кем имею честь. Хорошо, хорошо, пройду с вами. Только разрешите одеться, пальтецо у меня па кухне, изволите ли видеть. На кухне-с. Разрешите же пройти одеться?

— Прошу, — сказал Ивац, пропуская генерала вперед...

И вдруг чья-то сильная рука сдавила ему горло, в рот забили пронафталиненную тряпку. Руки завернули назад и оплели веревкой, на голову накинули мешок, да так быстро и ловко, что он не успел даже крикнуть, даже пошевелиться. «Глупо попался», — мелькнула мысль. Он рванулся, но его прижали еще крепче.

— Тоже мне специалист, — вымолвил кто-то рядом с презрением. И от этого презрительного «специалист» Ивану стало еще горше. Как попался, как нелепо попался! И никто, главное, не знает, куда он пошел!

— Куда его? — спросил кто-то тихо.

— Да чего таиться-то, господи, — ответил другой голос. — Он уж, считайте, безвредный.

— Безвредный, — передразнил насмешливый и в то же время властный голос. — Считайте, квартиру провалили.

— Так ведь...

— Прекратить разговоры! Отвести в сарай. А с квартирой всё — была квартира и нет! Уведите! Потом с ним поговорим!

Чекиста втолкнули в сарай, сняли с головы мешок.

Когда глаза Постойко привыкли к темноте, он осмотрелся. Это был дровяной сарай, одну стенку которого занимала высокая поленица дров. Неподалеку стояли козлы. Как мешала тряпка во рту!.. Чем бы ее вытащить? Это нужно сделать прежде всего... В ножке козел он увидел гвоздь. Перекаtywаясь со спины на живот, он подобрался к козлам. Оказалось не так-то просто добраться ртом до гвоздя и вытащить тряпку. Несколько попыток

ни к чему не привели. Но вот еще одна — и тряпка повисла на гвозде. Можно вздохнуть. Можно говорить. Как противно во рту отдает нафталином, как хочется пить!

Что же делать дальше? Как выбраться из этого курятника, куда его так позорно засадили? Рывок, еще рывок... Но напрасны были его усилия разорвать или ослабить веревки на руках и ногах. Его стало мучить раскаяние... Попался, Пван! Так тебе, дураку, и надо. Понадеялся на себя — и вот... Перехитрили тебя, обошли... Он вытянулся на земле. Кругом была ночь, тишина.

И вспомнились ему прошедшие годы... Отец, работавший с утра до вечера, никак не мог выбиться из пужды. Едва маленькому Ване исполнилось шесть лет, как его определили в подпаски к кулаку. Юу, а потом учение... Всего два года он ходил в церковноприходскую школу. Отец сказал тогда: «Учиться хватит» — и отдал его в ученье к сельскому кузнецу. В кузнице десятилетний Ваня качал тяжелые меха, раздувая горно, время от времени вставал за молотобойца, хотя с трудом поднимал кувалду. Юность прошла нескладно, незаметно. Гулянки?.. Нет, не пришлось ему ходить на гулянки. В холщовых домотканых штанах и рубахе какая уж гулянка!.. Удивительная вещь — память. Она, как зарубки на деревьях в тайге, показывает жизненную тропу, которую человек прошел. Итак, одна зарубка — детство и юность. Но вот и вторая зарубка. Иван Постоико служит на царском флоте...

Вначале он попал на миноносец, куда его определили трюмным матросом. Ох, и тяжелая была эта служба! Горевать он уже начал по поводу своей пезадачливой доли, но вот тут-то к нему подкатился «братишка». «Пу что, браток, тяжело? — посочувствовал он и сам ответил за него: — И знаю, что тяжело, шпангоут им в печень. А ты за нас держись. Веселая компания нас здесь подобралась. Веселая и денежная. Алеша, ша, молчи... могила... — приложил палец к губам матрос. — Потом узнаешь... А сейчас иди и просп у боцмана увольнительную. Давать не будет — взятку ему дай. Рупь этот твой оправдается. А то хошь — я тебе его сейчас дам?»

Вот так и попал Постоико в компанию лхлхх матросов, называвших себя «анархистами»... Пьянки, а потом тяжелое похмелье, и снова пьянки и тяжелое похмелье, когда, кажись, голова разломится на две части... И сам не заметил, как перенял ухватки и жаргон «братишек».

Однажды «на малине» Иван напился до потери сознания. И, пока он лежал, не помня себя, «специалисты» накололи на его теле разноцветной тушью такие картинки, которые заставляют его краснеть, когда он в бане моется.

Помнит Иван, что после того, как накололи ему эти непотребные рисунки, получилось у него воспаление кожи. Болел долго, потерял много сил. Исхудалый, обесилевший вернулся он в свой кубрик. Встретив на палубе вожака анархистствующей братии, не стерпел и, размахнувшись, ударил так, что тот свалился в воду. За такой поступок начальство списало Ивана в экипаж. Здесь-то, в экипаже у Поцелуева моста, встретил он машиниста с тральщика, который обучил его читать и писать. И потянуло его с этих пор на чтение. А машинист приносил книжки одна другой интересней. Так прочел Иван «Антоня Кречета», «Пещеру Лихтвейса», некоторые выпуски «Тайн венценосцев». А когда он освоил чтение хорошо, стали подбрасывать ему небольшие книжки запрещенного содержания. Стали беседовать с ним и разъяснять непонятные вопросы: откуда появились бедные и богатые? Кто такие рабоче? Кто такие социал-демократы-большевики и чего они хотят? Много усвоил он из бесед и всей душой привязался к своему новому другу. С этого и пошло...

За год до начала войны его и нового товарища из экипажа списали в команду крейсера «Аврора». И вот на крейсере подобралась целая группа серьезных матросов, поверивших в большевистское учение. Все бы шло хорошо, но боцман, шукура продажная, выследил Ивана, когда он читал матросам нелегальную газету. Вся крамольная группа была отдана под суд. Их приговорили на разные сроки к тюремному заключению... Вот и еще одна зарубка, ой, и крепкая же зарубка...

Тюрьма для Ивана была постоянным университетом. Но вот в Петрограде грянула революция, и балтийский матрос Иостойко оказался в самой гуще событий. Он стал инструктором Красной гвардии на одном из больших заводов, участвовал в штурме Зимнего. А потом, находясь в резерве Военно-революционного комитета, подавлял восстание юнкеров, воевал под Пулковом против войск Керенского — Краснова, стал одним из первых чекнистов...

Да, немалая прожита жизнь. Немало оставлено на жизненной тропе памятных зарубок... Что же дальше?..

Он понимал: надо было торопиться выбраться отсюда — с минуты на минуту могли прийти за ним, а от врага пощады не будет, да ему и не пужна от него пощада... Освободить руки, во что бы то ни стало освободить! Тогда он найдет выход — разберет крышу сарая, устроит подкоп. Он стал шарить вокруг глазами: нет ли здесь какого-нибудь острого предмета, нет ли в стенках сарая отверстия, щели?.. Шло время, а положение его оставалось безвыходным... Обессиленный Пстойко недвижно лежал на земле и прислушивался к звукам, доносившимся с воли. И вдруг он услышал шаги... Да, это шли к сараю люди. Идут за ним. Иван присел, сжался, готовясь к отпору. Звякнул замок, распахнулась дверь, острый луч фонарика нащупал лицо Ивана.

— Ну, герой, выходи! Заждался нас? — услышал он хорошо знакомый голос председателя губчека.

У Пстойко бешено забилося сердце.

— Это вы?!

— Да, это мы. А ты, верно, думал, за тобой эти бандиты пришли, чтобы душу выпустить? Нет, мы чекистов в беде не оставляем, хотя тебя повесить мало.

Когда матроса освободили от веревок, он от радости стал обнимать всех подряд.

— Не радуйся, матрос, не радуйся, — проговорил Дубец зловещим тоном, — тебе еще придется отвечать за свои действия. Ты же явочную квартиру этой контры провалил. За пей у нас слежка была установлена!

Пстойко тяжело молчал, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

* * *

На следующий день в кабинете начальника собрались чекисты, чтобы обсудить происшествие с Пстойко.

Когда вошел матрос, Дубец бросил на него косой взгляд, постучал карандашом по чернильнице. Воцарилась тишина.

— Начнем! — привстав за столом, сказал предгубчека. — Все знают вчерашний случай. Вот о нем-то сегодня и пойдет речь. Вчера Иван Пстойко, — кивнул он в сторону сидевшего в углу матроса, — попался в лапы бандитов и едва не погиб. Можно сказать, попал во щи

как общипанный куренок. Но главное не это. Главное в том, что благодаря своей недисциплинированности и самопадежности он сорвал нам важное дело — сунулся туда, куда его не просили. Часть врагов успела уйти, замести следы. Мы должны дать оценку поведению Постойко... Чекист Иван Постойко, встаньте! Объясните ваш поступок.

Матрос встал, он был бледен. Взгляд его был прямо, даже с некоторым вызовом, устремлен на предгубчека.

— Я виноват. Но я хотел отомстить за Валю Грачеву. Думал сделать как лучше.

— «Думал», «хотел». Эх, дурная твоя голова! — сказал один из членов коллегии, сидевший рядом с Дубцом. — Прежде чем действовать, надо было со старшими посоветоваться. Ты что — службы не знаешь? Придется тебя наказывать.

Снова заговорил Дубец. Лицо его было усталым и злым.

— Вот вам троим, — показал он на членов коллегии, — больше полутора года лет, а тебе тридцать. Не уважаешь ты нас. Учили мы тебя... Да, видно, плохо. Ишь ты, нашелся тоже Александр Македонский! «Сам знаю, сам могу...» Зазнайка! Положи кольт с ремнем на стол!

Иван резким движением расстегнул ремень, вынул кольт и положил на стол.

Сделав паузу и оглядев присутствующих, Дубец добавил:

— На первый раз, по решению коллегии, даем тебе десять суток строгого ареста. И на месяц отстраняем от адъютантской должности. Клевцов, отведи Ивана Постойко под арест в наше помещение!

Пока Артем вел Постойко под арест, тот, видимо, воспрянул духом и даже рассказал пару анекдотов.

Матрос явно хотел развеселить приунывшего друга.

ТАРАКАНЬЕ ГНЕЗДО

В один из самых горячих дней, когда контрреволюция вовсю распоясалась, предгубчека вызвал к себе своего помощника.

— Ты, — обратился он к Артему, — деревню Широково знаешь, бывал там?

— Бывал в Широкове, но давно, мальчишкой.
— Однако в памяти кое-что сохранилось?
— Кое-что сохранилось...
— Товарищ Постойко, крикните дневальному, чтобы впустил сюда председателя Широковского комбеда, он в коридоре сидит...

Через минуту в кабинет робко вошел, весь взъерошенный, Ерофей Девочкин. Артем узнал его сразу. Ведь это к нему, дяде Ерофею, бедняку из бедняков, он часто бегал из приюта. Это он, дядя Ерофей, на прощание подарил ему глиняную свистульку.

Теперь Ерофей был председателем Широковского комбеда. Он рассказал, что па днях в Широкове иулаки выступили против советской власти; волостной милиционер присоединился к ним. Вооруженные винтовками и обрезами, кулаки захватили председателя волпсполкома, учительницу, членов комбеда. Может быть, пх уже и в живых нет. Ерофею удалось спастись, — не спалось ему в эту ночь, вышел он из избы, услышал шум и спрятался...

— Вот, товарищ Девочкин, — сказал Дубец, — мы к вам с отрядом чекнистов пошлем товарища Клевцова. Он ваши места хорошо знает, да и вы ему поможете...

Только сейчас Ерофей внимательно взглянул на Артема и узнал его.

— Вот, поди ж ты, — всплеснул он руками, — неужто Артюха?

Старик так растрогался встречей, что, казалось, вот-вот прослезится.

— Значит так, товарищ Клевцов, — нахмурясь сказал председатель губчека. — Возьмешь два десятка конников и скачи в Широково. Действуй по обстановке. Главарей тащи сюда, мы с ними здесь разберемся. Давайте скорей, каждый час дорог.

— Что ж, пошли, — сказал Артем Ерофею.

Артем был доволен поручением. Значит, ему крепко доверяют, если посылают на такое опасное дело.

— Вот что еще, — сказал Дубец, когда его помощник подошел к двери. — Учти, там ты можешь встретиться со своими старыми знакомыми. Есть об этом сведения. Так что будь осторожнее, действуй смело, но осмотрительно. Товарищ Девочкин и беднота тебе помогут. Действуй.

— Постойко с нами? — спросил Артем.

— Посто́йко мне здесь нужен, — сказал Дубец и усмехнулся. — Да и как его пошлешь! Он днем и ночью в больнице пропадает. Вконец втюрился парень...

Артем смешно развел руками, как будто желая сказать: «Знаю, но это от меня не зависит».

Двадцать конников пескали в Широково. Всю дорогу Ерофей рассказывал о жизни в селе, о кулацком восстании, о работе комбеда.

Вот и знакомые широковские места: вдаль завиднелись белые монастырские стены, колокольня, яблоневый сад. Здесь чекисты спешили.

Артем решил первый удар отряда направить по дому Мелитины — главному гнезду восставшего кулака, где, по словам Ерофея, собирались главари всей банды. Здесь бывали и брат хозяйки Багров, и Тихон. Надо было незаметно оцепить дом.

Продвигаясь оврагами, кустарником, стали окружать участок. У плетня Артем огляделся — вокруг было безлюдно. Только на крылечке дома в ленивой позе сидел человек, должно быть часовой или наблюдатель. Артем с группой чекистов пополз вдоль плетня. Застигнутый врасплох, человек слабо сопротивлялся, был обезоружен и связан. Держа наготове пистолеты, чекисты ворвались в дом...

В большой комнате — Артему она была хорошо знакома — за столом сидели трое: Мелитина и двое мужчин. На столе стояли большая бутылка с самогоном и тарелки с богатой закуской.

— Ни с места! Руки вверх! — крикнул Клевцов.

Отобрав оружие, чекисты стали обыскивать помещения дома.

Мелитина мало изменилась, хотя с того дня, когда с ней расстался Артем, прошло четыре года. Кажется, даже платье на ней было то же, что и тогда, — ярко-зеленое, длинное, шелковое. Только взгляд Мелитины изменился: в те дни он выражал безразличие и скуку, теперь ее глаз был по-ястребиному ясен, горел скрытым огнем, выражая ненависть и злобу... Гости Мелитины, пожилые бородатые мужики, одетые по-городскому, хмуро, пристально разглядывали Артема.

— Вот как свидеться пришлось, — лениво протянула Мелитина. — Значит, большевиком стал, Артемка. Отца небось нашел. Не захотел по-нашему жить...

— А что хорошего в вашей бандитской жизни? Ты скажи лучше, хозяйка, куда Таракана и Тихона упрятала...

— Чего захотел... Я братца и Тихона в глаза не видела.

— Врешь.

Клевцов принялся внимательно разглядывать комнату, как будто что-то вспоминая.

— А ну-ка, ребята, — обратился он к чекистам, — поищите на полу под ковром, тут где-то погреб должен быть.

Действительно, в полу обнаружили крышку погребка. Спустились вниз и увидели лежавшего на земле, обвязанного веревкой человека. Человек оказался секретарем воллсполкома. Лицо его было в синяках и кровоподтеках. Когда его подняли наверх, помыли, накормили, он рассказал о том, как бандиты ночью ворвались к нему в дом, схватили, избили и бросили в погреб.

— Председателя нашего убили... Здесь, во дворе... Главный у них Тихон, вологодский. Он сюда приходит, а эти двое, — он указал на хозяйкиных гостей, — оттуда, из леса, бандиты...

Сделав передышку, секретарь исполкома добавил:

— Посмотрите в сарае. Там они копали, что-то прячут...

При допросе «гости» упорно отрицали свою причастность к восстанию. Мелитина сидела, презрительно отвернувшись, и отказалась отвечать на вопросы.

Клевцов решил отравить арестованных в Вологду.

Вечером Артем вышел во двор дома — ему хотелось прийти в себя, немного отдохнуть, подышать свежим воздухом.

Здесь все напоминало ему о детстве. Увлеченный воспоминаниями, он шел по дорожке, которая вела к монастырю. Сколько раз проходил он по ней с корзиной яблок в руках, чтобы по наказу монаха Ферапонта передать яблоки Мелитине... И вдруг в стороне от тропки он увидел человека, притаившегося в кустах. Вскинув пистолет, Артем крикнул:

— А ну выходи! Кто там прячется?

Человек вышел из кустов. Рослая, слегка сутулая фигура, красивое, хищное лицо... Нет, он не мог ошибиться, перед ним был Тихон.

— Тихон?! — воскликнул Артем дрогнувшим голосом.

— Артюха, ты ли это! А я чуть мимо не прошел. Радость-то какая!.. Опустит, опустит свою пушку, ненароком и выстрелишь.

— Чего в кустах прятался? — уже овладев собой, спросил Артем.

Не отвечая, кривя губы в улыбке, Тихон почти вплотную подошел к чекисту.

— Стой! Куда прешь... Отдай оружие, бандит! — вдруг охрипшим голосом проговорил Артем. — Стрелять буду!

Тихон медленно стал поднимать руки — и внезапно кипулся под ноги чекисту, рванул их на себя. Артем унаал, успев все же выстрелить в воздух. Тихон, навалившись всем телом на своего врага, ударил его несколько раз свинчаткой по голове...

Когда Артем очнулся, он увидел стоявших вокруг него чекистов. Голова его сильно болела и была забинтована. Он вскочил на ноги:

— Где Тихон? Поймали его?

— Убежал в лес... — сказал кто-то невеселым голосом.

Чекисты смущенно молчали.

— Э-эх!.. — скривив лицо, словно от острой зубной боли, Артем со злостью выругался. — Упустить такого гада!

* * *

Обратно ехали мимо монастыря. Мелитину и мужиков везли в телеге. У монастырского сада Артем остановился и слез с коня. Через лаз он проник в сад. Здесь он разыскал яблоньку, которую посадил много лет назад, когда прислуживал монаху Ферапонту. Деревцо уцелело, оно разрослось и было густо усеяно маленькими зелеными плодами. Артем сорвал яблочко и положил в карман.

Сопровождавший чекистов Ерофей в монастырском саду попрощался с Артемом.

— Эх, — сказал он, — дела-то какие... Спасибо вам, что приехали. Конечно, еще будет с ними хлопот, с кулаками, но не поддадимся мы им, Артюха, не поддадимся, как бы они ни лютовали. Не возвратится старая

жизнь, никак! Рад я, что человек из тебя хороший вышел. Я вот тоже другим стал. До этого от мироедов только и слышал: лодырь, лодырь. А при новой власти такую я в себе силу и решительность почувствовал, что и сказать не могу. Я теперь и «Бедноту» читаю, всю грамоту вспомнил. И решил из оглобел выскочить. Землю-то мы между собой поделили и Прпречье себе взяли. А что?!

— Да ничего, — сказал Артем, слушавший Ерофея с любопытством и удовольствием. — Все правильно, дед!

— Ферапонта-то твоего нет, в скиты подался, — сказал Ерофей. — Его нет, а яблонька цела. Ну, прощай... Глиняной свистульки тебе теперь, поди, не надо? — улыбнулся дед.

— Почему же, пригодиться может, — пошутил Артем.

— Так вот тебе, — сказал Ерофей, вынув из кармана свистульку. — Берн. Я тут для одного мальчонки больного таскал в кармане, да не донес — бандиты наскочили. Ну, я ему другую подарю. Возьмешь, что ли?

— Возьму, — сказал Артем.

— А насчет этого, — Ерофей указал на повязку на голове Артема, — не горюй. Не очень-то себя грызи. В жизни всякое бывает...

— Спасибо, дедка. Прощай.

Перед самой Вологдой Артем подъехал к телеге с арестованными и спросил у Мелитины:

— Как, хозяйка, не растрясло тебя?

— Ты об нас не беспокойся. О себе думай. Шишку набили тебе, как бы другой раз голову не сжали, — сверкнув глазом, ответила женщина.

— Нет, голову я не отдам. Она мне еще нужна, чтобы контриков уничтожить.

— Откуда у тебя против нас злоба такая? Мало и для тебя, воши приютской, сделала? Какую гадину пригрела! Эх, люди-и-и!

Артем подогнал коня к телеге, нагнулся и, дернув за веревки, связывавшие Мелитину, сказал:

— Вошь приютская, говоришь? А я между прочим чужой крови не пил, как ты. Кто же из нас вошь, а кто человек?

Не дожидаясь ответа, Артем выпрямился, хлестнул коня.

Въезжали в Вологду.

ПСИХОЛОГИЯ

Сдав арестованных, Артем сразу же направился к начальнику, чтобы доложить о результатах поездки. Но Иван Терентьевич отсутствовал — был на какой-то операции.

Клевцов отправился в общежитие, помылся, переоделся и пошел разыскивать Постойко. Матроса он нашел в комнате Вали. После операции девушка стала быстро поправляться, и врач, уступив настойчивым просьбам Вали и Постойко, разрешил беспокойной пациентке лечиться дома.

Иван встретил друга по-обычному шумно и чуть не задушил его в своих могучих объятиях.

— Жив! Вот хорошо! — тряхнул он Артема за плечо так, что у того в глазах померкло. — Царапнули? — кивнул он на повязку вокруг головы.

Клевцов неопределенно гмыкнул и повернулся к лежавшей на постели Вале.

— Вижу, поправляешься, жертва белогвардейского террора.

Валя улыбнулась, на похудевших щеках ее едва обозначились ямочки.

— Поправляюсь, Артем. Но, видно, и до тебя кто-то добрался.

— Мне только шишку поставили.

Но отшутиться не удалось, пришлось, преодолевая смущение и досаду, рассказать о встрече с Тихоном.

Не выдержав, матрос взорвался:

— Вот растяпа! Да я бы эту гадину голыми руками задушил! Да я...

Валя сжала губы, как от внезапной боли, залилась краской.

— Как же! — в голосе ее зазвенели ехидные нотки. — Ты у нас герой... Нат Пинкертон! Когда ты, Ванечка, якать перестанешь?

Постойко нервно передернул плечами, досадливо покосился на девушку:

— Молчи, слабый пол! Все учишь, наставляешь...

Обрывая неприятный для нее разговор, Валя присела на кровати и потянулась к висевшей на спинке санитарной сумке.

— Подойди поближе, Артем. Иовязку тебе надо новую, твоя сильно загрязнилась... Иди, не бойся!

Артем нерешительно подошел к кровати:

— Слушаюсь. Ты ведь у нас медперсонал.

Валя быстрыми и ловкими движениями перебинтовала кудлатую, непричесанную голову Клевцова.

— Ну вот, теперь и к начальнику не стыдно появиться.

— Правильно. Мне как раз и надо доложить начальнику... Как думаешь, Ваня, разнесет он меня в пух?

— А как же. Таких растян надо из чекистов отчислять, — хмуро буркнул помрачневший матрос.

С предгубчека Клевцову удалось встретиться только к вечеру. Артема поразили его усталый вид. За несколько дней, которые он отсутствовал, Дубец сильно изменился — щеки впали, глаза от бессонницы покраснели и горели нездоровым блеском.

— Вернулся? — Дубец бросил быстрый взгляд на своего помощника, устало провел ладонью по лицу. — Дел у нас, Клевцов, певпроворот. Контра вовсю насаждает. Пока тебя не было, мы анархистов прижали, разоружили полк в Первушинских казармах. Там наши хорошие ребята погибли... Тут целый заговор, и нити ведут к послаам. В Ярославле мятеж подавили — это ты знаешь. Справимся и мы... Ну, так докладывай, только коротко, я уже кое-что знаю.

Клевцов доложил, не скрывая и свою неудачу с Тпхоном.

— Мелптина эта — твоя бывшая хозяйка? — с любопытством спросил Дубец. — Значит, вспомнили с ней прошлые времена. Небось о нынешних она говорить отказалась?

— Молчит. Упрекнула меня в неблагодарности.

Дубец повеселел:

— Скажи на милость! И в самом деле — как посмел ты забыть, что она тебя в люди вывела! Мать родную заменила! Как же, я знаю хорошо эту их песенку. Влагодетели!..

Дубец помолчал.

— Ну, а другого благодетеля, значит, упустил. Жаль! Это птица важная.

— И сам не пойму, Ивап Терентьевич, как получилось.

— Понять нетрудно, Артем: проворонил. Враг хитер, на все идет... Бывает. Смотри только — второй раз не давай себе облапошить.

Дубец положил руку на лежавшую перед ним папку, давая понять, что разговор на эту тему окончен.

— Перейдем к текущим делам. Помнишь ты, Клевцов, как допрашивал Сухова?

Артем помнил. Сухов был рабочий железнодорожных мастерских. Эсеры сумели подобрать к нему «ключи», внушить, что в голоде и безработице, во всех бедах виноваты большевики. Сухов стал вести агитацию против советской власти, и его арестовали. Это был высокий и худой человек с изрытым оспой лицом, большими тяжелыми руками. Когда Артем его спросил: «Выступали против советской власти?», Сухов не стал в страхе отпираться и лгать; он неожиданно улыбнулся и, показав глазами на лежавший на столе кусок хлеба, сказал: «Агитировал. А разве не правда, что ребятишки с голоду пухнут?» Что-то в Сухове располагало к себе. Не хотелось думать, что это враг. И в деле Сухова разобрались.

— Так ведь его выпустили, Иван Терентьевич, — недоумевая, сказал Клевцов, — он, помнится, обещал прекратить агитацию.

— Так вот, слушай. Этот Сухов недавно явился к нам и рассказал такую историю. Пришел к нему один человек, эсер. Ну, сыграл в благодетель, принес кое-какую еду, мол, смотри, как мы о своих заботимся. И тут же стал всякое говорить о советской власти. Спрашивает: «Понял ты, какая она — советская власть, какая она — чека?» Тот говорит: «Да, понял». Эсер предложил Сухову спрятать у себя одного человека, который придет к нему. Всё обговорили — день, пароль, даже вид этого человека. Ну, через некоторое время Сухов прибежал сюда. Говорит, после покушения на Ленина он искренне отошел от эсеров, понял, что они ведут себя как предатели. Словом, завтра вечером агент придет к Сухову. Слежку мы установить не можем, надо брать. Ты со своим дружком-матросом и сделаешь. И чтобы не упустить, слышишь? А теперь иди, у меня еще дел много.

Через час Артем, переодетый в крестьянскую одежду, с мешком за плечами, постучался к Сухову. Дверь открыл

сам хозяин. В темной прихожей Артем сбросил мешок и сказал, как было условлено:

— Что же не приглашаешь, хозяин?

— Заходите, вас ждут.

Артем быстро договорился с рабочим, как лучше пройти в дом незамеченным, осмотрел прихожую и комнаты, прикинул, где лучше встретить гостя. Выходя, он протянул руку Сухову и смущенно сказал:

— Вот что, вы не сердитесь на нас за прошлое. Мы ведь рабочие, нам надо быть вместе, заодно. Не сердитесь?

— На вас не сержусь, — тихо ответил Сухов. — Сами видите, на них сержусь.

— Вот и хорошо.

Гость пришел почью. Хотя его и ждали, условный стук в дверь был неожиданным, и Артем, сидевший вместе с матросом в темной прихожей, вздрогнул. Сухов со свечой, прикрытой ладонью, пошел открывать.

Стоя за дверью, прижавшись к стене, Артем услышал:

— Это у вас пять дочерей?

— У меня.

— И привез вам пять буханок хлеба.

— С удовольствием примем.

Человек поднялся по ступенькам к открытой двери.

Сухов отвел от свечи ладонь, и ветер, ворвавшийся с улицы, мгновенно задул пламя. Артем успел схватить «гостя» за руку, засунутую в карман пальто, и вместе с Иваном они разоружили его.

Когда чекисты ввели задержанного в комнату и хозяин зажег свет, Артем взглянул на ночного гостя и узнал... Рогожина. Да, это был тот самый поручик Рогожин, который приютил его в Питере! Артем был ошеломлен.

Докладывая председателю губчека о задержанном, Клевцов высказал некоторые соображения о том, как, по его мнению, должен идти допрос. Но Дубец только усмехнулся.

— Рогожина я знаю не хуже тебя. То, что ты предлагаешь, это, брат, психология, — сказал он. — А кроме нее существует логика классовой борьбы. Был «либерал», а стал белогвардейцем. Не удивляйся: их сейчас много из Питера паезжает.

Дубец на минуту задумался.

— Этот твой офицерик должен многое знать. Вдруг ты с ним действительно договоришься? Возьмешь его?

Артем помолчал.

— Хорошо. Дело это я возьму на себя.

Артем был убежден, что Рогожин действительно стал врагом. Факты — упрямая вещь. Пистолет в кармане, пачки денег, документы на чужое имя говорили о многом. А тут еще найденные у офицера три длинные капсулы из желатина, в которых лежали свернутые в трубочку листочки, мелко исписанные цифрами и буквами, должно быть шифром.

Артем занялся вещами, отобранными у арестованного при обыске: развинтил зажигалку, стал просматривать папиросы, лежавшие в массивном серебряном портсигаре с замысловатой монограммой на крышке. Он несколько не удивился, когда под лупой рассмотрел на одной из папирос, там, где обычно стоит марка фабрики, чертеж, набросанный очень тонкими, еле заметными даже при увеличении, линиями. Отложив папиросу в сторону, он обратился к шифровкам, но ничего в них не понял. Приглашенный к Артему специалист сказал, что завтра он доложит.

Когда шифровальщик ушел, к Артему зашел член коллегии Сергеев. Увидев лежавшую на столе папиросу, он обрадовался.

— Товарищ Сергеев! — испуганно крикнул Артем. — Что вы делаете?

— Как что? — удивился чекист. — Собираюсь закурить.

— Положите на место. На папиросе какой-то чертеж...

— М-да... — Вооружившись лупой, Сергеев стал разглядывать мундштук. Лицо его сразу сделалось серьезным.

— Где взял? — спросил он.

Артем рассказал.

— А ведь я, кажется, понял, в чем дело.

— Не может быть.

— Да. Смотри. Видишь — железная дорога от Вологды до Питера. Точно? Точно. Вот река Шексна. Вот мост через нее, и в этом месте малюсенький крестик.

Крестик такой маленький, что и в лупу разглядеть трудно, а означать он может только одно — с этим мостом что-то собираются сделать... Вернее всего — взорвать. И вот, видишь, еще буквы «СВ»? Мы эту метку знаем. Означает она офицерскую организацию «Союз возрождения»...

Артем не мог дожидаться утра и вызвал Рогожина на первый допрос ночью. Коввойный ввел арестованного в комнату и вышел. Рогожин, не глядя на следователя, устало опустился на стул.

— Объясните, как вы оказались здесь? — сдержанно спросил чекист.

— Вы вызывали меня на допрос? — Рогожин в первый раз после ареста прямо посмотрел на Артема.

— На допрос. К сожалению, на допрос. Не могу поверить, что это вы, что наша встреча должна была состояться при таких обстоятельствах.

— Не надо, — досадливо сказал Рогожин. — К чему разговоры и всякие там воспоминания? Все ведь ясно. Расстреляете? Так и скажите! Я примирился со своей участью. Со своей точки зрения вы, возможно, и правы...

— Ну, зачем же так торопиться, Дмитрий Александрович? Расстрел вовсе не обязателен. Совсем не обязателен. Все зависит от вас, от вашей искренности... Вот курите, это ваше. Но, помнится, вы не курили.

— А теперь курю. Очень хочется курить.

Рогожин потянулся к портсигару, на какое-то мгновение задержался глазами на папиросах, прежде чем выбрать одну. Затем быстро взглянул на Артема и усмехнулся:

— Вы психолог, Артем. Вы приобрели в своем деле некоторый опыт. Научились, значит?

— В чем дело, Дмитрий Александрович?

— Не будем играть в прятки. Я не нашел здесь той папиросы, которую выкурил бы с особым удовольствием. Ну, если я не нашел — значит, вы нашли и устроили мне проверку. Так?

— Пусть так, — сказал Артем. — Хитрости здесь особой нет. И вообще нам не следует хитрить друг с другом, особенно вам.

Рогожин закурил и, казалось, наслаждался папиросой, ни о чем не думая. Он следил за дымком и делал

это так, будто для него сейчас это самое лучшее занятие на свете — вот так сидеть и покуривать.

Артем не торопил его. Он понимал, что Рогожин все не так уж увлечен папиросой. И, конечно, думает не о ней, а о чем-то более существенном для него в данный момент.

— Вот что, — вдруг заговорил арестованный. — Я всегда к вам хорошо относился, Артем. Скажите по совести, сведения нужны вам лично, для карьеры?

Артем помолчал. Он понимал состояние Рогожина. В самом деле, давно ли он находился на положении покровителя Артема. Он жил в мире, где не знали нужды, хорошо одевались, хорошо и вкусно ели. Он жил в богатой квартире, за ним ухаживали слуги. А кем был Артем? Жалким, бесприютным, бесправным солдатиком. И вот этот солдатик допрашивает его, офицера Рогожина. Так нельзя ли Артема обидеть, задеть побольнее, ведь все проиграно!

— Знаете, чего я хотел бы больше всего сейчас? — сказал Артем. — Я хотел бы, чтобы мы сидели сейчас с вами в Петрограде, в вашей квартире, и разговаривали спокойно и свободно. Вы, конечно, образованнее меня, больше книг прочитали, но думаю, что я теперь мог бы кое о чем поспорить. Я многое понял, многое мне объяснили умные и честные люди — те самые, против которых вы идете. Я и сам большевик! В этом вся моя жизнь... Вот вам и ответ на ваш вопрос. Не нужна мне карьера... Мне сейчас совсем другого хочется. Хорошо бы, знаете чего? Чаю крепкого с настоящим сахаром, с пирожком каким-нибудь. И еще, признаюсь вам, очень спать хочется. А сведения... Что ж, это ваше дело — говорить или не говорить. Людей жаль, много людей погибнет. Вы же сами говорили: «Зачем столько крови?» Помните, как вы спорили с Зиминим?

При последних словах следователя Рогожин разволновался:

— Кровь вы начали лить. Вы!..

— Подумайте только, что вы говорите! И напомнить вам слова Зимина?.. Питер на народных костях вырос. А через строй небось не господ офицеров гоняли, не их палками били... И рабочим вы тоже не были, значит, не из вас сосали кровь заводчики день за днем. Триста лет Романовы сидели не на вашей шее. На ваши плечи опи

золотые погоны положили. А кроме царя и вас, господ, были еще Рябушинские...

Рогожин вздрогнул. Сам того не подозревая, Артем сделал то, чего, может быть, не добился бы путем долгих споров и уговоров. Он вспомнил: Рогожин ненавидел самое это имя — Рябушинский.

— Возможно, в ваших словах и есть правда, только мне необходимо подумать. Дайте мне время подумать. Хотя бы эту ночь. Есть у вас время?

— Есть, — сказал Артем. — Правда, немного. Подумайте, Дмитрий Александрович, подумайте! Мы крови не хотим. И если вы все расскажете, крови прольется меньше, многие люди будут спасены... Кстати, вы не знаете, где сейчас Зимин?

Рогожин спокойно сказал:

— Знаю. Он сейчас командует красным полком.

— Хороший у вас друг...

Утром Артем слово в слово передал предгубчека весь разговор с арестованным. Тот поглядел на Артема с недоверием. Этот взгляд мог означать: «А не зря ли я тебе доверил такое серьезное дело? Ты все еще хочешь жать на «психологию», а мне нужны его показания».

Как выяснилось, шифровальщик всю ночь бился над загадочным шифром, но так и не нашел ключа к нему. Он определил только, что код «кишечный».

— Ну что ж, — сказал Дубец. — Будет молчать — пустим в расход. А там что-нибудь предпримем...

Едва Артем вернулся от начальника к себе, как дежурный позвонил ему по телефону и сказал, что один из арестованных хочет с ним говорить.

Через несколько минут привели Рогожина. Он был еще более бледен, очевидно, сказывалась бессонная ночь. Офицер сел напротив Артема. Вид у него был уже не вялый, а сосредоточенный, словно он прислушивался к какому-то внутреннему голосу.

— Вот что, — тихо сказал он. — Я знаю, что вы меня расстреляете. Но вы правы — пусть меньше прольется крови. Вы нашли у меня в каблуках эти... — Рогожин кивнул на капсулы. — Шифр «Евгений Онегин» Пушкина, с первой страницы: «Мой дядя самых честных правил...» Вы записывайте, записывайте все.

Артем записывал. Одну капсулу агент должен был передать Игнатьеву — главному представителю ЦК пар-

тин эсеров, другую — эсери Турбе; третью — полковнику Куроченкову, члену «Союза возрождения». Рогожин пазвал все явки. Он рассказал, что они в Питере решили значительную часть работы свернуть и перенести сюда, в Вологду, чтобы облегчить наступление белой армии и англо-американцев, подготовить в Вологде новый мятеж, покрупнее Ярославского.

— Вот, кажется, всё. — Офицер жадно закурил. Пальцы у него дрожали.

— Нет, не всё. Вы же самое главное не сказали: как вы оказались с ними, с «возрожденцами», как вы связались с эсерами?

— А это... — Рогожин усмехиулся. — Если хотите, инерция мышления. Страшная штука, между прочим! Мне все равно. Приговор, паверное, уже подписан.

Вошел, как всегда прихрамывая, Дубец. Обычно он не заходил в кабинеты сотрудников, когда те вели допросы, но теперь, видимо, захотел поглядеть на арестованного. Начальник взял протокол допроса и стал внимательно читать.

Когда Рогожина увели, Дубец радостно потер руки:

— Сейчас же бери ребят из отряда и с умом пройдишь по всем адресам. Только береги людей, не бросайтесь под пули.

В течение дня и ночи в городе шли аресты. Игнатьева, к сожалению, поймать не удалось, но вся головка офицерского «Союза возрождения» была арестована.

Только на другой день вечером вернулся Артем в чека. На столе он нашел записку:

«Я не ожидал, но меня великодушно освободили. Я люблю жизнь, она нам дана природой, и только однажды. Уезжаю в деревню к матери; предпочитаю сейчас жить тихо, по-обыкательски, если хотите. Не подумайте, что я дал сведения потому, что струсил, испугался за свою жизнь. Я не спал ночь и все обдумал. Те люди, с которыми случайно связала меня судьба, — это мертвецы. Они живут прошлым. Я не уверен, что и вы — люди будущего, но факт, что вы люди настоящего. Вы — живые. Прощайте и будьте счастливы, если можете».

Когда его вызвал Дубец, Артем показал ему записку. Начальник прочел ее дважды, потом сказал:

— Скажи на милость, ведь и в самом деле психология!.. Психология, — повторил предгубчека с улыбкой. — Полезная штука, неправда ли? А?

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Секретарь губкома спросил Клевцова:

— Ты знаешь, где теперь твой отец?

— В Архангельске, — бледнея, ответил Артем.

Он слышал, что на Севере высадились англичане и американцы, и догадывался о судьбе отца: надо думать, остался в Архангельске на подпольной работе. Когда его вызвали в губком партии, он решил — должно быть, что-то случилось, и боялся плохих вестей.

— Ты, верно, знаешь, что в начале этого года, — помедлив, продолжал секретарь, — Василия Николаевича направили в Архангельск укреплять советскую власть. Ему поручили работу в комиссии «Чкоран». Не слыхал? Чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта. Толковая комиссия была! С Бакарцы все резервное имущество царской армии вывезла, до последней пушинки!.. Ну, а потом твой батя стал членом подпольного ревкома. Беда в том, что у нас давно нет связи с ним. Думали мы... и пришли к решению, что нужно послать туда человека. Предлагаем поехать тебе. Кстати, и с отцом встретишься. Вместе поработаете.

Артем с трудом удерживался, чтобы не вскочить и не обнять сидевшего перед ним пожилого человека, выжидательно и строго смотревшего прямо ему в глаза. Он снова будет вместе с отцом, будет помогать ему в его опасной работе! Но Артем сдержался и ответил просто:

— Охотно поеду. Но справлюсь ли?

— Справишься. Туда и нужно посылать молодых, стойких духом и крепких физически, — улыбаясь сказал секретарь губкома, с видимым удовольствием разглядывая взволнованное лицо молодого чекиста.

— Спасибо.

— Только горячку пороть нельзя — дело можно провалить, а от этого партии большой ущерб будет... Может, тебе там долго задержаться придется.

Секретарь подошел к Артему и, взяв его за плечи, тихонько подтолкнул к двери:

— Ну, будь счастлив! Желаю успеха. Иди!

...Стоял один из чудесных теплых дней северной осени, когда начальник разведотдела армии вызвал Артема для заключительной беседы.

— Ну как, все усвоил, все понятно? — спросил оп. — Знаешь, какие трудности тебя ожидают?

— Знаю, — ответил Артем.

— Я экзаменовать тебя не буду. Хочу сообщить нечто очень важное.

Артем старался вникнуть в каждое слово начальника.

— В штаб белогвардейского генерала Миллера проник и работает наш человек. Это очень ценный для нас агент. О нем знают только я, командующий и член Военного совета. Теперь вот будешь знать и ты. Так вот, с ним, с этим разведчиком, у нас оборвалась связь. Первым делом тебе и нужно выяснить причину этого. И если все благополучно и он цел, установить с ним контакт. Понял?

— Понял.

— Слушай дальше. Позвонишь по телефону триста двадцать два. Пароль должен быть такой — спросишь: «Вы ноль три?» Он должен ответить: «Не понимаю вас». Если будет так, то скажешь вторую часть пароля: «Прошу занести ваш карточный долг». Понял?

— Понял.

— Повторяй, только тихо, — потребовал начальник. — Записывать нельзя.

Артем повторил.

— Еще раз... Хорошо. Никто, кроме отца, не должен знать, кто и зачем тебя послал. Помни: абсолютная скрытность и точность — обязательны для разведчика. Ошибка может привести к провалу, к гибели многих людей. Ну, прощай. — Начальник крепко пожал руку Клевцову.

Поезд уходил почью, и надо было торопиться. Собрав вещи, Артем пошел к Дубцу попрощаться.

Предгубчека, выводя всех, кто в это время находился в его комнате, не исключая членов коллегии, усадил Артема рядом с собой.

— Сдавать отряд тебе не надо. Никто не должен

знать, что ты едешь на Север. Смотри не проболтайся. Даже матросу! Иначе не попишешь, такое у нас дело...

Дубец встал, прошелся по комнате.

— Послушай, Клевцов, хотел я с тобой посоветоваться. Как ты думаешь, можно поставить матроса на твое место? Только честно говори...

Артем подумал. Наконец проговорил с трудом:

— Н-не знаю, товарищ предгубчека. Человек он наш, хороший, но... решайте сами.

Дубец продолжал ходить по комнате.

— А как у него с Вале́й, не знаешь?

— Любят они друг друга.

— И что же — все хорошо?

— Воспитывает она его...

— Воспитывает?.. Вот-вот, и я замечал.

Дубец пошагал еще, потом подошел к Артему:

— Ну, что ж, прощай, дорогой. Не помннай лихом. Счастливого пути. И отцу передай привет.

Они обнялись.

Ночью, оставив у дежурного записку для Ивана и Валп, Артем незаметно отправился на вокзал, где его должны были посадить на бронепоезд.

ЧЕРЕЗ БУРЕЛОМ

Путь в Архангельск оказался куда труднее, чем Артем предполагал. И труднее, и продолжительнее. К тому же тяготило и то, что на бронепоезде он был как бы посторонним человеком.

Командир поезда Галий, пожилой кубапек, прослуживший более пятнадцати лет на флоте, иногда приглашал Артема сразиться в шашки и ловко загонял его в угол, который называл по-морскому гальюпом. «Сиди, сиди, — говорил он, — раз играть не умеешь. Наслаждайся!»

Но чаще всего Галий не замечал долговязого парня, которого было приказано доставить по назначению в целости и полной сохранности.

Однажды ночью, на третий сутки после долгих стоянок и внезапных бросков бронепоезда к фронту и обратно, Артем проснулся от сильного гула. Вагон сотряслся.

Били все орудия, и уши как бы заложило плотными кусками ваты.

Не успел Артем хорошенько обдумать, что ему следует делать, как стрельба прекратилась. Под вагоном что-то заскрежетало, и поезд бесшумно тронулся. Появился Галий, резко скинул фуражку, зажег свечу и, обращаясь не к Артему, а куда-то в сторону, с досадой бросил слова:

— Так!.. Осечка!..

Артему стало ясно, что первая попытка прорваться через линию фронта к станции Плесецкой, куда они держали путь, провалилась.

А было так. Белые открыли сильный огонь, стреляли с закрытых позиций. После короткой перестрелки бронепоезду пришлось покатить назад.

Начались беспокойные дни и ночи. Вот где-то в стороне, а затем все ближе и ближе застрекотал аэроплан. Он низко пролетел над вагонами и сбросил бомбу; она разорвалась недалеко от насыпи, не причинив вреда. По аэроплану стреляли из винтовок. Артем тоже сделал попытку пострелять — ему казалось, что уж он-то наверное попадет в цель, — но командир бронепоезда оттеснил его локтем:

— Ну куда, куда лезешь? Я отвечаю за тебя головой. Понятно?

Как ему надоело быть пассажиром на особых правах!

Аэроплан появлялся еще и еще раз. Поезд маневрировал — то ускорял ход, то тормозил.

Вскоре Галий предпринял новую попытку прорваться к станции. Казалось, все идет хорошо. Но противник был хитрее, чем предполагали. Он замолчал только для видимости, а затем ударил из всех пушек. И снова пришлось отходить назад.

Когда бронепоезд после отхода остановился, из ельника, вплотную подступавшего к полотну, вышел невысокого роста человек, одетый в кавказский бешмет. На нем была каракулевая шапка с прикрепленной наискось красной лентой. Подымаясь в вагон, он левой рукой придерживал кривую шашку; тяжелый кольт в деревянной кобуре свисал почти до самых колен.

Артем с удивлением разглядывал неожиданного гостя. Северный лес — и вдруг кавказский джигит! Но когда

кавказец в вагоне пазвал себя: «Хаджи Мурат», Артем понял, кто перед ним. Слухи о смелых действиях партизанского отряда Хаджи Мурата давно уже ходили по всему Северу, вызывая у многих недоверие.

В поезде Хаджи Мурат оставался недолго. Он о чем-то поговорил с комапдиром; потом кавказец покинул вагон, — придерживая шашку, прыгнул на полотно и скрылся в ельнике...

Следующий палет на станцию Плесецкую они совершили на рассвете, когда и лес, и полотно железной дороги были затянуты медленно таявшим туманом. Орудия открыли ураганный огонь. Запертый в стальной коробке, не имея никакого представления о том, что происходит снаружи, Артем испытывал неприятное чувство. Внезапно появился Галлий, спокойно, как всегда, покрутил ручку телефона и коротко сказал:

— По всадникам не стрелять, это свои. Огонь по складам и эшелопам.

Потом он подошел к Артему, взял его за плечо и встряхнул. Густые брови командира сошлись на перепосице. Впервые он посмотрел на Артема внимательно, словно стараясь запомнить его черты.

— Ну? Надоело сидеть без дела?

Этот пожилой матрос, с темным, обожженным порохом лицом, неловко и стеснительно прижал Артема к себе:

— Пора тебе, собирайся. Настало твое время. — И сразу отошел к столу.

Артем торопливо надел старенький армяк, перекинул через плечо мешочек с едой. Галлий, не поднимая головы от лежавшей на столе карты, посоветовал:

— Вперед не ходи. Там Хаджи Мурат действует, могут не узнать, зарубят невзначай. Ты пока здесь схоронись, а потом напрямик в лес.

* * *

Артем прыгнул на насыпь, пробежал вдоль вагонов и скрылся за станционным зданием. Через несколько минут, не дождавшись, когда окончится стрельба, он уже бежал через поле к перелеску, за которым должна была быть деревня.

У овина Артема окликнул женский голос:

— Постой, паря! Неужто оттуда?

Спрашивала старуха. Она поставила возле ног ведро с водой и махнула рукой в сторону станции:

— Что там, а? Кто палит?

Артем перевел дыхание, рукавом стер со лба пот.

— Еле ноги унес, бабушка. Хотел в Исакогорку ехать. А тут такое началось! Красные на станцию ворвались, сражение там. Думал, пропаду.

Старуха испуганно перекрестилась.

Стрельба стихла, и только густые, черные клубы дыма, поднимавшиеся над перелеском, напоминали о недавней схватке.

— Куда же мне податься теперь? — спросил Артем. — Постой, у меня же здесь знакомый живет. Загляну к нему, а потом — дальше. Бабушка, где здесь дом Соколова, весовщика?

— Покажу, покажу, милый. — Старуха подняла ведро. — Вот третья изба, видишь? Туда ступай. В той избе Соколов с матерью и живет.

Весовщик был дома: его предупредили о предстоящем налете бронепоезда и о том, что к нему должен явиться человек «оттуда». Он сидел у стола в одной рубашке и, поминутно хватаясь за впалую грудь, судорожно кашлял.

В маленькой избушке было жарко. Мать Соколова возилась у печки, вытаскивая ухватом чугунок. Артем сел к столу и торопливо сообщил весовщику пароль. Тот хотел ответить, но снова закашлялся и махнул рукой.

— Догадался уж. Мать! Это свой нарень, от наших. Покорми его.

Женщина поставила на стол чугунок с картошкой и с любопытством поглядела на гостя. А когда Артем снял армяк и подсел к столу, она всплеснула руками:

— Господи, молоденький-то какой! Неужто белые правду говорят?

— А что они говорят, бабушка? — полюбопытствовал Артем.

Старуха вытерла жилистые руки о передник и положила около гостя деревянную ложку.

— Да разное, сынок! Даже верить страшно. Царица небесная! Намедни ихний офицер говорил такое, что не приведи господь! — Старуха перекрестилась. — Будто у вас там ребятишек, баб да девок в армию забирают; де-

вок-то денщиками к компссарам отдают. А стариков да старух на мыло переводят. И еще — в телеги людей запрягают. Коней-то всех будто с голоду пожрали. Да ты ешь, ешь, наголодался, поди.

Артем встал, отодвинул деревянную миску:

— Неужели ты, хозяйка, в эту глупость веришь? Точно слушать. Даже есть расхотелось!

Соколов поднял на него удивленный взгляд:

— Да ты ешь. Не дурп. А старуху слушай да вип-кай, что тут про вас болтают. Это знать полезно. Еще и не то услышишь.

Артем сел и снова принялся молча есть. Хозяйка виновато вздыхала и стала особенно услужливой. Подавая гостю полотенце, которым полагалось вытереть рот после еды, она старалась оправдаться:

— Ты уж на меня, старуху, не обижайся. Что говорят, то я и передаю. Верить-то мы, деревенские, не верим офицерам. А все же... трудно у вас там?

Артем нахмурился:

— Трудно, хозяйка.

— Вот я и говорю, скорей бы война кончилась. Кому она пужна, война-то? Только разор один. Уж замирились бы.

Соколова опять схватил приступ кашля. Артем кивнул головой в его сторону:

— Это с кем замиришься-то, бабушка? С теми, кто сына твоего прикладами да нагайками полосовал? Нет уж, мы им выложим все сполна, за все отплатим.

Старуха замолчала. По ее щекам скатились слезы; она с тоской посмотрела на сына и заговорила совсем тихо:

— Народу-то сколько побито. И всё молодые. А теперь еще англичапе и мерикапцы какие-то пришли. Ведь сила у них, у офицеров-то.

— Ничего, мать, перемелем. Весь парод полнялся.

...Когда на востоке чуть посветлело, пришел проводник — Артамон Назарович, здешний лесник. Артем уже одевался. Артамон Назарович молча рассматривал его, и, когда гость стал патиговать сапоги, он недовольно поморщился и сказал:

— Вот что, паря. Сапоги-то сними да на посошок вместе с узелком повесь. На тебе лапотки. В них по лесу-то лучше идти — ноги сбережешь. Опучи наверпи половчей,

пеньковой веревочкой их обмотай, а рубаху холщовую, домотканую надень. Сатины-то сними.

Артамон Назарович немного помолчал, подумал и добавил:

— Харчи я взял. Покажи мешок-то.

Артем подал подготовленный с вечера вещевой мешок. Лесник выложил все содержимое на стол, придирчиво перебрал каждый предмет.

— Мешок сменить нужно. Солдатский он. Лучше домотканый взять, чтоб с виду не так в глаза кидался. Пойду достапу тебе справу.

Он отсутствовал недолго и припес добротный деревянный мешок и красный широкий кушак.

— Армячишко-то у тебя подходящий, только подпоясать его надо этим кушаком. И картуз нацепи, он потрепан, правда, изрядно, а все же в кепке идти не след.

Артем оделся так, как посоветовал лесник; оглядывая себя, усмехнулся — все это было знакомо ему с детства. И вот сейчас судьба сама заставляет его надеть подобный наряд.

Прощавшись с хозяевами, путники торопливо прошли деревню, стараясь не привлекать внимания. Впрочем, в этот ранний час лишь собаки во дворах глухо ворчали да надрывно кричали осипшие петухи.

Сразу же за околицей начался ольшаник, потом пошел сосновый лес. Дорога свернула влево, деревня пропала за холмом. Выглянуло солнце, и на верхушки деревьев лег розоватый отсвет. Туман стал таять.

* * *

Артамон Назарович шел быстро. Вскоре они сошли с проселка на едва заметную тропу, и вот тут-то Артем стал понимать, что такое настоящая ходьба по тайге. Лесник ступал неслышно, казалось, он не идет, а перекатывается через кочки, бугры, узловатые корневища деревьев. Пospеть за ним было нелегко. Ноги скользили по мокрым стволам, то и дело приходилось продираться сквозь густой ельник, отводить от лица ветки. Да, в сапогах здесь идти было бы невозможно, лесник оказался прав.

В лесу стоял сырой и дурманящий полумрак. И тиши-

на — тяжелая, томящая, когда не хочется даже разговаривать. Одно желание — скорей вырваться на какую-нибудь полянку, где еще зеленеет обласканная солнцем, но уже увядающая травка.

Едва впереди между черными елями забрезжил свет, проводник обернулся и сказал, явно желая подбодрить спутника:

— Однако полудновать пора!

И в самом деле, уже был полдень. Солнце стояло высоко. Поляна, куда они вышли, заросла багульником; здесь тоже было не очень сухо. И все же Артем как-то особенно радостно вздохнул, оказавшись на открытом месте.

Проводник уже успел обойти полянку, к чему-то приглядываясь. Остановившись, он подозвал своего спутника.

— Вот тутотка отдыхать будем. Здесь и ключик имеется. — Артамон Назарович показал на струйку воды, звоико пробпавшуюся из-под валуна.

Артем сбросил посошок с сапогами и мешок, спял картуз и с наслаждением опустил ладони в воду. Она была холодная как лед, пальцы сразу заоченели. Артем поднес покрасневшие ладони к лицу. Заочтелось пить. Утершись рукавом, Артем прильнул губами к студеной воде и глотнул. Заныли зубы, и обожгло горло.

Артамон Назарович нахмурился:

— Однако, паря, ты бы не пил. Не дай бог простынешь. Потерпи. Сейчас чайку вскипятим, кашицы сварим. Пополуднуем — да и снова в путь.

Костер, потрескивая, дымил. Артамон Назарович подвесил над ним жестяной чайник и котелок. Холодная вода долго не вскипала. Артем достал хлеб и поближе придвинулся к огню.

— Артамон Назарович, а ночевать где будем?

Помешивая засыпанную в котелок крупу, проводник сказал:

— Без нужды в деревню заходить не будем. Где-нибудь в лесу заночуем.

Артем зябко повел плечами — уж больно неприятным был лес, по которому они только что шли.

— А на Обозерской к кому явимся?

— Есть там у нас свой человек. Станционный телеграфист. Он должен документы заготовить. Он же и па

следующую явку телеграмму передаст. В Исакогорку поездом поедешь. А оттуда до Архангельска рукой подать... Через Двину, на пароходе...

Наконец вскипел чайник и поспела овсяная каша. Артамон Назарович выпул из мешка сало, ржаные наевушки с подливой из картофеля, стопку шанег и сдобные овсяные колобки. Вросив в чайник заварку, он подал Артему деревянную ложку:

— Отведай-ка кашицы. Она вкусная, с салом. Ну, со господом!

Поглубже зачерпнув в котелке, Артем поднес ко рту ложку с кашей — и замотал головой.

— Экой ты нескладный! Разве не видел, что кашпцу-то я только что с огня снял!

— Видел, — еле ворочая обожженным языком, сказал Артем.

Закончив есть, Артем отложил ложку в сторону.

— Наелся?

— Не так наелся, сколько обжегся.

— Ничего! Шевели языком, скорее пройдет. — Лесник слегка толкнул Артема: — Ну, вставай. Костер затопчи, а я котелок помою...

Вскоре они уже шагали по лесу. Чащоба изменилась. Пожухлая трава и желтые, высохшие папоротники исчезли, зеленые мхи сменились темно-бурыми. Артамон Назарович дождал отставшего спутника:

— Ты за мной иди, в стороны не сворачивай. Места пошли гиблые, торфяник. Под ногами, чуешь, зыбко, но ты не бойся, это ничего. До настоящего-то болота еще с десяток верст будет.

Теперь Артем стремился не отставать от проводника. Однако тот и сам пошел медленнее, и следы его были заметны на кочках, обсыпанных ягодами клюквы. Артем старался ступать по этим следам, настороженно высматривая их. Он уже давно перестал ориентироваться в этой глухомани, но Артамон Назарович шагал уверенно, заражая этой уверенностью Артема.

Изредка проводник показывал рукой на зеленые «окна» — они, словно огромные проплешины, выделялись среди бурого мха. Это была трясина, глубокая, страшная. Стоило оступиться — и всё.

В лесу быстро темнело, и Артем все больше и больше горбился, высматривая следы лесника. А тот вроде бы и

не замечал сумерек. Но вот он остановился, почесал подбородок и усталым голосом сказал:

— Леса наши дремучие, болота топкие — ни по чем не пройдешь. И народ тоже темный в этой чащобе живет. Света, жизни настоящей еще не видел. Недаром про нас говорят: «Вологодские в трех соснах заблудились». А ведь и всяк заблудится, коли сосна от сосны верст за сто, а меж этими соснами болота да топи. Сосна — она сухое место любит.

Артем внимательно слушал проводника.

— В наших местах немало скитов раскольниковых есть. Ты слышал ли про скиты-то?

— Слышал от одного монаха в монастыре.

— А, верно, не знаешь, что попасть туда трудно. Только свой человек по тайным зарубкам на деревьях — чужому они невдомек — через болота к ним добраться может.

Лесник часто поглядывал на деревья. Он остановился у разлапистой ели: на стволе ее виднелись зарубки, на которых блестели капли янтарной смолы.

— Придется нам, паря, в скит завернуть. Заночевать там. Думал я эту болотину сегодня проскочить, да не вышло. А ночью через нее не пройдем, утопнем. Так что хошь не хошь, а надо свернуть, тут недалеко.

— Не велено, Артамон Назарович, на люди показываться.

— Верно! Однако скитские нам не страшны. Ведь никто из них дальше скита не ходит, даже дороги не знает. Только наставник староверческий, поп ихний, иначе говоря, — Гогин его фамилия, — два-три раза в году на селе показывается. Ходит он с батраком Чоминим, закупает припасы. Как дойдут до этого места, делают волокуши, кладут на них поклажу и тащат до скита. А волокуши они так делают: рубят мелких деревьев, свивут за комли, а на верхушки, которые ни по чем не затонут, груз кладут. Вот это и есть волок... А знаешь ли ты, что так у нас лес зовут и что от этого слова название города Вологды произошло?.. Вот оно как.

Артем с интересом слушал разговорчивого проводника.

В лесу стало совсем темно, и Артамон Назарович каким-то особым, только ему присущим чутьем, находил

дорогу. Артем шел как слепой, почти наступая на пог-спутнику. А тот продолжал:

— Гогин этот, пои-то, чисто паук в скиту. Он поси-ней любого нашего мироеда-кулака будет. Одно его слово здесь закон.

Среди редких деревьев на фоне темно-серого неба начал вырисовываться холм, густо поросший сосна-ми. Ветер донес горьковатый запах дыма. Это и был скит.

— Ты, паря, осторожным будь. Порядки у них стро-гие. Народ они дикий. Никто из них далее своего скита не бывал. Не терпят табаку, любят чистоту в избе и в одежде, посуда у каждого своя, и боже упаси, чтобы кто посторонний к ней притропулся. Она сразу считается по-ганой, обмирщенной, и ее тогда выбрасывают. Вечерами, когда в молитвенном доме никого нет, бабы ихние соби-раются по избам, прядут куделю и поют духовные стихи. Во всем законы у них жестокие. Этот Гогин постороннего человека из скита живым ни за что не выпустит. Да скит нигде в поселенных списках и не числится. Будто со-всем нет его на свете. Налоги они не платят, повин-ностей не несут. Гогин-то, как смерти мирской, власти боится...

— А как же вы, Артамон Назарович, не боитесь в скит заходить?

— Я-то? Я не боюсь. Гогин кажинный раз в моей лес-ной сторожке на постой встает, когда на село приходит. Он меня хорошо знает и уважает.

Путники поднимались по склону холма. Над головами тревожно гудели сосны. Землю устилала хвоя, нахло смо-лой, и не верилось, что кругом этого островка твердой земли простирается страшное болото. Деревья расступи-лись, и Артем разглядел соломенные крыши изб, венцы, срубленные из толстенных, почти в обхват, бревен.

— Мы сейчас зайдем к самому Гогину. Я тебя за своего батрака выдам, ладно? Ты уж извиняй меня, а при-дется тебе почку с его батраками провести. Сколько их — не знаю, по парни они смирные, забитые, религией по ру-кам и погам опутанные.

Артем насчитал девять домов. Один из них выделялся размерами, петухом-вертуном на коньке крыши и белыми, видными в сумерках наличниками окон. Песник напра-вился напрямик к этому дому.

Хозяин встретил пришельцев на крыльце. Он приветливо поздоровался с лесником и подозрительно скосил глаза на Артема. Артамоп Назарович поспешил сказать:

— Батрак мой, нынче панял. Парень смирный и не табашник.

— Эй, Дунька, — крикнул Гогин девке, шедшей с деревянными ведрами к колодцу. — Проводи парня в людскую, накорми чем бог послал. Спит пусть с Мотькой Чоминым.

Девка Дунька поставила возле пришельца ведра и положила на них коромысла. Вышедшая из-за облака луна осветила ее. Откинув за спину тяжелые косы и шурша холстинной юбкой, она проплыла мимо Артема.

— Иди за ней, паря, — сказал с крыльца Артамон Назарович.

Артем поспешил за девушкой. Остановившись перед каким-то черным провалом, она оглянулась на гостя, приглашая следовать за ней. Вслед за Дунькой Артем нырнул в провал, и чуть не скатился по земляным ступеням.

Землянка была хоть и мрачной, но просторной и чистой. В одном углу в светце горела лучина, освещая изможденное лицо Христа, другие углы тонули в темноте. Артем, сняв с посошка сапоги и мешок, положил их на лавку и сел, с интересом оглядывая жилье.

Дунька захлопотала около печи. Отодвинув заслонку, она достала большой чугунок, налила в глиняную чашку пустых щей, поставила ее на стол. Потом положила перед Артемом ковригу хлеба. Все это она делала степенно, не торопясь и не поднимая глаз. Но, вынимая из котомки деревянную ложку, Артем заметил на себе любопытный и в то же время застенчивый взгляд и, сам не понимая почему, смутился. А девка, неторопливо закинув за спину косы, горделиво подняв голову, вышла.

Вскоре в землянику пришли батраки Гогина — два высоких мускулистых парня в длинных холщовых рубахах и штапах. Один из них быстро собрал на стол, и оба уселись за ужин. Ели они много и молча, словно священнодействовали.

Еще проходя по скиту, Артем в сумерках заметил, что все мужчины и женщины были одеты в белые домо-

тканые рубахи, носили онучи и лапти. У мужчин волосы подстрижены спереди челкой, а на затылке до кожи выстрижены проплешины. Бороды косматые, ножницы их редко касались.

Артем, дождавшись, когда батраки покончат с ужином, спросил, как живется в скиту. Тот, что постарше, — это и был Чомин, — не отвечая на вопрос, сам поинтересовался: не жить ли сюда, часом, пришли Артем и его хозяин? И только когда гость объяснил, что зашли они переночевать, так как побоялись ночью идти через болото, Чомин вздохнул и сказал, что в скиту живется неплохо.

Он был словоохотлив, этот Чомин. Второй батрак больше молчал. Видимо, проникшись доверием к неожиданному гостю и, наверное, стосковавшись по собеседнику, Чомин признался, что, посещая село, выучился по складам читать. Желание высказаться оказалось сильнее религиозных предубеждений, недоверчивости и скрытности. Постепенно он обрисовал Артему всю жизнь скита.

— Наверно, видел ты поле перед скитом? Так вот, каждый здесь имеет свою землю, руками ее, кормилицу, всю обрабатывает. А уродила что — отдаем Гогину, он подсчитает и возвратит обратно сколько нужно на прокорм. Ну, само собой, и на его поле работаем.

— Так, выходит, Гогин — вроде помещика?

— Не-е, что ты, он наставник наш, — возразил Чомин. — Мы ему за духовное слово платим. И еще: он из села кой-чего приносит — чай там аль сахару чуток. Заботится! Он и суд вершит: провинился кто, так грешнику и возвестись пособит... Ну, словом, отец он нам родной.

— А не знаешь ты, откуда пришел ваш хозяин? — спросил Артем у батрака.

— Как же, знаю. Из монахов он, говорят под Вологодой жил. Когда власть новая пришла, бежал он оттуда.

Артем вспомнил слова Ерофея о монахе Ферапонте, бежавшем куда-то в скиты. Неужели Ферапонт?.. Но почему именно он? Артем жалел, что вечерние сумерки мешали ему разглядеть лицо Гогина.

Долго еще степенным голосом рассказывал Чомин про жизнь в скиту. И Артему показалось, что батрак на-

смешается и над собой, и над другими жителями скита. Рассказчику вряд ли могли понравиться порядки, которые существуют в их лесном, далеком от всего мира жилье.

У полатей лежала медвежья шкура, на стее были приколочены лосиные рога. Перехватив взгляд Артема, Чомин объяснил:

— Наши скитские — все охотники. Правда, ружей у нас нет, на медведя с рогатиной или с ножом ходим.

Не удалось Артему выпастся в эту почь. Долго разговаривал с Чоминым, потом час-другой, не более, он забылся в короткой дремоте. Проснувшись утром, заспешил. Такой уговор был с проводником — выйти пораньше. Чомин тоже встал, поставил на стол холодных щей.

— Провожать я тебя не пойду, — сказал батрак. — Ты уйдешь, а мне оставаться... Если случаем будешь проходить мимо, заходи на постой. Я, может, еще буду здесь.

Он протянул Артему жесткую, как доска, ладонь и, сняв лампаду, осветил ею, чтобы гость не споткнулся на ступеньках.

Артамон Назарович уже ждал Клевцова возле хозяйского дома, и они пошли дальше.

Вскоре сосны и сухие места кончилось, снова началось болото. На одном из маленьких островков проводник остановился, поджидая прыгавшего по кочкам Артема.

Откуда-то из-под валежника он извлек два трехсаженных шеста и передал их Артему, а для себя достал два других. Затем Артамон Назарович бросил один шест на кочки вперед себя, а второй положил рядом с ним на расстоянии аршина.

— Теперь, Артюша, делай все, что я буду делать. Через гиблые места пробираться будем.

Он встал на четвереньки — ногами на один шест, руками на другой — и пополз боком вперед, передвигая ноги по одному шесту, а рук по другому. Ноги по колено, а руки по локоть были в болотной бурой воде. Добравшись до конца шестов, проводник остался на одном шесте, другой передвинул вперед. И так делал он все время. Артем, обливаясь потом, в точности повторял его движения.

Наконец трясина кончилась, хотя под погами все еще хлюпала вода. Лесник с хитроватой ухмылкой спросил Артема:

— Что, паря, прпустал? Не поправилось наше болото? Ничего, теперь до бурелома недалеко. Дойдем и отдохнем. А от бурелома всего верст тридцать останется. Пошли дальше.

Артем увидел на кочках клюкву. Кислые ягоды приятно свежали рот и, казалось, прибавляли сил. Наконец показалась степа бурелома. Могучие ели и сосны все полегли в одну сторону. Потянуло едкой гарью.

— Недалече лес горит, — проворчал лесник. — А вот это и есть бурелом, — показал он в сторону лесного хаоса. — Видишь, лесище какой, а буря и его повалила, да ни мало ни много, а на десяток верст. Ну вот, мы здесь и пополуднуем. Ищи-ка место посуше.

Они разошлись в разные стороны. Артем, оглядываясь по сторонам, шел по самой опушке поваленного ветром леса. Ему стало не по себе от мысли, что придется продираться через это нагромождение лесных великанов. Впереди он заметил большой, поросший зеленым мхом камень-валун, из-под него журча пробивался родник с чистой, как слеза, водой.

Артем крнкнул проводника.

— Иду, иду, поспешаю! — ответил тот.

Вскоре затрещал маленький костер, и проводник, прилаживая на рогатинках котелок, сказал:

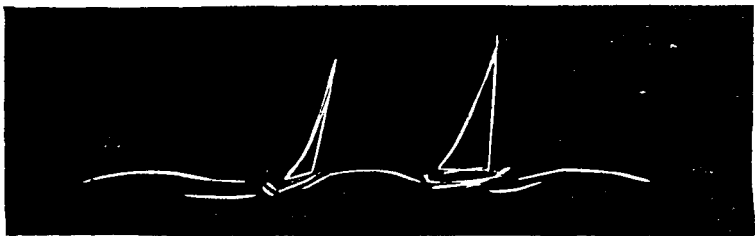
— Ты садись, отдохни. Осталось немного, скоро на место придем.

...К вечеру они пришли в Обозерскую. Здесь Артем тепло попрощался с проводником и пожелал ему благополучного возвращения. Без особых затруднений он доехал до Исакогорки, откуда было рукой подать до Архангельска. В Исакогорке, на явке, чекист получил документы и изменил свой внешний облик.

И вот, стоя на юте парохода «Москва», Клевцов, чуть прищурившись, наблюдал, как приближается Архангельск. Он был спокоен: если уж документы, переданные ему в Исакогорке, не подвели сейчас, при посадке на пароход, то и в дальнейшем можно быть спокойным. Ведь проверяли два белогвардейских офицера и англичанин с амерпканцем — оба капралы. Смотрели чуть не в лулу. Значит, все в порядке.

Артем искоса взглянул на свое отражение в застекленной двери надстройки. Что ж, вполне приличный молодой человек, купеческий сынок или приказчик, пользующийся доверием хозяина. Ездил по делам, сейчас паровозик «Москва» везет его обратно домой.

Сойдя по сходням с маленьким аккуратным чемоданчиком в руках, Артем зашагал по улице. Он не знал, в какую сторону надо идти, и спросил у какой-то старушки, где Приморский бульвар. Она объяснила, и Артем затопил.

ЧАСТЬ

IV

ЗНА

Артем пришел на Приморский бульвар. Здесь в этот ранний час было безлюдно, скамейки пустовали, только на одной из них сидела парочка. Он сразу обратил внимание на мужчину, — на его необычную одежду: берет, костюм цвета хаки, большие штблеты, — и понял, что перед ним солдат или офицер чужеземной армии... Стараясь придать себе как можно более непринужденный вид, Артем прошел мимо парочки, присел недалеко от нее на скамейку и незаметно стал наблюдать за военным и его соседкой. Чужестранец довольно бесцеремонно хватал девушку за руки, смеясь наклонялся к ее лицу и что-то говорил при этом. Девушка хмурилась, все время поправляла платок на голове, наконец оттолкнула руки назойливого ухажера и отодвинулась от него. Солдат решительно поднялся, сказал что-то резкое и зашагал прочь.

Прошло несколько минут, а девушка все продолжала сидеть на скамье, изредка бросая любопытные взгляды на Артема. «Может быть, она и есть связная?» — подумал

он и, помедлив немного, направился к незнакомке. Сев на край скамьи, безразлично посмотрел на соседку и уловил ее внимательный, настороженный взгляд. Тогда Артем решился:

— Извините меня, я первый раз в Архангельске... Вы не помните, в каком году сюда приезжал Петр Великий? — Это была первая часть пароля.

Девушка помолчала.

— Нет, не помню. А почему это вас интересует?

— А как же. Я очень увлекаюсь историей.

Девушка наклонилась к Артему, и он увидел вблизи ее голубые глаза, круглое миловидное лицо. Помедлив, соседка снова спросила:

— Простите, какое сегодня число?

— Десятое, — с облегчением вздохнул Артем.

Теперь девушка улыбнулась, в глазах ее исчезла затаянная тревога. Она протянула незнакомцу маленькую руку:

— Зна. Будем знакомы.

Артем тоже назвал свое имя.

Она встала.

— Пойдемте, так будет лучше.

Они направились к выходу. Связная продолжала говорить:

— Я ужасно волновалась. Только присела — сразу этот американец явился. Я даже подумала, что контрразведка пронюхала... Как добирались?

— Добирался долго. Через леса. А к вам прямо с переезда.

— Знакомые в городе есть?

— Никого нет.

— Хорошо. Пойдемте ко мне. Возьмите меня под руку.

Они пришли к голубеиному домику на берегу реки. Зина проводила его в свою комнату и ушла на кухню готовить завтрак.

Артем чувствовал себя в чистенькой и уютной комнате неловко. Все было здесь непривычным: и пышная белоснежная постель, и чехлы на стульях, и запавесочки, и разное девичье рукоделие. За всю свою жизнь он, кажется, ни разу не бывал в такой обстановке.

Вошла Зина, постелила на круглый небольшой стол скатерть и вновь ушла. Вернулась она уже с тарелкой, полной овсяных блинов. В другой руке была небольшая

мисочка с мелко нарубленными солеными рыжиками в сметане.

— Садитесь, Артем, покушайте. Ведь вы еще сегодня не ели.

— Снасибо, но я не голоден.

— Стесняться не надо, не в гости пришли. Вы как хотите, а я буду есть.

Девушка села за стол, придвинула тарелку. Артем тоже сел. Он сам не заметил, как, разговаривая, принялся за еду.

Разрезая блин, Зина спросила:

— Вам, значит, к Старому?

— Да.

— Жаль, что встретиться с ним можно только вечером.

— Ведь я не на один день сюда. Только вот, где я сегодня переночую?

— Как где? — Глаза девушки стали большими и круглыми. — Здесь, в нашем доме. Не вы первый...

— А я не стесню вас?

Зина засмеялась.

— У-у, какой вы! Не забывайте, что вы здесь по делу и что завтра вам предстоит встреча со Старым. Он решит, где вам жить...

Девушка сказала, что должна уйти по делу и вернется вечером.

— Не скучайте без меня. Почитайте, — она указала на полку с книгами.

Артем посмотрел в окно. Оно выходило в садик, пожухлые, почерневшие листья кучей лежали у глухого высокого забора. Артем перебрал книги на полке, выбрал одну из них, сел на кушетку и углубился в чтение.

Вернулась Зина поздно вечером. Присев на кушетку, она устало вытянула ноги в высоких шнурованных ботинках.

— В Солóмбале была...

Артем смотрел на нее: чуть вздернутый нос, пухлые губы, толстая коса — все это такое еще девчоночье, чистое, наивное. И ежедневно рискует жизнью! Думает ли она об этом?

— Старый сказал, что придет рано утром, около шести часов. Два раза стукнет в окно. Не беспокойтесь, спите, я обязательно услышу.

Зина переобулась в домашние туфли.

— Папа баню истопил. У нас своя баня во дворе... С дороги не мешает вам помыться.

Она вышла и скоро вернулась, протянула Артему сверток.

— Вот, возьмите чистое белье. А потом вам с дороги надо обязательно выспаться. Знаю я, как вы устали...

После того как Артем, отдуваясь, весь распаренный, пришел из бани, девушка постелила на кушетке простыни, принесла одеяло.

— А теперь ложитесь.

Отвернувшись, она ждала, пока Артем будет укладываться.

Послушно выполняя все, что говорила Зина, Артем быстро разделся. Он с удовольствием растянулся на холодной простыне.

Зина хотела уйти, но Артем остановил ее:

— Я не усну, пока не узнаю, что происходит в городе, хотя бы коротко... А потом я сразу усну, — он улыбнулся, — обещаю вам.

— Хорошо! Об обстановке в городе я вам расскажу... — Девушка присела на стул. — Так вот, слушайте. Еще ранней весной стало известно, что Мурманск, Кемь и Сороку заняли десанты англичан, американцев и французов. Никто не думал, что они так скоро придут к нам, но предатели ускорили сдачу города. Засевшие в штабе флота и в гарнизоне изменники даже не затопили в устье реки старые корабли, чтобы закрыть вход в Двину. А это необходимо было сделать.

Артем слушал, боясь пропустить хотя бы одно слово.

...— Дней за десять до этого в Архангельск из Вологды приехали послы Америки, Англии, Франции, Италии, Японии и еще каких-то стран. Они вели переговоры с губисполкомом, чтобы им разрешили остаться в Архангельске на некоторое время. Губисполком отказал. И дипломаты уехали в Кандалакшу, где уже были их войска... Они вели себя пахально, даже выпустили обращение к населению, которое кончалось словами: «В недалеком будущем падемся возвратиться в Архангельск...» Ну, а потом произошел переворот... На рейд встали иностранные корабли. В ресторанах начались банкеты. А для горожан был издан приказ, запрещающий собираться даже на

частных квартирах. За неисполнение — военно-полевой суд. И начались расстрелы...

Опа говорила тихо, словно в раздумье. Артем старался представить себе отца, каким он увидит его завтра, впервые после долгой разлуки... А Зине, наверное, трудно быть всегда настороже, принимать таких гостей, как он, держать связь с подпольем. Артем спросил об этом.

— Конечно, бывают минуты, когда приходится рисковать — просто, без всякой рисовки ответила девушка.

— А родители вам не мешают?

— Отец мой работает кассиром в театре. Вернее, работал, так как теперь театр закрыли. Он, правду сказать, от политики далек, но сочувствует красным, и знаю. Особенно после того, как контрразведка расстреляла одного актера — местную знаменитость — за то, что он до прихода интервентов сыграл несколько революционных ролей. Отец, по-моему, догадывается о том, что я делаю, но молчит... А матери у меня нет.

Разговаривали они еще долго. Наконец Зина поднялась:

— Ну спите! Приказываю!

И Артем, повернувшись к стенке, покорно подчинился ее голосу.

* * *

Артем проснулся рано. В комнате стоял полумрак. За окном шумел ветер. «Который час?» — он потянулся за часами.

В этот момент и раздался легкий стук. Зина услышала его и быстро подбежала к окну. Убрав с подоконника два цветочных горшка, приоткрыв оконную створку, она зашептала:

— Товарищ Старой? Сейчас открою.

Пока Зина осторожно, стараясь не шуметь, открывала дверь, Артем стал одеваться.

Скоро в дверях появился Старой.

Артем шагнул ему навстречу. Отец и сын крепко обнялись и некоторое время, не разнявая рук, всматривались друг в друга... Артем с трудом узнавал лицо самого близкого человека — так сильно изменили его усы и борода, которые, видимо, были отращены в подполье. Но и густые усы не могли скрыть от него сдержанной и милой отцовской улыбки, которую он так любил.

— Значит, вот кого послал сюда вологодцы! — стараюсь говорить тише, произнес наконец Клевцов-старший. — Неплохо придумали! А я, признаться, не ждал тебя... — Он окинул сына сияющим и одновременно придиричивым взглядом. — Хорош. Вырос, окреп... Ну, расскажи, как жилось в Вологде.

Старый повернулся в сторону Зины, но девушка уже вышла из компаты.

Артем рассказал отцу о своей чекнистской работе, о встрече с Дубцом, о Постоико и Вале.

— И вот неожиданно послал сюда.

Клевцов обхватил плечи сына, прижал к себе:

— И замечательно сделали! Как ня говори, Артемка, а вдвоем нам будет веселее... Ну, выкладывай, что привез.

Артем взял пиджак, перочинным ножом вспорол подкладку и подал отцу завернутый в непромокаемую ткань пакет.

— Вот, всё здесь.

Василий Николаевич вскрыл пакет, распрямил и с жадностью стал читать бумаги. Потом поднял серьезные, сосредоточенные глаза на сына.

— Тебе известно, Артем, что ты поступаешь в распоряжение нашего подпольного ревкома?

— Да, отец.

— Так вот. Пишут мне насчет связи. Пользовались мы тайно радиопередатчиком одного военного судна, но контрразведка пронюхала об этом, и судно отиравили подальше, в Архангельск его не пускают. Вот поэтому-то мы и остались на бобах. Наладить связь через фронт — это будет твоя первоочередная задача. Но одному тебе с этим не справиться...

Клевцов помолчал, видимо обдумывая, что надо сейчас делать сыну.

— Я дам тебе явку. Запомни: Архиерейская, восемь, квартира четыре. Пароль: «Здесь живет Иван Петрович?» — «Да, здесь, а вам что нужно?» Второй пароль: «У вас продается кровать?» — «Да, продается, только кровать железная...» Запомнил? Там ты будешь жить. Ну, а сюда, — он осмотрел чистенькую комнату, — сюда заходить не придется. Если надо будет что-нибудь передать, придешь к скамейке, где в первый раз встретились. Но и то не часто...

— По-моему, надо мне связаться с «ноль третьим», — сказал Артем. — И срочно.

— А кто это «ноль третий?» — насторожился Старой Артем рассказал.

— Обязательно свяжись. Но встречь пока не назначай. Встретишься, когда проверим «цепочку».

Старой пояснил. Речь шла о цепочке подпольной связи, которая тянулась вдоль линии железной дороги до станции Плесецкой. На каждой промежуточной станции имелся свой верный человек. Вот эту «цепочку» и надо было тщательно проверить.

— О готовности я дам тебе знать. Понял, Артем?.. Ну, а теперь позови Зину.

Девушка пришла скорой. В своем пестром халатике, плотно облегавшем тоненькую, стройную фигуру, с распущенными по плечам светлыми волосами она выглядела еще более юной, чем обычно. Старой посмотрел на нее, словно увидел впервые.

— Волосы у тебя какие красивые... Как идут дела, певеста?

— Дела? Нормально.

Старой помолчал.

— Трудно тебе?..

Зина вскинула на Старого удивленные глаза, тряхнула волосами.

— Что вы, Василий Николаевич!.. Все у меня идет хорошо.

— Знаю, трудно!.. Всем трудно... Ты знаешь, кто этот молодой человек? — Клевцов кивнул на Артема.

— Знаю.

— Не по паспорту, а на самом деле?

— Догадываюсь.

— Так вот, Зиночка, об этом никто ничего не должен знать. Понила?

— Конечно.

Старой встал:

— Я должен идти, а то опоздаю на работу. — Он снова обратился к сыну: — Связь со мной будешь пока держать через Петровчу, а потом встретимся... Будь осторожен. О Тронхилле слышал? Еще услышишь. Этот «цивилизованный» английский полковник старается всю... Но ничего, скоро мы отправим его туда, откуда явился.

Прощаясь, Клевцов обнял сына, еще раз окинул его строгим взглядом.

— Хорошо все же, что ты прпехал! Молодец! Отдохни хорошенько... Зиночка, проводи меня.

* * *

На завтрак Зина приготовила «завару» — кашу из ржаной муки, облитую сладкой водой на сахарине.

— Вы, паверное, не пробовали такого блюда? — Хозяйка щедро наложила каши в тарелку. — Это, так сказать, блюдо «а ля англо-америкэн». Оно появилось в нашем меню с приходом интервентов...

Артем был погружен в свои мысли.

— Зина, откуда бы я мог позвонить по телефону, но так, чтобы около меня не было посторонних?

— Я думаю, можно из театра. Папа туда ходит каждый день. Днем там никого нет, телефон висит на стене в коридоре. А вам это очень срочно?

— Чем скорее, тем лучше...

Зина сказала, что лучше всего туда пойти через час, когда в театре будет отец. А пока что они могут пройтись по городу, погулять.

Артем согласился.

Они вышли. В этот утренний час деревянные дома показались Артему притихшими, словно ожидающими чего-то. Даже яркое солнце не сделало их приветливыми, веселыми. Многие окна были плотно занавешены, повсюду чернели старые бревна и доски. Чувствовалось, что к покосившимся заборам давно не прикасалась заботливая рука хозяина... Вот из-за угла выпрыгнула пролетка. Пара серых в яблоках лошадей легко несла ее по булыжнику.

— Кто-то из контрразведки, — прошептала Зина. — Иностранец. Но белогвардейцев тоже там, в контрразведке, много...

Они пришли на берег Северной Двины. У самой воды двое парней возились около лодки.

Зина, перегнувшись через деревянные перила набережной, крикнула:

— Федя, иди-ка сюда!

Обернувшись к спутнику, она бросила:

— Не останавливайтесь, я вас догоню.

Артем посмотрел на подхотившего парня; он был приземист, широкоплеч и немного косолап; он улыбался...

Зина догнала Артема почти у самого театра.

Отец Зины — старый человек с длинными седыми волосами и добрым лицом — открыл им дверь театра и ни о чем не стал расспрашивать. Он скоро удалился. Должно быть, не в первый раз старик оказывал эту услугу дочери. Зина и Артем остались одни у телефона. Девушка сняла трубку, послушала и быстро повесила ее.

— Работает, — сказала она и отошла далеко в сторону, оставив Клевцова у телефона.

Подождав немного, Артем снял трубку и тихо попросил номер триста двадцать два.

Отчетливо прозвучал голос:

— Дежурный офицер слушает.

— Это ноль три? — спросил Артем, затаив дыхание.

— Не понимаю вас...

— Когда отдадите карточный долг? — тихо, вкрадчиво спросил Артем.

После короткой паузы он отчетливо услышал:

— У меня деньги есть, но я не знаю, как их вам передать.

Радостно забилося сердце.

— Я меняю квартиру и сообщу, куда приехать.

Артем, повесив трубку, глубоко передохнул, словно сбросил большую тяжесть.

НЕЖДАНАЯ ВСТРЕЧА

В этот же день, попрощавшись с Зиной, он пошел по адресу, данному отцом. Хозяин, видимо, ждал его прихода и провел агента в малюпкую комнатушку, показал второй выход — на соседнюю улицу. Артем поставил в угол комнатки свой чемоданчик, и переезд его был завершен.

Сапожника Ивана Петровича постоянные клиенты называли Петровичем. Был он небольшого роста, с сединкой, сутуловатый, носил очки, державшиеся не на оглобелках, а на веревочках. С виду был он тих, со всеми вежлив. Во рту, как и положено сапожнику, почти всегда торчали деревянные гвоздочки. Сидел Петрович на низеньком табурете, обитом крест-накрест кусками кожи. Старая обувь навалена была в углу.

В домик к Петровичу приходило много народу. Приносили износившуюся обувь — новую достать было трудно. Ставил сапожник заплатки недорого и добротнo, от работы никогда не отказывался. Любил, когда бывало много клиентов. Чем больше посещало людей, тем легче и незаметнее мог прийти и пужный человек. Оставшись наедине с мастером, такой человек говорил пароль, и хозяин кивком головы направлял его в заднюю комнату-камерку.

В городе пмелось несколько таких незаметных «Петровичей». К ним шли люди, переправившиеся через фронт, люди, скупые на слова, не любившие объяснять, кто они, откуда и зачем пожаловали. Да их об этом и не спрашивали. Пришельцы от них, от «Петровичей», державших явочные квартиры, выходили в одежде портовых грузчиков, рыбаков, железнодорожников; выходили, твердо уверенные в непогрешимости своих новых документов; и они никогда не возвращались, чтобы пожаловаться на качество «ремонта».

Были и другие «заказчики». Тем наскоро стригли волосы. Переодетые и преображенные, они исчезали, продолжая свой путь из тюрьмы на свободу.

Через несколько дней после своего поселения у Петровича Артем по указанию Старого получил в городской управе документы на открытие рыночного ларька. И вот он обосновался на рынке, куда мог прийти кто угодно и когда угодно — не только покупатели, конечно. Подпольная организация аккуратно снабжала его товаром — мелкой галантереей.

День на базаре начинался вместе с заводскими гудками и первым трамваем. Народу толкалось здесь много: кто хотел продать какое-нибудь барахлишко и приобрести проросшей ржи или прошлогодней картошки, кто приходил, чтобы обменять выловленную рыбу на одежду или чиненные сапоги. Торговля шла шумно, с криками, похвальбой, бранью. Здесь же в толпе бродили английские и американские офицеры и солдаты. Их было множество. Одни спекулировали лаковыми пачками сигарет «Ласка» или табаком «Антанта» в жестяных коробках, доставая их из туго набитых ранцев, висевших за спиной. Другие не стеснялись предлагали казенное обмундирование, начиная от фуражек и кончая лыжными ботинками «шекльтонами».

На узком прилавке у Артема лежала разная мелочь: брошки, кольца, духи, крестики, иконы, ленты, бусы. Продавец знал: из-за такого товара никто в очереди стоять не будет. Это было хорошо — к ларьку мог спокойно подойти нужный человек, потолковать, не боясь сердитых окриков: «Эй, не задерживай очередь!» — а часто и забрать пачку листовок.

* * *

Весна 1919 года была дружная и теплая. Артем возвращался домой. Над ним светилось северное белесое небо — в самом разгаре были белые ночи. Он шел, наслаждаясь вечером, жадно вдыхая мягкий, ароматный воздух...

В центре города Клевцов заметил, что за ним кто-то идет. Обостренное чутье подпольщика подсказало ему, что это не случайный прохожий. Несколько раз он останавливался — якобы прикурить, — и каждый раз шаг идущего вслед за ним замирали. Надо было во что бы то ни стало оторваться от шпика. Но как назло поблизости он не знал ни одного проходного двора. Дойдя до какого-то переулочка, Артем скользнул в него и увидел, что это — тупичок. Надо же, чтобы так все получилось нескладно! Артем затаился. Нет, не слышно шагов: верно, шпик прошел дальше. Артем свернул за угол и... лицом к лицу столкнулся с преследователем, в котором сразу же узнал бывшего полицейского шпика Мишку Косого. Тот, ухмыляясь, поприветствовал его ручкой:

— Здравьте!.. Узнал-с?.. Что же не обрадовался?..

— Это ты за мной шел? — спросил Артем. — Я и впрямь испугался — со мной деньги...

— Из-за денег, значит, испугался?

— А то из-за чего еще?

— А я тебя сразу же признал. Все же старый знакомый, вместе когда-то чай распивали...

Артем понял, что от Мишки Косого сейчас никуда не деться, надо перехитрить его, узпять, что он успел выведать, надо из дичи превратиться в охотника... Но как?

— Я здесь недавно, — как можно беспечнее сказал Артем. — А ты что тут делаешь?

— Интересуешься?! Я, брат, высоко летаю! Служу-с.

— Чего же! Очень это хорошо.

— Хорошо, хорошо!.. — рассвирепел вдруг Мишка Косой, задетый чем-то в тоне, каким разговаривал Артем. — А то тебе известно, что я такую, как ты, красную сволочь во Мхи отвожу и сам кончаю?!

— Ошибаешься, — приняв обиженный вид, сказал Артем. — Какой я красивый? Откуда взял? Ты поосторожнее...

— А почему ты убегал, по улицам плутал? Оторваться хотел, а?.. Видно, яблоко от яблони недалеко падает...

Пропустив мимо ушей последние слова Косого, Артем продолжал разыгрывать оскорбленного:

— Говорил же тебе, грабителя боялся... Деньги у меня, и не малые...

Заметив жадный блеск в глазах Косого, Артем добавил:

— Я ведь человек торговый...

Мишка хмуро смотрел на Артема, не зная, верить ему или нет.

— Вижу, не веришь ты мне... — Артем вытащил из кармана пачку денег — он как раз собирался передать сегодня недельную выручку Петровичу.

Деньги были разные, больше, конечно, местные «моржовки», но попадались и доллары, и фунты. Мишка, не отрываясь, смотрел на радужные бумажки. Однако настояренность его не прошла.

— А чем ты докажешь, что ты не красный? — спросил он, вздохнув.

— Чем? Хочешь, пойдем к самому Тронхиллу?

— К Тронхиллу? — удивленно хмыкнул Мишка Косой. Но видно было, что он заколебался.

— Знаешь, чем ссориться, закатим-ка лучше в ресторан, — предложил Артем. — Носидим, потолкуем, как старые приятели, а?

— Уважил ты меня, брат!.. Все же, вологодские, свои. А?..

Артем не ожидал, что Косой так быстро согласится. Он не успел обдумать как следует свое предложение, а сейчас стал в тупик — что же дальше будет? Впрочем, можно папоть Косого и незаметно уйти. Но Мишка ведь не забудет о встрече и завтра же снова начнет разыскивать Клевцова. Может, и видел он его в ларьке?

Тем временем они вышли на Троицкий проспект. Народу здесь было много — горожане, офицеры, спекулянты,

девицы легкого поведения. Они прогуливались, заводили знакомства, переходили из одного ресторана в другой. Артем бывал здесь иногда. В этой толпе можно было невзначай подслушать интересный для подпольщиков разговор, из обрывков фраз узнать о делах на фронте, в городе...

Шагая рядом с Косым, Артем приосанился, напустив на себя независимый вид бывшего гуляки. И вдруг на другой стороне улицы он увидел знакомую фигурку. Да, конечно, это была Зина. Она шла по краю тротуара, хорошо одетая, с сумочкой в руке. Молодая, красивая... Артем сказал своему спутнику:

— Зацеплю-ка я девушку, веселее будет...

— Нам бы выпить...

— С девушкой интереснее. Я, брат, теперь такой: раз-два — и любую зацеплю... Ты не думай, никуда я не денусь...

Косой стал следить, как Клевцов пересек улицу, окликнул красивую девушку. Та остановилась, спокойно выслушала прохожего, что-то сказала, затем рассердилась и чуть не ударила наглеца, — тот отскочил от нее в сторону! «Не вышло! — весело подумал Мишка Косой. — Сплоховал вологодский. Молодой еще, зеленый. От меня не ушла бы...»

А произошло вот что.

Артем, остановив Зину, проговорил:

— Не удивляйся. Со мной шник, который знает меня с Вологды. Я наврал ему про себя и веду его в ресторан. Он очень опасен, хотя и глуп. Надо как-то отделаться от него. Любым способом. Поругайся со мной, будто я к тебе пристаю...

Зина ответила сразу:

— Приведи его на берег к лодкам. Там будут наши ребята. Но не раньше, чем через час. Будь осторожен...

Изобразив на лице негодование, она оттолкнула Артема и быстро пошла дальше.

Артем «опечаленный» вернулся к Косому. Тот расхохотался.

— Ну и отшила тебя эта красотка!

— А, черт с ней, — Артем лихо сплюнул. — В ресторане и не таких найдем... Больно дорожится собой...

В ресторане веселье было в полном разгаре. На эстраде неистовствовал оркестр. Со всех сторон слышались

возгласы подвыпивших, иностранная речь, жепский смех и визг.

Места были все заняты. Только в глубине зала, у запасного выхода, пустовал столик. Артема это вполне устраивало. Он спросил у Мишки Косого, что он будет пить-есть...

— Давай заказывай, не жалея...

Офицант принес две бутылки коньяку, как он сказал — «настоящего Шустова», и английского «шерри-бренди». Закуска еще не была подана, а Мишке уже не терпелось. Он налил коньяк в самый большой фужер, потянулся, чтобы налить и Артему, но тот мягко отвел руку:

— Подожду закуску...

Мишка опрокинул фужер в рот, поморщился и вытер губы рукавом. Глаза его стали влажными, слегка помутнели. Рука дрожала, когда наливал себе вторую. Он покровительственно похлопал Артема по плечу. Кажется, на какой-то миг у него вновь вспыхнуло подозрение, но коньяк уж очень заманчиво светился... Одного взгляда на него было достаточно, чтобы Артем показался Мишке самым лучшим другом.

— А помнишь Вологду, Тихона, Багрова? Черт побери, вот время было!.. А сейчас мы с тобой вышли в люди, а? Господа... вот коньяк хлещем...

Косой стал хвастливо рассказывать, что в контрразведке он не на последнем счету. Сам Тронхилл однажды поздоровался с ним за руку и пообещал хорошую награду, если он отыщет на лесозаводе большевиков.

Мишка налил еще коньяку и доверительно захихикал.

— Тут я недавно одну большевичку застукал. Фамилия вроде Сильман. Красивая такая баба! Ну, натурально, стало быть, арестовал ее — и в участок. А потом, как миленькую, отвел во Мхи... И стрельнул: пиф-паф!

Артем до боли стиснул под столом кулаки. На Мишку он старался не смотреть. Казалось, взглянет — и уже не удержит себя, схватит за горло и задушит здесь же, в ресторане... Артем молчаливо палил Косому и себе, отпил глоток, остальное незаметно вылил под стол. Пить он не умел и опасался.

Шпик продолжал что-то рассказывать, но Артем уже не слушал, его тревожило одно — достаточно ли пьян Косой, речь его стала совсем бессвязной.

— Миша, ну за дружбу, еще по одной... Ну, пей...

Косой что-то мычал, затем вдруг опустил голову на стол. Уснул, что ли?..

Несколько минут Артем сидел, разглядывая зал. Ресторан шумел, трезвых уже почти не было. Что ж, можно и уходить... Да, пора...

Он расплатился, обхватил Косого за талию и вынес из ресторана. У подъезда дежурили извозчики.

— На Архиерейскую! — приказал Артем, с трудом усадив пьяного в коляску. Извозчика он отпустил недалеко от берега и, взвалив, как тюк, Косого себе на спину, прошел дальше, затем спустился к воде.

Возле полузатонувшей у берега баржи сидели трое парней. Приглядевшись, Артем узнал среди них Федю. С ним был его лучший дружок Вася Новожилов.

Он положил Мишку на песок. Шпик не просыпался, только улегся поудобней, ноложил под щеку кулак.

— Кто это? — хмуро спросил Федя, наклоняясь к пьяному.

— В полиции у него была кличка «Косой». А какая сейчас — не ведаю...

Артем рассказал приятелям все, что знал о шпике.

— Что же делать будем с ним, ребята? — спросил Федя.

— Придется утонить! — сказал один из его помощников.

— Это будет справедливо, — добавлял другой парень. — Рыбам на съедение. У-у, гад, и не просыпается. — Он ударил шпика в бок.

Мишка перестал храпеть и вдруг сел. Чуть приоткрыв глаз, выругался; потом с трудом поднял веки и закрестиллся.

— Господи Сусе... Где я?

Все молчали.

— Господи! — громко рыгнул Косой и попробовал встать.

— Сиди, пес шелудивый. Ты, может, когда-то был человеком, а сейчас ты падаль, — крикнул Федя.

Косой закрестиллся.

— Да кто вы есть? — крикнул он, поднимая мутные глаза на парней и на Артема. — Артемка, скажи!

— Мы судим тебя за все твои темные дела. — Федя показал на Артема: — Он нам все рассказал,

— Братцы! — крикнул Косой отчаянным голосом, все поняв. — Не губите, братцы!.. Артемка, смилуйся!

Он окончательно протрезвел.

— Не губите душу христианскую... детки у меня...

— Нотише, не орп... Ишь ты, детки, — промолвил Артем, с отвращением глядя на Косого. — А ты хоть раз пожалел чужих детей, когда, гад, людей увечил, убивал? Ты пожалел Раю Сплъман, когда издевался над ней в участке? У нее двое маленьких детей осталось!.. Ребята, вяжите его...

Артем подумал о том, что сам только что едва ушел от мук и смерти, которые ждали его в застенках контрразведки. Он вспомнил Вологду, вспомнил Тихона и как его поучал Косой, когда они отправлялись на погром: «Гпрьку захвати»... Нет у него и не может быть жалости к этому человеку, да и был ли он человеком, этот Мпшика Косой, лежавший сейчас связанным на дне лодки. Не могло быть пощады подлой ищейке! Пощадить его — и он снова будет предавать и убивать.

Оттолкнув с силой лодку, Артем прыгнул в нее вслед за Федей и парнями.

Вскоре она вновь причалила к берегу. Шлика Мпшки Косого в ней уже не было.

ПРОГУЛКА НА ЯХТАХ

Артем встречался с отцом изредка, только тогда, когда этого требовали дела. Встречи назначались через Петровича то на лесопильном заводе, где Старой работал мастером цеха тарной дощечки, то на каком-нибудь людном перекрестке, то у входа в кинотеатр. Клевцов сообщил сыну, что связь по «цепочке» проверена и что теперь он может свидеться с разведчиком. Встреча с «ноль третьим» состоялась...

Вскоре Артем снова встретился с отцом, на этот раз у той скамейки на Приморском бульваре, где впервые увидел Зипу.

Отец был уже на месте и ждал его. В хорошем новом костюме с жилеткой, в котелке, он был похож на купца среднего достатка. По-приятельски, широким жестом протянув руку Артему, Старой пригласил его сесть с собой рядом.

— Ну, рассказывай... Что это у тебя за история полу-

чилась с твоим... знакомым, — начал он сразу с вопроса, который его беспокоил.

Артем рассказал отцу о своей неожиданной встрече с Мишкой Косым и о том, как вынужден был отделаться от него.

— Везет же тебе, Артемка, со старыми знакомыми, — отец потрепал его волосы. — А он точно работал на этих... хозяев?

— Он сам сказал.

— Ну и что же? Похвастать мог. А может, запугать хотел.

— Нет, работал. Он проболтался, фамилии назвал, говорил, что сам расстрелял одну подпольщицу...

— Кого же это?.. Только тише.

— Раю Сильман.

— Так это он! — отец ударил кулаком по колену. — Ух, гадина!.. Значит, нет нашей Раи. Если бы ты знал, какой это человек был!.. А вы не допросили этого гада подробнее?

— Нет, надо было торопиться.

— Это так, но допросить тоже надо было. Он бы мог многое рассказать. И провокаторов назвал бы...

Артем передал отцу слова Косого о том, что в контрразведке заинтересовались лесопильным заводом.

— Вот видишь! Для нас это, конечно, не новость, но все же...

Артем смущенно молчал. Отец спросил:

— А как вы его... «искупали»?

Что ответить на этот странный вопрос? Артем с удивлением посмотрел на отца.

— Привязали камень?

— Н-нет, связали просто...

— Зря... Юнцы вы, — отец поморщился, вздохнул. — Учить вас надо. Кончить смогли, а не смекнули насчет этого...

Старый положил руку на плечи сына, прижал его к себе.

— Вот, Артемка, школу какую пришлось тебе проходить. Что же делать? Учись!

Ласка отца согрела сердце Артема, и он стал рассказывать о встрече с агентом «ноль три», о ребятах, с которыми пришлось так неожиданно познакомиться на берегу реки.

— Кто они, отец, почему им Зина так доверяет?

— Много знать хочешь, — шутливым тоном ответил Старой. — А впрочем... теперь вы уже познакомились. Зина связана с подпольной группой молодежи, которая нам сильно помогает. Федя Русанов — сын нашего подпольщика, портового грузчика; есть там и школьники. Поинтересуйся их работой, помоги... Только осторожен будь, о себе поменьше говори.

— А с Зиной можно встречаться?

Старой сделал большие глаза, неопределенно хмыкнул.

— Сам должен знать. Ты же подпольщик.

Некоторое время он наблюдал за присевшим недалеко от них франтоватым молодым человеком, потом повернулся к сыну.

— Смотри, Артем, не влюбись... Невеста есть у тебя? Ты мне об этом никогда не говорил.

Артем слегка покраснел.

— Нет, отец.

— Не подумай девушек обижать... Ты знаешь, кто такая Зина? — спросил вдруг Старой. — Она, как и ты, в бедности росла, много работала. А брата ее во Мхах расстреляли... Ну, идем, пора.

Клевцов решительно встал со скамейки и, подхватив сына под руку, пошел к выходу.

* * *

В воскресенье небо с утра заволокло тучами, но к полудню они разошлись. Артем запер ларек, вышел на улицу и на ходу прыгнул в трамвай, идущий по Троцкому проспекту. При повороте на Архиерейскую улицу он соскочил с подножки и вышел к Двине. Здесь у самой воды лежала баржа: ее вынесло на берег во время весеннего паводка, и сейчас один борт высоко поднялся над землей, а другой опустился к самой воде.

По доске Артем поднялся на борт. Федя и Зина уже были здесь, они лежали на спине, блаженно подставив солнцу лица.

— Ребята пришли? — спросил Артем, пачав раздеваться.

— А как же! — Федя показал рукой на купальщиков.

— Ну, тогда давайте. — Он прыгнул в воду.

За ним бросились в реку Федя и Зина, еще несколько человек. Когда Федя оказался рядом, Артем спросил:

— Все, кажется? Давайте на середину...

Плыли паперегонки. Потом выровнялись, и ребята окружили Артема. До берега было уже далеко.

— Ну, все здесь? — Артем, подгребая руками, тихо заговорил: — Будем знакомы. Я от Старбго... Расскажите, как идут дела... Только коротко...

Один за другим ребята заговорили о том, как проходит вербовка в группу сочувствующих. Организация заметно росла. Какая-то девушка — ее звали Соня — сообщила, что имеет возможность поступить в контрразведку машинисткой и попросила «дать согласие».

— Хорошо, я узнаю, Соня... На себя это взять не могу... — Артем повернулся на спину, так было удобнее разговаривать. — Комитет нуждается в вашей помощи... Задания будут...

Вода медленно несла легкое тело.

— Работать будем пнтерками... Явка, товарищи, на базаре, в моем ларьке. Федя и Зина знают. Если я куда-нибудь уйду, пишите на стене первую букву своего имени... Еще одно: нам нужны документы... Доставайте. Но зря не пискуйте...

Артем, набрав воздуха, окунулся с головой; вынырнув, отфыркиваясь, отбросил волосы, заговорил снова:

— Я вам дам кое-какую литературу... Прочитайте ее с членами нятерки.

Артем ударил рукой по воде и окатил брызгами Зину...

— Догопайте, Зина и Федя! — он саженьками поплыл в сторону.

Вскоре Артем, Зина и Федя оторвались от остальных. Клевцов поплыл медленнее.

— Ладно, сдаюсь... Ляжем на спину... Так вот, дело какое...

Он рассказал, что Старбй поручает им доставить в город оружие. Сейчас оно паходится на двадцать пятой версте вверх по Двине. Там ждет человек. Оружие нужно забрать и перебросить оттуда в Архангельск.

— На ихтах можно... — сказала Зина. — Возьмем две яхты.

— И я так думаю, — согласился Артем. — Федя возьмет свою пятерку и все организует.

— И я поеду, — крикнула Зина.

— Если ревком согласится...

— Согласия я добьюсь... Я ведь яхтсменка! Под парусами не раз ходила... Даже в горло Белого моря...

— Верно, — вставил Русанов, — Зина могла бы первенство города держать.

— Хорошо. Но без разрешения Старого пельзя, — твердо сказал Артем. — Операция рискованная. Сами понимаете. Попадёмся — расстрел... Ну, поплыли назад.

С баржи им что-то крикнули, но они плыли на спине и ничего не разобрали. В пене высоко-высоко были видны легкие мазки перистых облаков...

— Черти, башку разобьете! — услышал вдруг Артем чей-то вопль. Сразу перевернувшись, он увидел близко от себя черный борт баржи... В самом деле, не раздайся этот крик, врезались бы они головами в мореные, скользкие бревна!

* * *

Яхты когда-то, наверно, были похожи на белокрылых птиц. А теперь краска на них облезла, паруса уродовали большие заплаты из мешковины. Федя и его пятерка — все ребята из порта — возились с такелажом. Артем приглядывался, иногда пытался помочь, но его отгоняли — не путайся в ногах, если ничего не смыслишь.

Артем почти не спал в эту ночь. Лег поздно, провожал двух товарищей, бежавших из тюрьмы. А потом боялся проспать: ведь условились встретиться на берегу в три часа, когда станет совсем светло.

Зина явилась в свежевыглаженном матросском костюме, в чуть сдвинутой набок бескозырке. Артем скрытно любовался ею и жалел, что пришел в латаных холщовых штанах и тапочках.

— Здравствуйте, Артем! — голос у Зины тоже был какой-то по-особому чистый и свежий.

Артем вспыхнул от удовольствия и так крепко сжал ее руку, что девушка вскрикнула:

— Ой! Я же знаю, что вы сильный, зачем же пальцы ломать? — Зина подула на маленькую руку. — Как медведь... — И окинула парня пасмешливым взглядом. Он смущенно отошел в сторону, спросил Русанова:

— Все в порядке?

— Вот эта пойдет головной. — Зина вскочила на палубу одной из яхт, прошла по борту, ловко балансируя руками. — Федя и Артем, я зачисляю вас в свою команду. Будете моими матросами! Артем, а вы когда-нибудь ходили на яхте?

— Нет, ни разу — ответил Клевцов. — Яхты видел в Финском заливе. На них только буржуй катались. — И подумал: «Что это сегодня происходит с девчонкой — словно бес в нее вселился!»

Зина соскочила с палубы и, подбоченясь, остановилась перед Артемом.

— Так, по-вашему, я буржуйка, да? — она засмеялась. — Да? И все-таки я уже четыре года хожу на яхтах...

— Эй, дамочка! Хватит болтать! — крикнул Зине Русанов. — Расхвасталась. У нас уже все готово.

— И мы готовы! — откликнулась Зина.

Федя вытер руки тряпкой, еще раз осмотрел яхты, потом мотнул головой в сторону верховья:

— Что ж, пошли!..

Ветер был попутным. Паруса сразу выгнулись, натянулись и легко потащили яхты против течения. Под бортом зашлепали мелкие округлые волны, за кормой зацепилась узкая водная дорожка.

Зина сидела на руле. Федя держал в руках шкоты и управлял парусами. Яхта начала терять ветер.

— Лево руля!

Зина легко повернула руль, и парус снова колесом выгнул залатанную грудь.

Город остался позади. Яхты держались ближе к левому берегу, поросшему кустарником и мелкими, чахлыми деревьями. Течение стало сильнее, и ход убавился. Три буксира, один за другим, без труда обогнали их... Позади слышался стрекот мотора, он становился все громче и громче и, наконец, с ними поравнялся патрульный катер. Стоявший возле рубки человек в морской форме поднес рунор ко рту и крикнул:

— На яхтах!

— Есть на яхтах! — сложив ладони раструбом, солидным голосом отозвалась Зина.

— Куда курс? Зачем? — продолжал спрашивать человек с катера.

— На прогулку, в лес!

Человек наклонился к раскрытой двери рубки, потом заговорил опять:

— Предупреждаю: дальше тридцатой версты не ходить. Сторожевой пароход может обстрелять.

— Только и знают — расстрелять, обстрелять... — проворчал Федя. — Вот собаки!

— Дальше не пойдем. Там и мест хороших нет, — продолжала вести переговоры Зина.

Человек на катере снова повернулся к рубке, видимо с кем-то советуясь. Прошло несколько минут, и снова заговорил рупор:

— Чьи яхты?

— Купеческого клуба «Чайка», — крикнула Зина без промедления и приветливо помахала бескозыркой.

Теперь должны были проверить документы. На этот случай Артем заготовил нужные удостоверения. Но патрульные не стали придирается: может быть, их убедил голос Зины.

— Добро! — рывкнул рупор. На катере застрекотал мотор, поднимая бурун, патруль повернул назад.

Артем облегченно вздохнул.

— Значит, застава на тридцатой версте...

— А вдруг и на двадцать пятой есть, а? — Федя на мгновение даже ослабил шкоты.

— Ну и что ж? Выкрутимся, — Зина сказала это таким лихим тоном, что все рассмеялись.

Через час показалась вышка. На решетчатом щите возле нее виднелась полустертая цифра «24». Путь подходил к концу... Солнце стояло в зените, сильно припекало. Прибрежный лес окутало марево. Откуда-то тянуло горьким запахом горелого леса. К нему примешивался терпкий аромат разогретой смолы. Берег реки был невысоким, но обрывистым. Густой лес близко подступал к воде. Это уже начались места, о которых Артему говорил отец.

— Делай, как мы! — крикнул Федя товарищам, сидевшим на второй яхте.

Головная яхта подошла к берегу и носом ткнулась в узловатые корни, свесившиеся в воду. Русанов опустил парус, только маленький кливер громко хлопал на носу. Артем прыгнул на берег, схватился руками за кусты, подтянулся. Неслышно подошла вторая яхта и замерла, прижавшись к борту головной.

Клевцов пошел в лес, но не успел в него углубиться.

— Э-гей, — раздался тихий оклик из кустов. Артем вздрогнул от неожиданности, прислушался. Из кустов вышел человек в черном ниджаке, сапогах и кепке...

— Васька Пудов! Дружок!

Через секунду они уже обнимались.

— Где свиделись, а? — волнуясь, говорил Пудов. — А ведь я так и думал, что встретимся. Когда я узнал, что сюда человека хотят послать, то Дубцу покоя не давал: пошлите, мол, меня, лучшего не найдете. Говорил ему, что хороший дружок у меня в Архангельске есть, с которым повидаться падо. Уговорил же! Дубец и другие чекнысты тебе привет передают.

— Спасбю! Как не встретиться — все мы одной веревочкой связаны... Так ты, черт такой, значит, и есть тот человек, которого мы здесь должны найти?

— Уж этого я не знаю, Артем. Не понимаю, о чем ты. — Василий даже отстранился от приятеля.

— Ну, а если я скажу: «Вы Старому гостинцы привезли?»

— Тогда другое дело. Я отвечу: «Да, я. Только гостинцев пока немного».

— Значит, еще будут?

— Да, будут. Только дядя не знает, с кем он их пошлет.

— Ну вот, — засмеялся Артем, — теперь-то, леший ты этакий, все в порядке?

— Да, теперь в порядке. — Пудов от избытка чувств снова обнял Артема. — Как живешь-то, дружище?

— Увидишь сам, чего рассказывать. Давай покажи, где ящики. Будем грузить.

Артем побежал за ребятами.

Пудов повел их в самую чащобу. Там, заваленные ветками, лежали четыре длинных ящика и оцинкованные коробки. Драгоценный груз осторожно спустили в яхты, тщательно укрыли брезентом и ветками незрелой калины. Зина в это время следила за рекой.

— А теперь, друзья, хорошо бы и в самом деле ягод каких-то пособирать, — сказал Артем, когда работа была закончена. — Как-никак, ведь за ними же мы сюда приехали.

Молодежь разбрелась по лесу. Зина, видя, что Артем встретил знакомого, тоже ушла.

Друзья сели на обрыве, свесив ноги. Внизу стояли яхты, покачиваясь на ленивой волне. Вася стал рассказывать о себе. В первых числах августа прошлого года он был назначен комиссаром первого Вологодского советского полка. Сражался полк на железной дороге Вологда — Архангельск. После жестоких боев интервенты и белогвардейцы были остановлены возле станции Обозерской.

— Понимаешь, Артем, удивительное дело. Наши красноармейцы — почти необученные, голодные, полураздетые, а у них — кадровые, прекрасно вооруженные солдаты, к тому же численное превосходство. И, однако, несмотря на все старания, американцы не смогли продвинуться ни на шаг! Злость большая у наших на интервентов!

Пудов помолчал, вспоминая пережитое.

— В полку было много наших, питерских... Была дивчина Настя, сигаретница с фабрики «Гаванера». Ты ее не знаешь. Погибла она геройски — фланг батальона пулеметом прикрывала. В бою ее окружили. Много положила она белых, но и сама погибла. Мы ее на станции похоронили, памятник поставили. Доведется быть на Обозерской — навести... Да, много погибло хороших людей.

— А к нам ты надолго?

— Приказ имею вернуться. Только со Старым повидаюсь, передам ему кое-что и обратно. Верно, снова по реке придется пробираться.

Пришли Федя и Зина с полными лукошками ягод. Скоро собрались и остальные. Солнце садилось за деревьями.

Обратно шли по течению. Ветер переменялся, и яхты бежали быстро, словно чувствовали, что спешат домой...

Снова навстречу им вышел патрульный катер, но, увидев, что это те самые спортсмены из «Чайки», которые раньше поднимались вверх по реке, охранники ушли в сторону.

Наступили уже сумерки, когда яхты с оружием причалили к берегу. Вокруг было пустынно. Только возле воды, за кустами, стояли подводы. Несколько человек быстро подхватили ящики и коробки. Подводы выбрались на мостовую и поехали в сторону города.

БУДНИ

Торговые дела Артема шли хорошо. Особенно бойко работал ларек в базарные дни, когда деревенские молодухи, раздобыв «лишнюю копейку», бросались на галантерею как мухи на мед. Артем внимательно следил за всем, что делалось вокруг, за темп, кто вызывал его подозрение, за иностранцами, которые чаще всего появлялись здесь компаниями, вели себя шумно и развязно.

После «прогулки» на яхте Зина зачастила на базар. В короткой голубой жакетке, в соломенной шляпке на голове, она всякий раз проходила мимо ларька и, раскачивая сумку в руке, незаметно бросала Артему приветственную улыбку. Артем радостно следил за ней, за тем, как она направлялась к торговкам, приценивалась, покупала овощи, продукты... Иногда Зина, уже с полной сумкой, подходила к ларьку. При людях она молча разглядывала и перебирала разложенный на прилавке товар, с любонитством, смешливо прищурив глаза, наблюдала, как Артем ловко разговаривает с покупателями, принимает и отсчитывает деньги. Она и сама всегда что-нибудь покупала — то десяток пуговиц, то катушку ниток или флакон духов, — и видно было по ее лицу, что эта игра доставляла ей истинное удовольствие. Когда Артем бывал один, Зина передавала ему сведения по работе, вместе с покупкой принимала от него пачку новых листовок.

Но вот Артем заметил, что девушка перестала ходить на рынок. С затаенной тревогой следил он за каждой голубой жакеткой и соломенной шляпкой, мелькавшей в толпе, но Зины все не было. Шли дни, и вдруг он снова увидел Зину. Как обычно, прошла она мимо его ларька и бросила ему на ходу чуть заметную приветственную улыбку. Он заметил, что лицо ее изменилось — как-то поблекло, похудело, вокруг больших глаз лежали тени. Его охватили нежность и жалость... «Что это с ней — на себя стала непохожа!» — подумал он.

Девушка, как всегда, сделала хозяйственные закупки, потом подошла к ларьку. Артем склонился над прилавком:

- Что с тобой, Зина, куда ты пропала?
- Ничего страшного. Просто ангина прицепилась.
- А я беспокоился, думал...
- Забрали?

Девушка взяла с прилавка пуговицы и стала перебирать их в руке, искоса поглядывая на Артема.

— А ты... соскучился по мне?

От неожиданности Артем смеялся и буркнул что-то невнятное в ответ. Зина все так же перебирала в руке пуговицы.

— Нет, ты скажи мне... Ты скучал без меня?

Смятение охватило Артема, и, глядя в глаза девушке, он проговорил:

— Конечно скучал.

Зина вздохнула и перешла на обычный тон. Оглядываясь по сторонам, сказала:

— Старый передает тебе привет.

— О, ты его видела?

— Да, он просил быть особенно внимательным. Есть сигналы... Давай, Артем, что у тебя.

Артем передал Зине листовки. Вручая пакет, он, уступая neodолжному чувству, захватил ее маленькую руку и крепко сжал в своей руке:

— Береги себя, Зина...

* * *

Сентябрь принес сильные ветры и затяжные дожди. На базаре стояли огромные лужи, было грязно.

По всему чувствовалось, что интервенты собирались покинуть негостеприимный край, — их солдаты и даже многие офицеры продавали с себя все, что было возможно.

Как всегда, Артем с утра открыл ларек и, облокотившись о прилавок, со скучающим видом поглядывал вокруг. Лил сильный дождь, и покупателей почти не было. Торговля последнее время стала хуже: интерес к галантерее в эти тревожные дни уменьшился, а подпольщикам было не до того, чтобы аккуратно снабжать ларек ходовыми товарами.

Два голоса привлекли внимание Артема. Он прислушался:

— ...Почем продаешь?

— На сахар меняю...

— Продай на деньги...

— Что, на «моржовки»?

— Да... А что? Тоже ведь деньги...

— Да пет, голубчик! Мне твоих «моржовок» даже стены оклеивать не надо...

— А на доллары?

— Это другое дело... Пойдем, где нотише, договоримся...

Артем усмехнулся: вот уж, действительно, не деньги, а одно наказание, эти «моржовки», выпущенные правительством Чайковского. Никто не хочет брать «моржовок». Даже малоразборчивый и жадный пристав Цибик принимает взятки чем угодно, только не этими бумажками.

Около полудня у ларька появился в промокшей куртке Федя.

Подмигнув Артему, он наклонился над прилавком:

— Дело есть.

Федя рассказал Артему, что подслушал разговор солдат в пивной; они говорили о том, что американцы заминировали склады на Бакарице.

Федя хитровато прищурился:

— Давай, обезвредим мины... чтоб все это добро Красной Армии осталось. Там же богатство какое!

— Как «обезвредим»? — Артем недоверчиво посмотрел на Федю. — А если солдаты спяну набрежали? Да еще падо знать, где мины?

— Ну, а если я знаю?.. — прошептал парень.

— Ходил уж туда? На свой страх и риск?

— А ты не сердись... Я просто заметил, где там копали. Так пойдем? Сегодня, как стемнеет. Как раз и погода подходящая.

Артем подумал.

— Если скажут «добрó». Может, дело пустое или кому-то уже поручено, а мы сунемся...

Им сказали «добрó». Федя привлек к этому делу еще и Ваську Новожилова.

Дорогу на Бакарицу они знали хорошо и шли в темпте уверенно. Дождь все продолжал лить, но брезентовые плащи не промокали. Переправились через Двину на лодке и снова шли, со всеми предосторожностями. К складам подобралась благополучно, — готовясь к эвакуации, интервенты сократили число патрулей.

Территория складов, обнесенная колючей проволокой, была похожа на небольшой городок. Корпуса образовали прямые улицы. В нескольких местах территорию пересе-

кали железнодорожные рельсы. Артем остановился, раздумывая, что делать. Но Федя потянул его в сторону:

— Сюда. Тут недалеко проволока перерезана.

Артем недоверчиво посмотрел на парня. Русланов тихо хохотнул и рассмеялся.

— Не сомневайся... знаю... Бывал уже...

Федя резонно предположил, что взрыв скорее всего должен быть пропзведен из караульного помещения, находившегося в одноэтажном домике.

В домике горел свет. Подобрались под самые стены. Артем осторожно заглянул в окно. Ну, так и есть, люди за столом, — вместе с капралом дуются в карты, остальные следят за игрой, переговариваются. На столе — бутылка рому, раскрытые банки консервов.

Федя уже ощупывал стену.

— Нашел? Скорее.

— Да, вот провода... — Федя схватил в темноте руку Артема, провел ею по стене. Пальцы нащупали мокрую связку проводов.

— Вася, подай кусачки.

— Только не здесь, не на стене режь, — сказал Новожилов. — Надо так, чтобы не скоро нашли повреждение.

Провода уходили в размокшую землю. Артем достал нож, поковырял в метре от стены.

Быстро раскидали нетолстый слой земли, отыскивали провода.

— Вот здесь и кусайте! — Артем, стряхивая с рук брызги дождя, помогал загнать концы перекусанных проводов. Концы засыпали землей, землю утрамбовали, забросали мусором. Оглядываясь на караульное помещение, пошли назад. Возле одного из самых больших складов, где, по слухам, хранились боеприпасы, Артем остановился. Там разыскали провод, тянувшийся к складу. Определив место, где следует рыть, Федя ножом расковырял землю, а Новожилов действовал кусачками. Место обрыва тщательно замаскировали.

Скоро друзья вернулись к лазу в проволочном ограждении...

* * *

В середине сентября Соля, работавшая в конторразведке машинисткой, сообщила, что принято решение обы-

скасть и арестовать команду буксирного судна «Песец». Артем не придавал большого значения словам девушки. «Песец»? А что они там найдут? Стоит судно на якоре на траверсе Соборной пристани еще с весны, когда ходило в последний рейс на Мудьюг с партией приговоренных к каторге. Тогда было обнаружено, что машинист и два матроса нелегально передают заключенным посылки. Их арестовали, а судно поставили на якорь. Почему же снова в контрразведке зашла речь о «Песце»?

Вечером Иван Петрович вернулся домой со связкой ботинок, нуждавшихся в ремонте. Из одной пары он вытащил пачку листовок, аккуратно отсчитал часть и отдал Артему. Это было обычное дело.

И в этот раз Артем внимательно прочитал текст, завидуя автору, который, пользуясь простыми словами, умел сделать их огневыми, зажигающими. Но что-то остановило внимание Артема. Он пригляделся к бумажкам и понял, что именно бросилось ему в глаза.

— Иван Петрович, никак шрифт новый?

Подпольная типография была организована в январе — больше года назад. Шрифт и оборудование доставили через фронт из Советской России. От долгого употребления старый шрифт поистерся, и листовки получались подслеповатыми, а на этой букве были одна к одной, четкие, стройные.

— Где новый шрифт достали? — с удивлением спросил Артем.

— Тайна, дорогой мой. Достали, и все. Доволен?

— Вот хорошо-то! Неужели «оттуда» забросили?

— Ну, это уже не твоя забота!

Артем рассказал Петровичу о сообщении Соня пасчет «Песца».

Подпольщик заинтересовался, тревожно переспросил:

— «Песец», говоришь? Так... — Сапожник вдруг затопил: — Знаешь, сынок, пойду-ка я. Совсем забыл — надо было обутку заказчику снести. Ты уж, если кто придет, скажи — вышел, мол, скоро возвратится.

Артем промолчал. Ясно, что известие о «Песце» оказалось серьезным. Он и сам теперь встревожился.

Вернулся Петрович не скоро, принес с собой обратно взятую обувь. Он был сосредоточен и деловит.

— Артем, ну-ка пройдем к тебе. Да пакнь крючок на дверь.

В комнате он внимательно посмотрел на ходики, что-то прикинул в уме.

— Значит так! «Песец» ночью снимается с якоря...

— В чем же дело, Иван Петрович?

— В чем дело, говоришь? Так вот, знай: люди там наши есть, коммунисты... Старпом, радист и часть матросов. Ну, капитан не в счет, интеллигент пугливый. Всего бонится. Однако молчит... Ревком сейчас решил «Песца» палачам не отдавать. Туда уже пошел человек, даст сигнал готовиться к отплытию...

— А и что должен делать?

— Тебе приказано вот что: срочно оповести своих ребят, чтобы собирали людей, которые прячутся. Надо быстро доставить их на судно и на баржу, которая у берега стоит. Ее «Песец» на буксир возьмет. Пароход попытается прорваться. Оружие кое-какое туда дадут. Если удастся, так и судно спасем, и народ вывезем. Ясно? Ну, беги, пять часов у тебя на все.

Артем побежал искать Федю Русанова. Он встретился с ним и его друзьями-грузчиками уже в сумерках.

Артем и Федя расставили ребят на самых опасных участках. Десятки глаз следили сейчас за всем, что делалось на улице. Все те, кто собирался в эту ночь совершить отчаянный прыжок к свободе, могли положиться на помощь верных товарщцев.

Когда Артем пришел на берег, здесь уже было около двадцати человек. В темноте карбасы должны были переправить людей на судно, и эти полторы сотни метров чистой воды между берегом и судном были, пожалуй, самыми опасными. На черном, словно отполированном, небе мерцали звезды. Артем прислушался, затем подал сигнал садиться.

Четверо молодых парней взяли за весла. Лодка, крадучись, пошла вниз по течению, потом круто развернулась и бесшумно исчезла в темноте.

Высокий борт судна вырос внезапно, — он был почти неразличим в этой густой, непроглядной темноте. Ни одного огонька не светилось на «Песце», словно там никого не было.

— Эй, на палубе? — негромко позвал Артем.

— Кто за бортом? — отозвался сверху тихий голос.

— «Серп и молот»...

— Спустить штурмтрап, — прозвучала команда.

Упала, глухо стукнув по железу, веревочная лестница. Артем поймал ее и перекинул в карбас.

— Давай, — шепнул он ближайшему соседу. Тот, тяжело повиснув на лестнице, начал карабкаться вверх. Артем поднялся последним. Чей-то голос приглушенно распоряжался на палубе:

— Быстро вниз, по кубрикам!

— Кто здесь? — тихо спросил Артем.

— Я, боцман...

— Где старпом Дулев?

— У капитана в каюте.

— Проводите меня к нему...

Дулев стоял у задраенного иллюминатора, в раздумье пасунив густые брови; на Артема он даже не взглянул. На узком диване сидел бледный капитан.

— Господа, господа! — сказал он, видимо продолжая разговор. — Я на все согласен, но сохраните мне жизнь и честь...

Дулев еще больше насунил брови:

— Капитан, мы с вами служили много лет, и вы знаете...

— О да! Я знаю — большевики прекрасные люди, но куда мне с вами?

— Хорошо! — Дулев поднял голову. — Хорошо! Мы вас отпустим. На десятой версте дадим шлюпку, и вы сможете отправиться на все четыре стороны. А сейчас попрошу вас оставаться в каюте... Я слушаю, — сказал он, обращаясь к Артему.

— Переправа началась. Сколько людей примет судно?

— До сотни человек. Остальных — на баржу. Оружие есть?

— Очень мало.

— Да... Черт их поберет, интервентов! Сияли у нас единственную пушчонку — вот бы теперь она пригодилась!..

Они поднялись на палубу. Здесь уже никого не было. Судно мерно вздрагивало, — ожившая машина набирала обороты.

— Ну, скорей доставляй людей — и в путь. Надо провратиться еще до рассвета... — Дулев подвел Артема к борту, где был закреплен штормтрап.

— Темепь же! — Артем перекинул через борт но-

гу. — Хоть бы кто на палубе курил, что ли? Хоть бы какой огонек был, а?

— Ну, ладно, я с сигаркой постою...

Теперь карбас сновал без передышки. Артем несколько раз менял гребцов, Федя размещал людей на барже, стоявшей в версте вверх по течению. Скоро погрузка была закончена.

Артем, доставляя последнюю партию, снова вскарабкался на палубу. Вместе с ним поднялись Пудов и агент «ноль три»...

— Я назначен комиссаром на судно, — представился Пудов старпому.

— Есть, комиссар, — сказал Дулев. — Я думаю, пора трогаться.

Артем и Пудов обнялись. Вася тихо сказал:

— Спасибо тебе за все. Отца твоего видел. Пока жив — не забуду...

— Вот встретимся в другой раз, ты меня еще пивом угостишь...

Они рассмеялись. Дулев вернулся из рубки:

— Пора. Сейчас уберем штормтрап.

Артем поспешил в лодку. Гребцы дружно опустили весла в воду, и карбас сразу оторвался от судна.

«Песец», тихо вращая винтами, пошел навстречу течению.

ОБЛАВА

Было около одиннадцати часов утра, когда базар охватила тревога. Люди беспорядочно забежали, торговки молоном поспешно прятали бидоны в мешки. Раздались пронзительные свистки. Артем насторожился, хотя ему-то особенно беспокоиться было нечего: облава, как правило, не касалась владельцев ларьков, открытых с разрешения управы. Вон появились полицейские, несколько офицеров и солдат из контрразведки. Наверно, кое-кого задержат; тех, у кого товар побогаче, отведут к приставу, а тот спустя некоторое время отпустит людей, оставив у себя корзинки с яйцами, творогом, мешки с картошкой, бидоны с молоком. Пристав Цибик превратил облаву в одну из своих доходных статей.

И все же надо было быть начеку. На днях Артем виделся с отцом, который сообщил ему радостную весть:

«Песцу» удалось пробиться через кордоны и уйти. Правда, с боем, но ушел. Обеспокоенная контрразведка нажимает всю, идут аресты.

Артем не сразу увидел, что через толпу к нему пробивается Федя. Вот он подбежал и, оглянувшись, перебросил через прилавок холщовую сумку:

— Спрячь... Там листовки... Видишь, облава...

Артем быстро наклонился, приподнял половицу в полу и сунул в яму сумку.

— А Вася Новожилов где?

Федя растерянно заморгал глазами:

— Поиду пощу.

— Найдешь — приди ко мне, скажи...

После облавы базар принял свой обычный вид, и торг пошел своим чередом. Но Федя почему-то долго не появлялся. Артем уже хотел было закрыть ларек, как в толпе показалось круглое лицо Русакова. Оно выражало беспокойство.

— Что случилось?

— Забрал нашего Васю. Документы показались подозрительными...

— Где он сейчас? — невозмутимо спросил Артем. Он уже давно тренировал свой характер — чем больше опасность, тем надо быть спокойнее....

— Вместе со всеми в участок повели. Но оттуда, наверно, в тюрьму на Финляндскую отправят, раз документы подозревают.

— Вот что: надо тебе встретиться с Сопей. Пусть узнает все поподробней. Давай!

— Где встретимся?

— На Смоляном буяпе.

Но встретиться им не пришлось.

После ухода Федя Артем принялся за разборку новой партии товара, и вдруг перед ларьком появилась фигура полицейского; его сопровождали несколько американцев.

— Как идет торговля? — спросил полицейский, бросив безразличный взгляд на небогатое хозяйство Артема. — Покажи документы.

Артем с невозмутимым видом достал из бокового кармана торговое свидетельство и протянул представителю властей. Пока полицейский медленно, все с тем же безразличным выражением на лице читал свидетельство, американский офицер, долговязый детина с бледным золо-

тушным лицом, взял с прилавка флакон духов и с деланным интересом разглядывал его со всех сторон. Артем, не отрываясь, следил за его движениями, стараясь понять, что привело к нему опасных посетителей. Неужели кто-то выдал или проболтался? Или просто решили устроить проверку? Он подумал о Федюных листовках, лежащих под полом... Может, обойдется...

Полицейский аккуратно сложил прочитанный документ, секунду помедлил.

— Придется произвести обыск. А ну, выходи из будки.

Офицер что-то сказал солдатам, те вместе с полицейским вошли в ларек. Смахнув в кучу товар, они осматривали прилавок, вытаскивали ящики. Когда начали осматривать и ощупывать доски пола, Артем замер, до боли сжав зубы. Открыв тайник, полицейский вытащил оттуда пачку листовок, швырнул ее на прилавок:

— Вот!..

Офицер бросился к листовкам, положил на них руку. Пронизывая взглядом Артема, спокойно произнес:

— To arrest the bandit! ¹

Полицейский, отряхивая руки, словно замарал их в грязи, вышел из ларька и встал перед Артемом.

— Чего же это ты самый ходовой товар свой прячешь?.. Оружие есть?

Артем молчал.

— Я спрашиваю — оружие есть?

Губы его задрожали, и он ударил Артема поотмапъ по лицу.

Американцы бросились на опасного подпольщика и стали его обыскивать и вязать. Офицер вытащил из кармана пистолет...

„ЛЕДЯНОЙ КОМИССАР“

Контрразведчики надеялись на то, что им удастся заставить владельца ларька говорить. Они установили, что это подпольщик — не архангельский, а прпезжий. Значит, многое знает. Они понимали, что имеют дело с человеком убежденным и выведать что-нибудь будет трудно. Но ведь — молод!.. И Артема были зверски...

¹ Арестовать бандита! (Англ.)

«Вот оно и пришло... — думал Артем, преодолевая за-
бытие, в которое он впадал от боли, — вот оно то, о чем
мне говорили. Но я ничего им не скажу, ничего, ни-
чего...»

Артема допрашивали и белогвардейцы, и американцы,
и англичане.

Как-то во время пытки пришел высокопоставленный
офицер — возможно, это был сам Тронхилл. Этот не му-
чил его, этот был вежлив, называл Артема «голубчиком»,
угощал сигаретами, шоколадом, обещал вывезти его, куда
только он захочет. Он требовал одного, чтобы Артем на-
зывал «фамили, имя», больше и больше «фамили»...
«Ну, голубчик, говори фамили, если хочет жизнь». На
Артема эти уговоры не подействовали. Офицер ударил его
стеком по лицу.

Однажды Артема поволокли куда-то вдоль коридора,
толкнули в большую камеру.

Окна в камере были плотно завешены, под потолком
тускло горела лампочка. Артема усадили на стул, дали
выпить воды.

За столом сидел толстый офицер в расстегнутом кп-
теле и пристально разглядывал арестованного. Он был в
чине капитана царской армии. Лицо его лоснилось от
пота.

— Приведите другого, — приказал он стоявшему у
дверей часовому.

Через некоторое время в дверях появился человек в
рваной одежде. Его изможденное, обросшее грязной боро-
дой лицо было в кровоподтеках, красных рубцах. Прп-
храмывая, человек медленно вышел на середину камеры,
посмотрел на офицера, потом на Артема — и что-то за-
дрожало в его глазах... Артем подавил в горле спазму...
Да, это был отец, Старбй. Значит, и его им удалось вы-
следить... Он вспомнил разговоры о провокаторе... Старбй
присел на подставленный стул — против Артема.

— Ну, как, узнали друг друга? — спросил белогвар-
деец.

Клевцов отвернулся от сына:

— Что, опять очная ставка? Не знаю я этого молодца.
Не знаю.

— А у нас имеются другие сведения.

— Значит, вам наврали. Я никогда этого человека не
видел. Он мне чужой.

«Не чужой, отец, не чужой!.. — стараясь подавить подступившую к сердцу щемящую жалость, думал Артем. — Но ты прав — враги об этом не должны знать... Неужели они догадываются о нашем родстве? Нет, не может того быть, никто ведь не знал об этом, кроме Зины, а Зина не могла выдать...»

— Значит, не хотим говорить! Молчим! — Офицер ударил по столу пухлой ладонью. — Твоя кличка «Старой»?

— Я и есть старый, а не молодой.

— Не паясничай! Дорого тебе обойдутся твои шутки. Смерти своей рад будешь.

В это время в комнату вошел высокопоставленный офицер, который допрашивал Артема. Контрразведчик вскочил, отдал честь полковнику и, выбежав из-за стола, придвинул ему стул. «Не сам ли это Тронхилл»? — снова подумал Артем.

— Спасибо, — сказал иностранец, присаживаясь. — Продолжайте, капитан... — Он слегка похлопал своей палочкой по колену.

Следователь вернулся на свое место.

— Тебе должны быть известны планы красного командования. Будешь говорить или нет?

Старой помолчал.

— Скажу...

Капитан вздохнул, провел рукой по лбу:

— Что же, хорошо. И этот щенок пусть послушает. Говори.

Он сказал что-то по-английски сидевшему в стороне полковнику, и тот одобрительно кивнул головой.

Старой повернулся к высокопоставленному лицу, потом к капитану.

— Замысел красного командования один, — произнес он, медленно отвечая слова. — Один замысел... Чтобы выбросить вас отсюда — к чертовой бабушке! И нет в этом никакого секрета! Так оно и будет!

Полковник, как подброшенный пружиной, вскочил со стула и, сделав офицеру какой-то знак рукой, направился к выходу. Побагровевший капитан рывкнул часовому:

— Убрать!

Скоро в камеру вбежали несколько контрразведчиков. Схватив арестованного, они поволокли его к двери.

— ...Так ты будешь говорить? — очнувшись, снова услышал Артем ненавистный голос, словно дошедший до него издалека.

— Я уже сказал, что этого человека не знаю.

— А ты знаешь, — продолжал все тот же ненавистный голос, — что мы делаем с теми, кто не желает говорить? Мы их не просто расстреливаем, мы их в землю закапываем, превращаем в пыль, в лед...

Да, Артем это знал. Он много слышал о зверствах интервентов, о страшных казнях, которым подвергали подпольщиков, о жаживо погребенных, о «ледяных комиссарах»...

— ...Все теперь зависит от тебя, — опять издалека дошел голос, — если покаешься — будешь жив. Будет жив и тот человек, которого увели...

Артем больше не отвечал...

Его бросили в подвал, на мокрый ледяной пол, поставили перед ним кружку с водой, положили кусок хлеба. И не пришли за ним ни в этот, ни в следующий день. На третий день его снова повели в кабинет к контрразведчику.

Он застал капитана за выпивкой. На столе среди разбросанных в беспорядке папок и бумаг стояли высокая узкогорлая бутылка, стаканы, тарелки с закуской. Офицер исподлобья посмотрел на Артема красными от бессонницы и вина, горячечными глазами. Дрожащей рукой налил в стакан коньяку, протянул подпольщику:

— На, красная сволочь, пей!.. Не хочешь?.. — Он выплеснул стакан в лицо Артему. — Сегодня все это взлетит к черту и понесется твоя душа к самому Карлу Марксу... Через час ледокол начнет скалывать лед, и мы уйдем... Не радуйся — еще вернемся. Но тебя уже в живых не будет. Этот дом взлетит к чертовой маме. Запрятапа тут такая штука: тик-так, стрелка движется, а затем спотыкается и, бум-бум-бум, — все вдребезги... И ты вдребезги... И весь мир вдребезги!.. А зачем я это тебе говорю, спросишь? Покупай себе жизнь!

Артем продолжал упорно молчать.

— А ну, скрути его покрепче, — приказал капитан солдату у дверей.

Вместе они крепко привязали Артема веревками к столу и вышли, замкнув за собой дверь.

Наступила тишина. Изредка из города доносились выстрелы... «Что ж, конец?» — подумал Артем и закрыл глаза.

К столу он был прикреплен намертво. Руки у палачей были опытные, умелые. Где-то, возможно в этой комнате, тикала смерть... А может, это выдумка? Тогда почему его оставили в живых? Нет, они на все способны...

О чем только не передумал Артем в эти минуты, пока лежал, привязанный к столу. Ох как худо ему было! К смерти он был готов, на это шел, хотя и горько было умереть. Но что с отцом? Как Зина? Что с членами подпольного ревкома — неужели всех взяли? Это дело прокуратора, не иначе. Его надо будет найти, обязательно найти, обезвредить... Ийти? Но ведь скоро все взлетит в воздух...

Очень хотелось пить. Хотя бы глоток воды. А ведь, подлецы, не забыли поставить рядом стакан с водой! Сколько же подлой злобы накопилось у них, если они устроили для него эту дополнительную пытку! Боли он почти не чувствовал, но жажда сжигала его... «И все же наши придут, придут, придут, — пробилось вдруг в сознании, — и подлецы драпают... Воображал, что они хозяева города и будут хозяевами всей России! А сейчас бегут, бегут, улепетывают...» И снова мысли об отце: «Ах, отец, отец, товарищ Старбй, как же это так? Ведь ты большой, сильный, умный, как же это так — попался в лапы к врагам... Как гордо он держал себя, как плюнул подлецам прямо в глаза!.. А часы идут. Тик-так, тик-так! И скоро взрыв!.. Нет, контрразведчики вряд ли шутили. Пить, пить!.. Один бы только глоток...» Артем забылся.

...И вдруг шум. Приближающийся шум. Топот ног. Не в бреду ли это?.. Может, возвращаются враги?.. Нет, они не вернутся... А вдруг наши?.. Свои?.. Артем хотел крикнуть, но горло сдавило.

Дверь в кабинет затрещала, распахнулась под напором человеческих тел... Ворвались люди... Громом в сознании отозвались слова: «Развязывайте скорее... Идите в подвал. Там должны быть наши!..»

Чьи-то руки лихорадочно развязывали Артема.

— Да потише вы! — кричал кто-то. — Видите, избили до полусмерти!..

Артем жалобно улыбку. И вдруг он вспомнил о мне.

— Мину ищите, мину, товарищи...

Ему казалось, что он заорал. На самом же деле он произнес эти слова едва слышным шепотом.

— Да замолчите же, он что-то говорит! — крикнули рядом.

На мгновение стало тише. И все услышал:

— Ищите мину, товарищи, вот-вот взорвется...

Люди замерли.

— Всем оставить помещение! Немедленно! —скомандовал кто-то властным голосом. — Парня выведите!

Артема осторожно сняли со стола. Поддерживая под руки, повели...

Каждый шаг возвращал его к жизни. Радость, безмерная радость наполнила его всего. И как ему было не радоваться... Но он не знал еще, какое ему предстояло пережить испытание...

Медленно спустились по лестнице. Вышли во двор, огражденный высоким забором. Холодный, пьянящий воздух ворвался в легкие. И тут он увидел что-то непонятное, нелепое. Что это?.. Может быть, это сон или бред? В середине двора стояла высокая ледяная глыба, в которую был заключен человек. Лед прозрачным толстым панцирем окружал его тело — лицо, грудь, руки... Он узнал отца! Глаза Старого мертво глядели через лед, рот был приоткрыт, словно в последнем крике, руки приподняты... «Ледяной комиссар!..» Артем, не помня себя, бросился к ледяной глыбе и смотрел, неотрывно смотрел на страшное видение...

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Прошло несколько месяцев. Завтра Артем должен ехать на Южный фронт, а сегодня яхта, умело управляемая Зной, сделала последний галс и зарылась носом в прибрежный песок. Парус запылся в воздухе и скользнул вниз. Лес подступал к самому берегу — запахло хвоей. Они пошли вдоль реки.

Хорошо было в лесу. Впервые они совершили такую прогулку вдвоем. Течение реки было спокойным, вода глубока и прозрачна. Пронесли стайки мальков; из-

редка разбивала водяную гладь большая рыба. Две пичуги, разодетые в яркпе перья, сидя на дереве, с любопытством смотрели на гулявших; они что-то сказали на своем птичьем языке, может быть пожелали людям всего доброго. Потом вспорхнули, исчезли. Артем и Зина присели на пеньках.

— Думали ли мы с тобой, ну, хотя бы полгода назад, что так будем сидеть на берегу?.. — Зина вздохнула. — Значит, уезжаешь, Артем?

— Еду, Зина... Еду... Надо...

После ухода интервентов в Архангельск пришли советские войска, и в городе налаживалась нормальная жизнь. Поправившись и немного придя в себя после пережитого, Артем пошел в ревком. Там ему предложили работу — хотели направить секретарем в горком комсомола. Но Клевцов отказался и попросил послать его на Южный фронт. Его уговаривали, но он твердо стоял на своем. И вот завтра он едет...

Артем взял руку Зины в свою. Она не отняла.

— Понимаешь, Зина, я не могу иначе.

Зина помолчала, вскинула на Артема глаза.

— Понимаю... Уедешь, забудешь архангельскую знакомую...

— Никогда. Я вернусь к тебе... Ведь я тебя люблю...

— Любишь? — переспросила Зина и счастливо улыбнулась. — Любишь?.. Я это знаю! — И вдруг простодушно сказала: — Ведь и я тебя люблю, Артем!.. Для тебя это секрет?

— Меня, а не Федю? — Артем рассмеялся.

— Молчи. Федя — хороший. Он теперь секретарь горкома комсомола. Он теперь мое печальство, а я начальства боюсь.. Ну-пу, шучу, конечно...

И вот они идут по лесу. Останавливаются. Идут снова. Все дальше. Рвут цветы. Но ведь еще много дел в городе, а завтра надо ехать. Артем теперь — человек военный. Он получил предписание. Это — приказ! И, погуляв, они возвращаются к яхте. До города десять верст... Поднят парус, и яхта, как большая птица, несется к Архангельску, над которым уже зажигаются вечерние огни...

В день отъезда с утра Артем пошел на кладбище, где лежал отец.

Отца похоронили с почестями. Друзья-подпольщики поставили на его могиле обелиск с жестяной красной

звездой на верхушке. В простой фанерной рамке поместили портрет Старого.

Артем, сняв шапку, обошел могильный холм, постоял у обелиска, поправил венки.

День был холодный, ветреный. Над кладбищем проносились низкие тучи, сыпался мелкий дождь.

Артем прощался с отцом... Завтра он уже будет далеко отсюда. Разве он мог поступить иначе? Он едет туда по велению долга, по зову сердца... Разве мог бы он спокойно жить и работать здесь, зная, что бой не закончен, что врангелевцы топчут советскую землю? И он должен отомстить за отца. Пусть те, которые мучили и убили его и многих других, ушли и сейчас находятся далеко, за морями. Но есть еще их покорные слуги, подлые наемники. И он будет бить их, бить — в этом теперь вся его жизнь!.. А к Зине он потом вернется.

Штормовой ветер шумел в деревьях, трепал могильные венки... Прощай, отец, прощай, Архангельск!

Ч А С Т Ь

V

О С Т А Н О В К А

Посадка в поезд была трудной. Артему удалось попасть в купе, в котором чудом сохранилась незапятнанная самая верхняя полка. Недолго думая, Артем бросил на полку свой вещевой мешок и, подтянувшись, сам забрался на нее. Он лег на живот и стал с интересом наблюдать, как внизу, теснясь и толкаясь, рассаживались люди.

Вагон оказался битком набитым ранеными, женщинами, детьми, старухами и стариками. Многих война задержала в чужих местах, и они сейчас бежали с голодного, неприютного, разграбленного интервентами Севера. Вот в купе протиснулась с двумя большими туго набитыми мешками тетка.

— Носит вас тут, спекулянтки... — громко заговорил пожилой пассажир в засаленной кепке.

— Да подвинься ты, леший, расселся, что тебе барин на вате, — заругалась тетка и, затолкав свои мешки между скамейками, осторожно уселась на них.

— Да ты это что! — взревел заросший бородой красно-

армеец, только что кому-то рассказывавший, что из лазарета едет на побывку домой.

Тетка не обратила на него никакого внимания.

— Не видишь, чалдонка, куда свое барахло суешь? На больную ногу поставила! Убирай мешок ко всем чертям!

Женщина нехотя приодняла мешок. В это время дверь вагона открылась и в нее протиснулись трое вооруженных красноармейцев, один из них крикнул:

— Приготовьте пропуска и документы!

Тетка обронила мешок на колени сидевшему на скамейке матросу, на бескозырке которого золотом было паппсапо «Заря». Матрос вскочил и по-бодмански выругался; мешок шлепнулся об пол и развязался — из него высыпались на пол повенькие американские ботинки, несколько пар детских галош, какая-то пестрая ткань.

— Спекулянтка, черт бы тебя подрал! — крикнул матрос. — Ну, подожди, стерва...

К дверям купе пробрался патруль.

— А ну-ка, братишка, начни с нее, — показывая на мешочницу, обратился матрос к начальнику патруля.

— Гражданин, предъяви документы!

Женщина встала и, путаясь в длинных юбках, извлекла откуда-то грязный платок, развернула его и подала замусоленную бумажку.

Патрульный, приняв строгий вид, окинув подозрительным взглядом пассажирку, стал читать. Он то подносил бумажку ближе к глазам, то удалял от них, то просто вертел в руках.

Повертев документ, красноармеец передал ее одному из своих помощников, очевидно более грамотному, чем он, сердито нахмурил брови, грозно спросил тетку:

— Хвамилин?

— Чевой-то? — испуганно переспросила тетка.

— Товарищ спрашивает, какая твоя фамилия, — объяснил раненый красноармеец.

Старший патрульный раздраженио крикнул:

— Оглохла! Хвамлиия, говорю, как твоя?

— Там же написано. Небаба я, Небаба...

Старший насмешливо вытаращил глаза на тетку:

— Раз ты не баба, так кто ж ты есть?

В купе слышались смешки, а со средней полки кто-то подозрительным тоном произнес:

— Это бывает. Может, она и в самом деле не баба... Вот около Перми дело было, я тоже для проверки документов был назначен. Только мы одного колчаковского офицера поймали: бабой нарядился, а под юбкой — галифе с лампасами... Досмотреть бы надо.

Вокруг засмеялись.

— А ну, гражданка, снимай юбки, показывай свое галихе, — приказал патрульный, скаля желтые от табака зубы.

— Окстись, бесстыжний, какое такое галихе?..

Кругом хохотали.

— Может, юбки-то снимать не надо. Ты ее за грудь пощупай, — порекомендовал матрос с «Зари».

Не успела Небаба раскрыть рот, как красноармеец протянул к ней руку. Тетка с крючком оттолкнула его:

— Куда с ланой лезешь, харя бесстыжая!.. Охальник!..

— Извиняюсь, конечно... — виновато проговорил патрульный. — Только зачем же ты, гражданка, сама себя оговорила? Время-то знаешь теперь какое!.. Ты же по всем статьям есть настоящая баба, женский пол, имею в виду...

— Ты что, не видел... охальник!.. Небаба — это моя фамилия...

— Тогда бы так сразу и говорила, — сердито, с ухмылкой проговорил патрульный.

Артем, лежа на полке, хохотал вместе со всеми.

Но матроса с «Зарп» явно не устраивал такой копец истории, и он что-то шепнул на ухо патрульному. Тот шнул носком сапога в мешок.

— Что везешь, гражданка Небаба? — спросил он.

— Ничего, — ответила невозмутимо тетка. — В городе кое-что выменяла...

— Понятию! На народной беде наживаешься, советскую власть подрываешь... В город продукты тащишь, а пролетарьят, может, за них свою последнюю одежду меняет... А рухлядь мерикапскую зачем везешь? А ну, пошли с нами!..

— Да никуда я не пойду! — решительно отрубил спекулянтка.

— Горобец! Каляда! — приказал старший патруля своим помощникам. — Помогите гражданке вынести меш-

ки до комнаты орточека. Ишь ты, не баба да еще спекулянтка!..

Красноармейцы взвалили па спины мешки и попесли к выходу; тетка пошла сзади, ругаясь и цепляясь руками за свою кладь...

Только к вечеру, когда закатное солнце бросало в окна последние лучи, поезд тронулся наконец с места. Скоро совсем стемнело, и проводник зажег в фонаре свечку. Тусклый, перемепчивый огонек свечного огарка сумрачно осветил лица людей, мешки и чемоданы, загромождавшие полки и проходы. Люди начали укладываться спать. Под монотонный стук колес задремал и Артем.

Проснулся он ночью от какого-то толчка. Поезд стоял на глухом полустанке, в окна не было видно ни зги. Огонек в фонаре чадил, трепыхался, по вагону мрачно метались тени. Было совсем тихо, и только ворочались, изредка всхрапывая или певнятно бормоча во сне, люди... До Артема снизу допесся голос. Кто-то, видимо, рассказывал:

— ...Все отступали и откатывались в беспорядке. Повстанческие отряды были самые разные и перемешались с красноармейскими частями... Иногда бывало так: здесь красноармейцы разоружают махновцев, а неподалеку махновцы разоружают красноармейцев... Одни атаманы засели в плавнях и держат «нейтралитет», а другие дают команду расходиться по домам, кому до дому недалеко. Большие группы повстанцев влились в Красную армию, в особые резервные части. И вот назначили меня комиссаром одной такой части на участке Кичкас—Херсон. Однажды ко мне прибежал парнишка из штабной библиотеки и сообщил: «Товарищ политком! Махновцы приехали! Собрали батальон, митингуют, мутят народ... Не кажите носу туда!..» Но я, конечно, пошел... Прихожу, площадь бушует. Носреди толпы на табуретке махновец в бурке стоит и «батькин» приказ читает. Я подошел вовремя, как раз к последнему параграфу, который примерно гласил так: «Приказываю разогнать несознательные коммунистические ячейки, а политкомов арестовать; в случае, если окажут сопротивление, расстреливать на месте»... Что делать? Ну, с бойцами я жил дружно, любили меня. они и решили: «Нашего политкома не трогать». Но махновские делегаты все ж таки потом арестовали меня.

По нелепой прописи судьбы, как говорят, заперли меня в одну хату с пленным белогвардейским офицером. Глядели мы друг на друга как волки, хотя и пришлось щи хлебать из одного котелка... Ну, офицера потом, кажется, выпустили, а меня возили за собой под конвоем, но не копчали... На каждом привале деревенские мальчишки улюлюкали: «Привезли комиссара!..» А местное кулачье требовало «судить» меня. И «судили»: избивали по-всякому — и кулаками, и шомполами.

Как-то однажды поставили меня к скирде, говорят: «Помолись господу, безбожник». Может, и отправился бы я тогда к генералу Духонину на тот свет, да на счастье проходил мимо мой полк. Сразу митинг. «Не дадим!» — заявило большинство. Ну, тут решили так: хоть он и комиссар, но человек для простого парода невредный, а по-сему надо освободить его и зачислить в батальон рядовым бойцом. Стал я рядовым бойцом сначала в своем батальоне, а потом в кавалерийском полку. Дрался с белыми и думал только об одном: как бы скорее добраться до своих... А пока что стал присматриваться к людям. Нашел я таких же, как я, коммунистов — Еремина, Козлова, Белкина... Человек восемь собралось нас, и организовали мы «подпольный политотдел». Стали решать, как бы удрать, а тут окольным путем дошло до нас партийное указание: остаться и работать в тылу у махновцев, ждать своего часа. Вот так... Ну, этот «час» наступил после боя под Перегоновской... Уже от Орла и Харькова надвигались красные войска, и стала разваливаться армия батьки Махно. Скоро я попал к нашим...

Артем свесил голову вниз: ему хотелось посмотреть на рассказчика, которому посчастливилось уцелеть в лапах свирепого «батьки». Но внизу все пассажиры спали, — разговор, видимо, шел в соседнем купе... Артем продолжал слушать.

Кто-то спросил у «политкома»:

— А как тебя сюда, па Север, запесло?

— На курсы военкомов послали — мозги подгустить.

— Мне тоже повезло, — заговорил второй голос. —

Когда в Архангельск англичане пришли, стали мы уходить в подполье. Но интервенты лютовали... Только я пришел к себе на квартиру, ворвался американский патруль. Офицер, тыча мне пистолетом в грудь, что-то говорил непонятное. Не понимаю ничего, молчу... Офицер

стал носовым платком старательно завязывать мне глаза. Концы платка не сходились, тогда офицер, сунув платок в карман, повернул меня лицом к стене. Но я не выдержал, повернулся и встал по-прежнему. Жутко — лицом к стене... Офицер ничего не сказал, только поднял руку, и солдаты начали целиться в меня. Я стоял и ждал команды «пли!», или как там по-ихнему. Офицер махнул рукой, но солдаты не выстрелили, только враз залопотали что-то, загоготали... Все было нарочно подстроено, вся комедия расстрела!.. Зачем им это надо было — не пойму. А потом я в тюрьме долго сидел, всякого навиделся и натерпелся...

«Зачем им это надо было?» — Артем думал об услышанном, о том страшном, что всем пришлось пережить. В самом деле, чего добивались эти иностранцы в далекой и чужой им России? Зачем они убили отца и многих других честных, благородных людей? Тогда в Петрограде, в дни Октября, новый мир был завоеван малой кровью. Ее было пролито немного — крови людей, которые веками лили чужую кровь. Пусть об этом знают те, кто обвиняет большевиков в чудовищных насильях. Пусть помнят! Но если уж незваные гости — интервенты — пришли, пусть почувствуют, что в мире есть люди, для которых тот хмурый, октябрьский день стал самым светлым днем жизни. Артем перебирал в памяти далекие и близкие годы — все темное, страшное, безобразное, через которое ему пришлось пройти, весь тот тупой, злой, мрачный мир багровых, черносотенцев тихонов, распутных мелитин и продажных тварей косых... Нет, он не мог забыть его. Этот мир оспротил и хотел уничтожить его, Артема.

И не будет этому миру прощения!

Нет, он не положит на стол свой паган и не скажет: все, я больше не хочу войны, не хочу выстрелов, не хочу, чтобы меня могли убить... За все старый мир еще должен расплатиться. Для этого и едет он, Артем, на ликвидацию черного барона Врангеля. Пусть будет земля наша чистой!..

В вагоне начало светать. Солице появилось на горизонте, лучи его разбудили маленькую девочку, спавшую в углу на скамейке. Девочка приподнялась. Тоненькая, голая до плеч ручонка пыталась схватить светлое пятно на стене, а оно убегало от нее, и девочка смеялась. Артем, свесив голову, смотрел на ребенка. Мать девочки,

заметив теплый взгляд молчаливого попутчика, сказала:

— Вот глупенькая! Много ли ребенку падо...

Порывшись в вещевом мешке, Артем достал большой кусок сахара и протянул его девочке. В глазах у ребенка блеснул голодный огонек, тоненькие ручонки схватили сахар и потянули в рот.

Мать с благодарностью посмотрела на Артема.

Через некоторое время показались золотые маковки вологодских церквей; низенькие деревянные домики пригорода, как живые, пробежали мимо. Вагон закачало на стрелках, и поезд, резко тормозя, подкатил по первому пути к самому зданию вокзала.

На перроне густая толпа людей начала штурмовать двери вагонов еще не совсем остановившегося поезда. Гомон, толкотня, ругань...

Еще в Архангельске Артем решил сделать короткую остановку в Вологде и повидать старых знакомых. Видя, как пассажиры прут в двери вагонов, Артем на какой-то миг заколебался: стоит ли расставаться с обжитым местом? Но желание повидать друзей было сильнее.

Он вылез через окно на перрон, принял поданный ему вещевой мешок и, вскинув его на плечо, легко зашагал по вологодским улицам к зданию общежития губисполкома.

* * *

Вот и знакомый дом общежития. С волнением поднимался Артем во второй этаж, где жили Постойко и Валя.

Постучал к Ивану, но никто не отозвался... У Вали на стук вышла незнакомая женщина. Она сказала, что Валентина Грачева действительно здесь проживала, но уже несколько месяцев как выехала. Куда? Неизвестно.

Артем, недоумевая, уже собирался было уйти, но тут ему пришло в голову спросить у женщины, кто сейчас живет в общежитии. Среди других фамилий она назвала и Пудова... Вот так новость! Артем горячо поблагодарил жилищку и поспешил скорее повидать старого товарища.

Вася был дома. Он очень обрадовался Артему, заставил его сразу же помыться с дороги, побежал на кухню ставить чаек...

За чаем Артем, конечно, расспросил о том, как удалось Пудову бежать из Архангельска...

Когда «Песец» подъехал к тридцатой версте, на реке стоял густой туман. Думали проскочить незамеченными, но не вышло. Их заметил сторожевик; оттуда крикнули: «Кто идет?» Дулев, замеявший капитана (капитан отказался командовать, и его пришлось высадить на берег, взяв с него слово, что он будет молчать), не ответил на оклик. Тогда на сторожевике дали очередь из пулемета. Пудов хотел открыть ответный огонь, но Дулев остановил его: «Пойдем на таран, комиссар!» — сказал он Василию.

Расчет Дулева был прост. «Песец» хотя и старое, но все же морское судно, — оно добротнее и массивнее речного парохода, хотя и вооруженного пушечкой. Вася согласился. Дулев приложил к губам рупор: «Почему стреляете?» На сторожевике ответили: «Кто такие? Что за судно?» Дулев крикнул: «Судно «Песец» Архангельского порта». Сторожевик продолжал допытываться: «Куда идете?» Дулев отвечал на вопросы неторопливо и одновременно отдал машинам приказ: «Полный вперед!» Развернувшись и отдав концы на баржу, «Песец» нацелил форштевень прямо на громоздкое с плицами колесо парохода. Над колесом отчетливо стало видно написанное полукругом название парохода: «Три святителя»...

Белогвардейцы не ждали дерзкого нападения и не успели как следует приготовиться. «Песец» врезался в самое колесо... Треск ломающегося дерева, скрежет железа... Откуда-то вырвалось с шипением облако пара и заволокло оба судна. Стрельба оборвалась.

Дулев вскинул руку с наганом, крикнул: «За мной!» — и прыгнул на палубу сторожевика... Схватка была короткой, команда не оказала серьезного сопротивления, — матросы сдавались в плен...

— Как видишь, не хуже Чесменского сражения, — усмехнувшись, закончил Пудов свой рассказ и помолчал. — ...А все-таки Дулева мы тогда потеряли. Погиб. Хоронили мы его по-морскому... Многие за это время погибли... Да ты, Артем, почему чай не пьешь? Пей! — круто переменял тему Вася. — Хотелось мне угостить тебя хорошим обедом, да сам понимаешь — холостяком живу.

— А я думал, ты в Питер вернулся, — сказал Артем.

— Хотел бы в рай, да черти не пускают. Говорят, работы еще здесь много. Да где ее нет, работы? Вот и Врангель нам работку подбросил. Задайте ему там перцу!

— А что делают сейчас Постойко и Валя?

Пудов с удивлением посмотрел на Артема:

— А ты не знаешь? Валя на Южный фронт уехала. Ну, а Иван здесь, куда-то послали его...

— Так вот оно что, — сказал Артем. — Неужели не поладили? Эх, Валя...

— Да, что-то произошло у них, точно не знаю. Об этом Дубец может рассказать. Валя, кажется, к нему ходила.

— Тогда я, пожалуй, схожу к начальнику. — Артем посмотрел на часы. — Ты извини меня, Вася... Сегодня дальше ехать надо.

— Сходи, сходи... А Валю жалко, она дивчина хорошая. По-моему, любит она все же его.

Они простились. Пудов кренко обнял товарища, сказал:

— Смотри там, держи выше марку питерца. Клевцов ты! С Выборгской стороны. А зря в пекло не суйся.

...Дубец, увидев Артема, забасил:

— Откуда это ты свалился?.. Что, только на пару часов? Жалко... Смотри, и седина есть. Молчи, молчи, все знаю... Снимай мешок, раздевайся и проходи в комнату.

Иван Терентьевич познакомил Артема с женой — молодой крепкой женщиной с простым русским лицом.

— Покухарничай, Антонина, надо друга накормить на дорогу.

Женщина побежала на кухню.

Как ни отказывался гость, а пришлось ему снова сесть за стол. После картофельной похлебки с воблой, показавшейся Артему очень вкусной, Дубец заговорил остойко.

— Да, брат, неладно вышло у матроса с женой. Ты помнишь наш разговор перед твоим отъездом? Стал я присматриваться тогда к Ивану. Вижу — мучается человек... И Валя хмурая ходит. Как-то намекнул я ему — оборвал он меня: мол, личное это его дело. Замкнулся. А все же однажды разговорились, и выложил он свои обиды. Говорит, Валя к нему придирается, следит за ним, шагу ступить не дает, «анархистом» обзывает... А ведь и на самом деле, если подумать, есть в нем какая-то анархистская закваска. Помнишь, как он явку нам провалил? Или вот хотя бы такой случай... Сообщают мне люди, что в деревне Новая церковники принесли в школу икону и

заставляют детей богу молиться. Чуешь? Кому-то из поповских подпевал показалось, что погрязшие в блуде большевики детские души губят и надо снова урок «закона божьего» ввести. Ну, я сгоряча, не подумав, послал в Новую нашего «сухопутного адмирала». И натворил же он дел — едва распутали! Приехал Ивап в деревню — и сразу к попу. Ты, такой-сякой, черт длинногривый, что тут самоуправством занимаешься? Вудто не знаешь, что у нас в Советской России школу от церкви отделили! А поп свое участие в этом деле отрицает. Постойко его под арест в сарай на хлеб и воду посадил. Мужики требуют освободить, а он их посылает к маме. Шум, гам. Церковного старосту избил — правда, как выяснилось, после того как обнаружил у него самогонный аппарат... В общем пришлось в деревню людей послать, чтобы все в норму привести. А заводилой в эпизоде с иконой и в самом деле был не поп, а учительница-изуверка, которую пришлось потом выгнать из школы... Откуда у Ивана эта закваска? А сердце у него хорошее, и революции предан... Откуда — не знаешь?

Артем ответил не сразу.

— Говорил он мне как-то о себе, что на флоте одно время с дурной компанией водился... Показывал, как рисовали его. Срам один. В баню стеснялся ходить... А с Валеи вы не говорили?

— Пробовал. Молчит. Вот только попросилась отпустить ее на фронт. Невмоготу, верпо, стало. С комсомольским отрядом уехала...

Дубец подошел к комоду, вынул из ящика фотокарточку.

— Вот, посмотри, подарил мне Постойко. Еще перед ссорой фотографировались.

На карточке были сняты рядом улыбающиеся Иван и Валя.

Артем посмотрел и нахмурился:

— Отдайте мне снимок, Ивап Терентьевич.

— Берп...

Артем стал собираться.

— Ну что ж, — Дубец посмотрел на часы, — до отхода поезда у тебя час времени. Подожди-ка...

Он ушел в другую комнату, вскоре вышел и, подавая Артему большую пачку паппрос, сказал:

— Возьми себе на дорогу, тебе на юг ехать долго.

Утром Артем до пояса вымылся в холодной соленой воде Сиваша и, позавтракав, отправился в штаб бригады, где его уже ждали.

— Ну, освоился? — поздоровавшись, спросил его начальник штаба.

— Да как вам сказать, не совсем еще...

— Ну, это ничего... У тебя будет такое задание, что придется покинуть тебе эти места.

Клевцов вопросительно посмотрел на начальника, который с первой встречи вызвал у него чувство уважения: оказалось, что этот человек в прошлом — большевик-подпольщик из Питера, в Октябрьские дни он работал в одном из районов столицы.

— Итак, товарищ Клевцов, — сказал начштаба. — Ты на Севере у интервентов в подполье работал?

— Да, работал, — ответил Артем.

— Значит, всю эту конспирацию и технику подполья знаешь?

— Многое знаю...

— Вот и хорошо.

Начштаба помолчал, закурил и придвинул к Артему железную коробку, где лежали папиросы.

— Кури!

Артем взял папиросу, затянулся и сел поудобнее на стуле.

— Дело тут такое... — продолжал начштаба. — Об этом сам Фрунзе и Блюхер знают, так что считай — их задание... В Симферополе подпольщики хотят добыть очень ценные для нас документы и карты, можно сказать, из кабинета самого начальника штаба врангелевских войск. Эти документы нам сейчас позарез нужны. Штаб разрабатывает план операции по прорыву обороны противника, и они нам могут очень помочь. Не позднее чем через десять дней они должны быть у нас. Это важное дело поручается тебе. Ну, как ты? — посмотрел он на Клевцова.

Артем почувствовал неловкость от того, что слова начальника штаба не нашли в его душе такого отклика, какого от него ждали. Нет, не об этом он мечтал, когда уговаривал архангельских работников отпустить его на Южный фронт, не так представлял себе месть за отца и по-

гибших друзей... Конечно, поручение, которое ему хотят дать, говорит о большом доверии и признании его опыта, и все же он рвался к другому. Бить врага в открытом бою, бить беспощадно, лицом к лицу, бить насмерть — вот чего он хотел сейчас...

Начальник штаба, видимо, почувствовал душевное замешательство, охватившее Артема. Глаза его похолодели. Он спросил:

— Что вас не устраивает, товарищ Клевцов, в моем предложении?

— Я благодарю за доверие, но нельзя ли направить меня в часть?

— А почему именно в часть? Вы ведь чекист, подпольщик.

— Это верно, но есть одно обстоятельство...

Артем не очень внятно рассказал о своей жизни в Архангельском подполье, о гибели отца и о чувствах, с которыми он ехал сюда. Он с трудом подбирая слова, ему все время казалось, что усилия его не достигают цели, пропадают даром.

Начальник, слегка наклонив голову, внимательно слушал. Лицо его светлело, в глазах появилась прежняя улыбка. Терпеливо выслушав объяснения до конца, он ударил ладонью по столу, словно желая подчеркнуть, что речь Артема им взвешена до единого слова и что все ясно, больше говорить не стоит.

— Дорогой товарищ Клевцов, — сказал начальник, склонившись над столом, — я понимаю ваши чувства. Но поверьте мне, вы нужны нам не в окопе, а в другом месте. Именно вы. Надеюсь, вам понятно значение для армии того дела, которое вам хотят поручить?

— Понятно, конечно.

— Ну, так вот... думаю, вас больше уговаривать не придется.

Артем посмотрел в потеплевшие, ясные глаза начальника:

— Хорошо... Я готов... Рассказывайте.

— Позовите сюда отца! — крикнул через перегородку начальник.

Скоро в комнату вошел крестьянин среднего роста, с небольшой окладистой бородой, в сапогах-броднях, ремешком пристегнутых к поясному ремню. Такие сапоги носят охотники и рыболовы.

— Знакомься, Клевцов, это Иван Иванович, местный старожил и знаток Сиваша, очень нужный нам человек.

Артем подал руку и назвал себя.

— Ну, садись, отец, побеседуем.

Человек сел и стал ожидать вопросов начальника.

— Так, Иван Иванович, ты, может, нам про Сиваш расскажешь?..

— Что же, это можно, спрашивайте! — просто ответил крестьянин.

— Скажи, броды ты хорошо знаешь?

— Знамо дело хорошо, коли родился и вырос в Строгановке, а от нее рукой подать до Сиваша, а потом на соляных промыслах у купца работал и охотился вот, — он наклонился и поправил спустившееся голенище.

— Значит, броды хорошие?

— Да как вам сказать, конечно, перейти Сиваш можно...

— А отливы и приливы бывают?

— Знамо дело, тут падо время выгадывать, чтобы прилив упредить.

— А во время прилива много воды прибывает?

— Поболе, чем тенерь, будет.

— А какой берег на той стороне, Иван Иванович?

— Это на Литовском-то полуострове?

— Да, да.

— Да какой берег — такой же, как и здесь, отлогий будет берег.

— Ну, а показать нам дорогу сможешь?

— А как же, меня уж об этом ваши главные спрашивали.

В голове Артема пропеслось его лесное путешествие с Артамоном Назаровичем до станции Обозерской... Вспомнил Архангельск, заныло сердце. Но он взял себя в руки и стал внимательно слушать беседу.

— Тут вот такое дело, отец. Нам падо, чтобы ты завтра в ночь этого товарища, — он показал на Клевцова, — провел через Сиваш. Мы его по важному делу посылаем. Сам понимаешь, без этого нельзя врага бить.

— Знамо дело... Я и сам в Турецкую кампанию в разведку у Карса ходил.

— Ну вот-вот, сам, значит, понимаешь.

— Понятно. все.

— Отдохни денек, — сказал начштаба, обращаясь к

Артему, — сходи в разведотдел, походи по подразделению, а завтра — в путь. Вопросы есть у тебя?

Нет, вопросов у Клевцова не было.

* * *

Артем вышел на крыльцо мазанки, в которой расположился штаб бригады. Солнце уже скупно грело землю. Во всем чувствовалось дыхание осени — и в этой пожухлой траве, и в холодном пронизывающем ветре, и в тучах, пронесившихся в небе. Растительности вокруг не было никакой, только кое-где торчали вверх хилые, голые деревца. Стаи диких уток и гусей, оглашая небо криками, тянулись к горизонту.

Клевцов с тревогой поглядел вдаль, на водную гладь, покрытую мелкой рябью от небольшого ветерка. Берег Сиваша был весь белый, точно запорошенный выжавшим снегом. Это белели отложения соли. А за ними все было черно — тянулась на километры жидкая соленая грязь, или, как говорили местные жители, рапа. Ночью вдали светились сигнальные огни кораблей интервентов. Лучи прожекторов то и дело бродили по черной глади залива... Он вспомнил, как в штабе один из командиров рассказывал, что на южном склоне Перекопского вала врангелевцы выложили белым камнем: «Перекоп — ключ к Москве». Хвастуны эти генералы! Любят делить шкуру неубитого медведя. Так и в Архангельске делили, а что вышло?.. Завтра ему предстоит нелегкий путь. Какая тут глубина, какое дно? Не затянет ли смельчаков, которые пойдут вброд через это «гнилое море»? Он подумал об этих ребятах в серых шинелях, которые скоро рванутся на тот берег. Все ли дойдут до цели? Клевцов готов был сложить голову, только бы не допустить гибели бойцов.

Весь остаток дня Артем провел в разведотделе — получал задания, явки, пароли, маршрут... Его досконально познакомили с работой симферопольского подполья и с деятельностью крымских партизан, которой руководил Мокроусов. Он спросил у пачальника разведотдела, не осведомлен ли он о том, куда направлена для работы чекистка Валя Грачева, посланная сюда из Вологды. Начальник поинтересовался, чем вызван такой вопрос. Артем объяснил. Тогда разведчик, поколебавшись, сказал, что не исключена возможность встретиться с Грачевой во

врагелевском тылу... Значит, Валя там, Валя — разведчица!

Только вечером он пришел в невзрачный саманный домик проводника, где, по договоренности с хозяином, собирался переночевать.

Ночью Артему не спалось. Он несколько раз выходил и подолгу стоял, прислушиваясь к почвой тишине. Он знал, что хотя и спят измучившиеся за день красноармейцы, но сон этих тысяч людей бдительно охраняют заставы.

Небо было усеяно звездами, широкой рекой светился Млечный Путь. У противника на Литовском полуострове и здесь, на участке бригады, устремлялись к небу белые, зеленые и красные ракеты.

* * *

Когда стемнело, Иван Иванович достал с печи две пары сапог-бродней, одну из них поставил перед Клевцовым, сказав:

— Одень бродни, ведь по рапе пойдем, твои сапожки не выдержат...

Пока они переобувались, готовились в дорогу, проводник рассказывал своему напарнику про Сиваш:

— Сиваш — это не болото, осушить его нельзя. Ветры здесь сильные, они пагоняют сюда воду из Азовского моря. Вот недели две назад вода была на аршин... А сейчас ветер дует в обратную сторону, гонит воду из Сиваша в море. Но и сейчас не всюду его можно перейти, броды надо знать, есть ямины опасные. В некоторые ямы наш строгановский ревком соломы набил, а все равно небезопасно... Однако пора нам выходить.

Проводник перекрестился. Они покинули дом и пошли к заливу.

Небо затянуло тучами, звезд нигде не было видно. У Перекопа стояла тишина, пулеметы молчали. Кое-где там маячили одинокие огоньки костров, видимо разожженные дозорами...

Вступили на береговую соль.

Пока шли по крепкому грунту, Клевцов двигался рядом с проводником.

Потом начался зыбкий пл.

— Иди за мной следом, скоро пойдут ямы, — сказал проводник.

Потянуло каким-то едким запахом.

— Рапой пахнет из ям, — объяснил старик.

Ноги то глубоко погружались в ил, то ступали по пружинистой подстилке: это и была солома, которой успели набить самые опасные ямы.

— Хорошо настлали, — одобрил проводник работу односельчан. — Даже лошадей здесь гоняли, чтобы получить соломку легла.

Он уверенно шел вперед, иногда щупая длинной палкой дно Сиваша.

Под ногами забулькала вода.

— Не бойся, — обернулся старик, — это с моря воду потянуло.

На залив стал спускаться туман. Он становился все гуще. Проводник остановился, сказал с досадой:

— Чертов туман! Совсем не видно огней...

Артему стало ясно, что старик ориентировался по береговым огням. «Куда же теперь идти?» — подумал он с беспокойством.

Иван Ивaпович молчал, щупая вокруг себя дно.

Вдруг туман ярко засветился — это зажегся прожектор на одном из вражеских кораблей.

— Вот и хорошо! — проводник оживился, указал палкой, куда надо двигаться.

Они продолжали движение.

— Сколько еще идти? — спросил продрогший Артем.

— Да немного осталось.

И действительно, скоро показался берег.

От холодной и соленой воды Артем дрожал, как в лихорадке, — его больше и больше знобило. Но уже становилось все мельче, все ближе виднелось очертания берега. И вот, наконец, вода стала доходить до щиколотки.

Берег был пустынный, вдалеке в туманной мути виднелись светлые пятна. Там была береговая застава белых. Клевцов и проводник по дну небольшой балки начали пробираться от берега в степь. Здесь Иван Иванович попрощался с Артемом и показал ему направление, куда он должен идти. На прощание они крепко обнялись.

Прислушиваясь к малейшим шорохам и держа наготове оружие, Артем в крошечной тьме зашагал по проселку...

Скоро вдали мелькнул огонек и на пути встали силуэты темных четырехугольников — это был поселок Тага-

наш. Клевцов стал держать путь на эти дома. Они уже были близко, и Артем старался ни шорохом, ни шумом не выдать своего присутствия. Почти у самых домов он наступил на сухую ветку валежника. Где-то очень близко залаяла собака, послышался приглушенный женский голос.

— Ласка! Ласка! — звала женщина, и собака, радостно взвизгнув, замолчала, видимо ушла в дом с хозяйкой.

Снова наступила мертвая тишина. Артем увидел здание, к которому тянулся провода. Он решил, что это и есть станция.

В окнах света не было, изнутри они были завешены чем-то плотным. Только в одном месте свет через щель падал на землю узкой стрелкой.

Артем глазом прищелкнул к щели. Он увидел помещение дежурного по станции. У самого окна сидел телеграфист в форме и что-то выстукивал ключом, время от времени поворачивая рукой катушку бумажной ленты. Поодаль в углу стоял аппарат, выдававший жезлы машинистам паровозов.

Телеграфист повернулся лицом к окну, и Артем увидел лысого человека средних лет, с бледным лицом.

Условным сигналом он постучал в окно. Телеграфист прислушался, быстро надел фуражку и вышел.

Артем был снабжен подлинными документами на имя прапорщика Дерюгина, окончившего в Петрограде Владимирское юнкерское училище; второй документ удостоверял, что Дерюгин является сыном купца, имевшего в Петрограде, в Гостином дворе, свой магазин. Однако пужно было действовать осмотрительно, врангелевская разведка свирепствовала вовсю.

Скоро светлый кружок электрического фонарика забегал по земле — это телеграфист вышел на крыльцо.

— Алексей Алексеевич, я к вам, — тихо сказал Артем.

— Милости прошу, для дорогих гостей у меня всегда найдется закуска, — глухо ответил телеграфист.

Артем вышел из тьмы и вплотную подошел к телеграфисту.

— Как поживает дядя?

— Дядя живет хорошо, только он далеко отсюда.

— А мне бы к дяде, — сказал Артем.

— Я вас и провожу, — ответил телеграфист. Он протянул для приветствия руку: — Тищенко.

— Дерюгин. Иван Петрович, в прошлом юнкер, сын купца и член кадетской партии...

— Понятно, — усмехнулся Тищенко. — Только все мы живем теперь на станции Джанкой. От Симферополя только до Джанкой поезда ходят. Отсюда нас домой привозят на дрезине. Кстати, мое дежурство через полчаса кончается, вместе и поедем. Только вам сейчас никому показываться нельзя. По этой лесенке полезайте на сеновал. Как дрезина прибудет, приду.

Артем по скрипучей лесенке влез на сеновал, сел на пахучее сено и в ожидании стал подслушивать жизнь южной ночи. Вот с жужжанием ударился о стенку громадный жук, где-то недалеко застучала цикада, в сене зашевелилась полевая мышь, вдали глухо прозвучал выстрел. Сильно пахло прелым сеном, сухими степными цветами. Артем сидел и грыз сухой стебелек, выплевывая горькую слюну.

Сидеть одному в незнакомом месте было не по себе. Запемели ноги, он несколько раз вставал и разминал их.

Артем обрадовался, когда услышал, как скрипнула лестница и раздался условный стук в дверь. Тищенко вошел и, подавая Клевцову сверток, зашептал:

— Переоденься. Здесь солдатская одежда врангелевского полка, стоящего в Симферополе.

Артем переодевался, а телеграфист, светя фонариком, говорил:

— Я тебе и документы форменные припас: удостоверение и отпусное свидетельство. Надо только фамилию вписать. Вот чернила и перо, виши, а я светить буду.

— Артем взял перо и аккуратно вписал в удостоверение фамилию «Дерюгин».

Телеграфист, довольный, потер руки.

Имея у себя эту бумагу, любой солдат мог уйти из казармы или где-либо в пути покинуть эшелон, вполне уверенный, что его не задержат... Поэтому многие белые полки прибывали на фронт в поредевшем составе. Отпускные свидетельства, липовые паспорта, справки об освобождении от воинской повинности, которые изготовляли в симферопольском подполье, были страшнее, пожалуй, для белых, чем артиллерийский обстрел...

В Джанкой приехали, когда рассвет уже вступил в свои права. Оставив Дерюгина на станции, Тищенко скрылся, шепнув, что скоро придет.

Артем бесцельно бродил по перрону. Вдруг послышались свистки, и вокзал окружили вооруженные солдаты с эмблемами черепа и скрещенных костей на рукавах.

Разведчик побыстрее прошел в ресторан и сел за свободный столик. Отсюда удобно было наблюдать в открытое окно за тем, что делается на перроне.

На первый путь подался эшелон с товарными вагонами, в которые стали грузить, подгоняя прикладами, приведенных откуда-то людей. Вид их был ужасен: многие едва держались на ногах. Видимо, контрразведка увозила своих узников подальше от фронта. Позже, в Симферополе, Артем узнал подробности об этом эшелоне. По распоряжению генерала Слащева в каждый вагон было погружено столько людей, что в нем нельзя было не только сесть, но и повернуться. Прибыв в Симферополь, поезд поразил даже местных контрразведчиков, изощренных на человеческих истязаниях. Когда открыли двери вагонов, увидели страшную картину: многие люди задохнулись, они умирали стоя, и живые не могли потесниться, чтобы убрать мертвецов...

Через час пришел Тищенко. Он был бледен.

— Видел? — спросил он Клевцова. — Вернешься — расскажи своим. Пусть знают, с кем дело имеют, злее будут драться... Скоро до Симферополя пойдет состав с паровозом. Машинист наш, и я с ним договорился.

Он повел Артема к паровозу, стоявшему отдельно от состава. Хмурый машинист посматривал в окно. Мельком взглянув на Клевцова, он сразу позвал кочегара.

— Прими и проводи!..

Артем влез на паровоз, и кочегар, убрав стоявшую в глубине доску, показал ему кучу угля на тендере.

— Видишь дыру в угле? Вот туда и полезай... В пути по моему стуку будешь вылезать... — сказал кочегар уже совсем тихо пояснил: — На станциях досматривают.

Клевцов полез. Здесь было устроено из досок подобие большого ящика. Сидеть было удобно, но принять какое-либо другое положение невозможно.

Сидеть в ящике Клевцову пришлось недолго. Раздался оглушительный гудок, и, лязгнув буферами, поезд тронулся... Доску отодвинули, Артем вылез в паровозную будку.

Недалеко от станции Сарабуз раздался два сильных взрыва.

— Это наши... Редкий состав, идущий на фронт, не взрывается. Железнодорожники действуют магнитными минами, — не без гордости объяснил кочегар.

В Симферополь прибыли днем. Крымское солнце сильно пекло. С опаской пробираясь по путям, Клевцов вышел к самому вокзалу. Здесь белогвардейский патруль впервые проверил его документы. Придаться было не к чему, и его отпустили.

Прежде чем идти по адресу, Клевцов решил побродить по городу. Побывал на шумном базаре, в татарской части города, и несколько раз прошелся по Луговой улице, где у него была первая явка. Клевцов обратил внимание на то, что город кишмя кишел офицерами и солдатами. Чувствовалось, что Врангель и Слащев готовятся к боям с Красной Армией, которая нависла над Перекопом.

Проверив, нет ли за ним слежки, Клевцов вошел в одностаянный, обшарпанный, сложенный из камня-ракушечника, домик. На покосившихся воротах висела фанерная дощечка с надписью: «Портной».

На условный звонок дверь открылась, и вышла пожилая женщина с широкой прядью седых волос.

— Мне нужно сшить костюм...

— Материал у вас с собой? — спросила женщина.

— Нет. Материал я не принес, но я хотел бы переговорить с портным.

— Хорошо. Проходите... Юра, к тебе пришли!

— Пускай пройдут, мама, — ответил из-за двери спокойный молодой голос.

В комнате из-за закрытых ставен было полутемно. Артем с трудом рассмотрел сидевшего у стола человека.

— Проходите вот сюда. Садитесь, — подвинул он стул гостю.

Как потом узнал Артем, юноша был не кто иной, как Юра Дражинский — член городского подпольного комитета; казалось, по возрасту он не подходил для такой работы, а между тем этот человек держал в своих руках все нити тонко разработанной военной организации большевистского подполья. Сам Юра никогда не служил в армии, но хорошо знал солдатский быт, офицерские нравы и почти безошибочно подбирал людей из военных для

большевистской работы. У него даже в контрразведке были свои люди. Сам он был бесстрашен и выходил невредимым из рискованнейших операций.

Юра подробно расспросил Клевцова о том, как он пробрался через фронт. На минуту отлучившись в другую комнату, подпольщик возвратился обратно в сопровождении девушки.

— Знакомьтесь — Надя. Она специально выделена для работы среди офицеров Симферопольского гарнизона.

— Я все знаю, — сказала Надя. — Нужные для вас документы у нас будут примерно через пять дней. Вам придется провести эти дни в одной из наших конспиративных квартир. Как ты думаешь, Юра, к кому можно ответить товарища?

Дражшский подумал и сказал:

— Что ж,веди к Шуру. У нее более безопасно. Ряса протонерея хорошо скрывает...

Надя и Клевцов вышли на улицу. Артем был одет в военное обмундирование с погонями, которое носили в одном из полков, размещенных в Симферополе. Вид у него был бравый, к нему очень шла военная форма, и особенно погоны прапорщика. Офицер, шагающий под ручку с молоденькой девушкой, не мог возбудить никаких подозрений.

Надя привела Артема к подъезду одного из домов, из него только что вышел поп. Клевцов подозрительно посмотрел вслед священнослужителю, но Надя взглядом успокоила его.

Дверь им открыла девушка с большой косой через плечо.

— Принимай, Шура, гостя! — весело сказала Надя и, отведя хозяйку в сторону, что-то шепнула ей. Они прошли в комнату.

Не успел Артем переступить порог, как молодая хозяйка бросилась ему на шею и обняла его:

— Артем, дорогой...

— Валюша! — только и мог в волнении проговорить Артем.

Надя стояла, ничего не понимая. Наконец она проговорила:

— Значит, вы знаете друг друга?..

— Надюша, родная, кого ты ко мне привела... кого привела, ты не представляешь!..

— Это твой родственник или, может быть, брат?

— Нет, мы просто вместе работали...

— Ему придется у тебя побыть несколько дней. Я снова за ним приду, — сказала Надя и добавила: — Хотя и придется вам жить в одной комнате, но, я думаю, ссориться не будете, вы же знакомы... Только, чур, не влюбляться... — Надя засмеялась.

Артем краснел от таких шуток, Валя хмурилась...

— Ну так вот, — обращаясь к Артему, уже серьезно сказала подпольщица. — Те документы, за которыми вы прибыли, будут готовы через несколько дней. А теперь — всего вам хорошего.

Когда Надя ушла, Валя припалась усиленно ухаживать за гостем: вскипятила чай, накрыла на стол, привела в порядок диван, чтобы Артем мог отдохнуть после дороги. Артем обратил внимание на то, что на особом столе в глубине комнаты стояло много всяких баночек, скляночек, бутылочек, лежали кисточки и ручки. Шура перехватила его взгляд:

— Артем, ты знаешь, куда попал? Прямо в прачечную, а я есть самая обыкновенная прачка. — Она рассказала Клевцову, что в симферопольском подполье работает один замечательный большевик и конспиратор, который был сюда переброшен из Петрограда, где еще в царское время прошел хорошую школу нелегальной работы. Он-то и создал эту «прачечную», или «паспортный отдел», где фабриковались документы: паспорта, справки об освобождении от воинской повинности, солдатские отпускные свидетельства, медицинские заключения. Старые документы здесь «стирались», то есть различными химическими средствами уничтожался прежний текст и вписывался новый, нужный.

Пользуясь только ей известными химическими веществами, Валя могла «выстирать» любой документ; она могла подделать любую подпись и печать. Устроилась она на квартире протонеря, и с точки зрения конспирации, квартира ее была вполне надежна.

— Условимся, — сказала Валя Артему. — Ты будешь моим братом, приехавшим из Керчи. Поп и его семья ничего не подозревают и даже любят меня. У контрразведки эта квартира пока вне подозрения. Ты, Артем, будто бы бежал в Керчь из-под Новороссийска после разгрома депинской армии. Хорошо?

Во время обеда Грачева представила «брата» прото-перею и его жеие. Они очень участливо отнеслись к молодому человеку. А попадья даже откуда-то извлекла и предложила Артему штатский костюм.

— Не надо ему костюма, — сказала жилица. — Он отдохнет несколько дней и попросит, чтобы его зачислили в добровольческую часть.

Этим объяснением поп и его сунруга остались очень довольны.

Артем никуда не выходил из квартиры. Ему было запрещено принимать участие в работе подполья. Он должен был выполнить только одно — получить от подпольщиков важные документы и немедленно доставить их командованию Красной Армии.

Обычно днем они с Валею запирались на несколько часов в комнате, и «прачечная» пачинала действовать всю.

Вечером при слабом свете ночника у них начинались нескончаемые разговоры. То Артем рассказывал о своей работе в тылу у интервентов, то Валя — о Крыме, врапгелевской армии, кутеповской контрразведке, о делах комсомольцев-подпольщиков.

Однажды Валя поведала Артему волнующую историю о том, как она попала в лапы контрразведки и как с большим трудом вырвалась оттуда.

— ...Не подумай, что я бесстрашная. То, что со мной произошло в контрразведке, я не считаю каким-то героизмом, это было просто борьбой за свою жизнь... Понимаешь, мне не хотелось умирать раньше времени. Я ведь знала, как контрразведчики замучили, а потом убили симферопольских комсомолок Женю Жигалину и Фаню Шполянскую. Я просто не хотела, чтобы и меня убили. Я не хотела уходить из жизни, когда Красная Армия стоит у ворот Крыма. Ведь скоро вся эта белая свора будет разгромлена.

...Шла уже третья неделя, как я угодила в контрразведку. Были уговоры, шантаж, побои и пытки жаждой. Но я упорно стояла на своем: «Все это ошибка, обо мне кто-то дал ложные сведения». Однажды ночью меня пригласили к следователю. У него сидел человек, которого я знала. Это был провокатор, обманувший наше доверие, выдавший многих подпольщиков, в том числе и меня. Человек этот сидел синой ко мне и говорил, не поворачи-

вая головы, словно боялся, что я плюну ему в лицо. Он убеждал:

«Шурочка! Игра закончена. Расскажи, куда ты спрятала свои игрушки. Они тебе больше не понадобятся... Расскажи про «прачечную» и тебя отпустят».

Однако я не смутилась и в ответ ему твердила одно и то же:

«Вы меня с кем-то путаете. Наверное, у вас была знакомая прачка Шура и она потерялась. Так и ищите ее. А я не Шура, а студентка Зоя Грибанина, и ничего я не знаю».

Меня снова увели и бросили в подвал, в карцер. Казалось, что это копец. Но мозг все же лпхорадоочно работал, я искала выхода и решила пустить в ход последнюю карту. Мне вспомнилось, что в нашем доме, еще в Питере, жила женщина, которую считали «буйнопомешанной». Она, ни с того ни с сего, вдруг пачинала кричать, заламывать руки, бросаться на родных. Приходилось вызывать карету, связывать ее и увозить в сумасшедший дом. Вспомнилось, как ее, растерзанную, вопящую, тащили через двор к карете дюжке саптары... И вот в ту же ночь я порвала на себе рубаху, расцарапала лицо, размазала кровь по всему телу, распустила волосы и в таком виде предстала утром перед надзирателем. Едва он открыл камеру и переступил порог, я кинулась к нему на шею с криком: «Жоржик, любимый!» Он отбросил меня к стене и ударил каблуком по голове. Весь день я бесновалась, плакала, хохотала, выла по-собачьи, пела, декламировала, скребла ногтями штукатурку, плевала в каждого, кто входил ко мне. Словом, проделывала все, что по моему тогдашнему представлению должен был проделывать буйнопомешанный.

Больше всего я боялась экспертизы. И вот она явилась. В мою камеру в сопровождении контрразведчиков вошел высокий, грузный старпк. Я его узнала, это был известный в Крыму профессор-психиатр. Я знала его дочь и бывала у них дома. Войдя, он, видимо, тоже узнал меня. Я забилась в угол и, когда он подошел ко мне, лягнула зубами, будто желая укусить... Профессор придержал меня за плечо и ласково сказал:

«Девочка, не падо так. Успокойся, милая. — Он повернулся к контрразведчикам: — Вы ждете от меня заключения? Но, к сожалению, сейчас мне трудно определить ха-

рактер заболевания. Возможно, это острый приступ преждевременного слабоумия, или, как говорят у нас, — деманция прекокс».

«Скорее, это симуляция», — заметил один из белогвардейцев.

Профессор развел руками:

«Видите ли, факт симуляции можно проверить только в больничных условиях».

«Сколько же вам потребуется времени, чтобы вынести окончательное суждение?» — спросил контрразведчик с погонами подполковника.

«Не меньше двух недель», — ответил профессор.

«Хорошо, забирать...» — приказал подполковник.

Вот так я попала в психиатрическую больницу... С заключением экспертизы о моем слабоумии меня взяла к себе мать Юры Дражинского.

А вот теперь я здесь...

Потом они вспоминали Питер и Вологду.

Артем со дня на день откладывал вопрос, который ему хотелось задать Вале: почему она уехала из Вологды, оставила Ивана? Наконец он решился. Начал с того, что рассказал девушке о своем разговоре с Иваном Терентьевичем и о фотокарточке, которую тот подарил ему.

— Порви ее, Артем, уничтожь немедленно!

Он попытался улыбнуться:

— Зачем рвать? Она ведь хорошая.

— А что хорошего — с подлецом и обманщиком согласилась рядом стоять!

Артем опешил:

— Но разве он тебя обманывал?

— Если бы не знала, не говорила бы...

Валя старалась оставаться спокойной, но это ей давалось с трудом. Лицо ее стало злым и суровым, на скулах появились красные пятна.

— Не хотела я, Артем, об этом говорить. Но раз начали разговор, то скажу. Верю я тебе. Да, он меня обманывал. Застала я его с этой... фифочкой, машинисткой из общего отдела. Я ему все прощала, Артем, все — и разухабистость его, и распушенность, и даже мат. Бывало, придет домой — водкой разит от него, завалится в постель в башмаках... Ругались мы только... — Валя голос задрожал и пресекся.

Артем тоже разволновался. Вот тебе и Иван Истойко!

Этого он не ожидал от своего «корешка». Этакая грязь! Неужели правда?

— Трудно поверить, — вырвалось у него.

— Хороший ты, Артем, вот и не можешь поверить,.. Всё. И не говори мне больше о нем. Давай лучше спать, уже поздно...

— Как хочешь... — тихо ответил Артем и стал стелить себе на диване.

ПИСЬМО

На четвертый день вынужденного заточения Артема прибежала Надя, взволнованная и запыхавшаяся.

— ...Юра Дражинский попал в контрразведку. Он попытался взорвать склады боеприпасов под городом. Врагелевцы узнали о готовящемся взрыве и устроили засаду. На воздух взлетел только один склад. Наверное, провокатор завелся... При аресте застрелился поручик Тимохин — адъютант начальника гарнизона. Но все, что надо, он успел достать. Вот вам... — И Надя подала Артему драгоценный пакет.

— Вам, Дерюгин, — продолжала она, — приказано сегодня в полпочь быть у северного семафора и ожидать приближения поезда; машинист возьмет вас на Джанкой... Да, жалко Тимохина. Кто бы мог подумать, что этот подтянутый штабной офицер с надменным лицом мог быть связан с нашим подпольем? Конечно, тут замешан провокатор. Однако я знаю, как он тяготился своей карьерой, своими погонами, как мечтал о скромной должности учителя и связывал свои надежды с победой Красной Армии... И вот — смерть после того, как он мне передал этот пакет... В нем карта о дислокации войск и оборонительных сооружений Перекопа и Сиваша и оперативный приказ по войскам и тылу на случай наступления красных. Документ очень важный, и вам, Дерюгин, пужно срочно передать его командованию Красной Армии. Вы это сами знаете...

— Ну, я пойду, мне пора, — спохватилась Надя. — До свидания. Может, бог даст, еще свидимся. — Она пожала руку молодому подпольщику. — После разгрома белых приезжайте в Симферополь. Правда ведь хороший город и... — засмеялась Надя, взглянув на Валью, — и девушки у нас хорошие?!

— Ну, эту-то девушку я больше вашего знаю, и потом — она не симферопольская, а питерская, ткачиха с фабрики «Лютш и Чешер»...

— Вот как! — воскликнула Надя. — А я и не знала. В подполье не знаешь, с кем работаешь рядом.

— А ты зачем такие секреты важные выдаешь, Артем? — погрозив пальцем, сказала Валя.

— Так ведь, надеюсь, Надя проверена?.. — спросил Артем, улыбаясь.

— Конечно, — ответила Валя. — Но тебе говорить об этом не стоило. Во всем и всегда нужна осторожность.

Она обняла Надю, потом слегка подтолкнула ее к двери.

* * *

Перед расставанием Валя сказала Артему:

— Мы с тобой встретимся в Москве, правда? После победы, если жива буду, я обязательно в Москву поеду учиться на рабфак! Это я твердо решила. Так что пиши мне по адресу: Москва, Центральный почтамт, до востребования. А ты что собираешься делать?

— Чудачка! У нас одна мечта.

В полночь Клевцов, простившись с Валею, одетый в спецодежду путевого обходчика, пошел к северному семафору. Документы у него были на имя путейского мастера, и за них он не боялся...

В Джанкое на явке Артем снова встретил старого знакомого, телеграфиста, и с ним без всяких осложнений добрался до станции Таганаш.

Типично познакомил Клевцова с прапорщиком Нагнибедой — добродушным и круглолицым украинцем, командовавшим взводом. Широкоплечий, крепкий, словно отесапный топором, он возбуждал симпатию своей веселостью. Нагнибеда уже давно работал по поручению большевистского подполья в белогвардейских войсках. Сейчас он имел при себе весь план обороны Чоигарского моста. Подпольный ревком приказал ему вместе с Клевцовым уходить в распоряжение красных войск.

Встретившись с Артемом, прапорщик велел ему переодеться в солдатское обмундирование.

— На передовых тебе безопаснее будет. А потом ты эту штуку, — Нагнибеда показал Георгиевский крест, вынутый им из кармана, — на грудь приколи. Если печаль-

ство какое встретишь, почета больше будет. И вот тебе удостоверение на имя только что убитого солдата моего взвода — Дятлова Ивана Павловича. Запомни фамилию... Ну, вот и добре, — оглядел прапорщик переодетого Клевцова. — Теперь потопаем в мой взвод. Я тебя со своими парубками познакомлю. Гарные ребята, в красных стрелять не хотят и не будут.

Взвод Нагнибеды размещался в землянках, недалеко от Чонгарского моста, на охране которого он стоял. Подложенные под мост готовые к взрыву мины были им обезврежены и опасность взрыва устранена.

В темную октябрьскую ночь Клевцов и Нагнибеда осторожно пробрались по Чонгарскому мосту в расположение войск Красной Армии. В черном небе то и дело разрывались сигнальные ракеты. Луч прожектора временно выхватывал из крошечной темноты причудливые силуэты, лизал опоры и фермы моста. Тогда Артем и Нагнибеда ложились ничком на настил и не двигались. Но вот луч гас, и снова наступала полная темнота...

— Стой! Кто идет? — раздался грозный окрик часового.

— Свои! — в один голос ответили Клевцов и Нагнибеда.

— Пропуск?

Конечно, пропуска и отзыва они не знали.

Часовой свистком вызвал разводящего.

С рассветом пришельцев доставили в штаб ближайшей части. Вскоре, передав в штаб фронта документы, Клевцов снова оказался в распоряжении своей бригады. Начштаба, с которым он сразу же встретился, приказал ему обдумать все, что связано с форсированием вброд Спваша, и доложить свои соображения.

Под конец беседы начальник сказал мимоходом Клевцову, что, пока он отсутствовал, на его имя поступило письмо, которое ждет его в столе у адъютанта.

Получив корреспонденцию, Артем присел тут же в приемной штаба.

Письмо было от Федя Русапова. Он писал:

«Дорогой друг Артем!

Я долго думал о том, надо ли тебе писать... Но потом решил, что надо... Возьми себя крепко в руки и постарайся пережить еще одну горе, постигшее тебя. Вскоре после того, как мы тебя проводили, Зина заболела сып-

ным тифом. Тиф у нее был в очень сильной форме. Ее организм не выдержал, и вот вчера мы ее похоронили. За ее гробом шли не только близкие и друзья, но и много горожан. О работе Зины в большевистском подполье они узнали из газеты, в которой была помещена и ее фотография (вырезку из газеты тебе посылаю).

Еще одна утрата. Крепись, мой друг, я ведь знаю, что Зина была тебе не безразлична...

Дальше Артем читать не мог — потемпело в глазах. Он пристально смотрел на газетную вырезку, но букв не видел — только черты дорогого ему лица. «Неужели правда?..» Взяв себя в руки, перечел письмо Феди... Зины больше нет. Никогда он больше не увидит ее...

Ошеломленный этой мыслью, он с трудом удержал слезы... К нему, обеспокоенные, стали подходить люди. Артем не заметил, как перед ним вдруг появился начштаба и, слегка дотронувшись до плеча, пригласил к себе в кабинет.

— Что с вами? — спросил начальник, усадив Артема перед собой на стул. — Случилось что-нибудь?

Артем дал прочесть письмо.

— А кто она вам — Зина?

Он вспомнил, как отец спрашивал, есть ли у него невеста. И как-то само собой у него вырвалось:

— Невеста.

— Невеста?.. — начштаба помрачнел. — Сочувствую вашему горю. Всё этот тиф!.. Косит и косит людей. Сын мой тоже умер от тифа... Знаете что? Заходите-ка ко мне вечером. Познакомлю с женой, посидим, чаю попьем...

Артем поблагодарил.

* * *

Его разбудил какой-то непрерывный, пазойливый шум, доносившийся с улицы. Уже было светло. Отодвинув в сторону узорчатую занавеску, Артем глянул в окошко — мимо дома проходили войска. Неровными рядами, колыша винтовки, устало шла пехота, измученная большим переходом. В конных упряжках катились орудия, оставляя после себя глубокие колеи; двигалась кавалерия — по четыре лошади в ряд; на пиках у конников алели красные флажки, позвякивали шашки. Четко раздавались в морозном воздухе дробные удары копыт о мерзлую землю; лошади, чуя близкий привал, ржали...

Клевцов быстро умылся, оделся и побежал в штаб. Надо было выяснить положение на фронте, получить дальнейшие указания. Было ясно — сюда, к Сивашу, стягиваются войска, значит, готовится наступление. А он? Где его место в этом огромном людском потоке, который сейчас вливается в Строгановку и другие прибрежные селения?..

Когда его пригласили в комнату к начальнику штаба, тот сидел над картой и делал на ней какие-то пометки. Прервав это занятие, командир почесал густую щетину на подбородке и отрывисто произнес:

— Садись.

Клевцов сел.

— Чего тебе не спится? Отдыхал бы, пока можно, заслужил, — с напускной строгостью произнес начштаба.

— Спасибо, товарищ начальник, я отдохнул. Пошлите меня в часть.

— Опять ты за старое! Как волка ни корми... — начштаба помолчал. — Ты историю знаешь?

Артем с удивлением посмотрел на командира.

— Не удивляйся. Вопрос к месту... В восемнадцатом веке крымский хан воевал с русскими. Знаешь? Ну, так вот, однажды хан с главными силами ждал русских на Перекопе. А русские надули хана: в ста двадцати верстах левее Перекопа двинулись по Арабатской стрелке, а оттуда махнули на крымский берег, в тыл ханским войскам, и разгромили их... То, что сделали наши предки, можем сделать и мы. Как ты думаешь? Конечно, по-своему, на свой лад.

— Значит, решено? Когда? — взволнованно воскликнул Артем.

— Об этом командующий лучше меня знает... — сдержанно ответил начштаба. — Но решено. Тут и бумаги твои оказались полезны.

— В таком случае прошу немедленно направить меня в часть. Кем угодно.

— Какой нетерпеливый... Ну, если так, то слушай. Командующий решил половиною шестой армии переправить через Сиваш и ударить по белым с тыла. Первым будет переправляться штурмовой отряд из коммунистов... За ним пойдет пехотная дивизия, потом кавалерия и артиллерия. Проводником у штурмового отряда пойдет Иван Иванович, а в помощь ему хотим послать тебя. Конечно,

дорогу будет указывать он, а ты организуешь людей, проследишь за порядком... Дело необходимое, сам понимаешь. Ну, как, согласен? Или опять будешь проситься на передовую?

Артем улыбулся:

— Что вы, товарищ начальник!.. Когда?

— Когда — сообщу дополнительно.

* * *

Ночью седьмого ноября передовой отряд коммунистов, а за ним и другие части шестой армии, перейдя Сиваш, штурмовали неприступные укрепления Турецкого вала.

Двенадцатого ноября 1920 года была занята станция Таганаш, и красные войска повели наступление на Джанкой. Деморализованные могучим натиском красных частей, белые армии начали стремительно отступать вглубь крымской земли... Наступили последние дни врапгелевской авантюры, развернулись последние сражения гражданской войны...

ЧАСТЬ VI

БАНЯ

В марте 1922 года Артем Клевцов, с вешевым мешком за плечами, в попошепной, выдавшей виды кавалерийской шинели, отделанной на груди красными застёжками, в краснозвездном остроконечном шлеме, вышел на перрон Николаевского вокзала в Петрограде.

На Знаменской площади он в задумчивости остановился. На этой вот площади в феврале семнадцатого года он участвовал в разоружении полицейских... Артему вспомнилось все: и заводской цех, и запасной полк, и кровавые июльские дни, когда погиб Сенька, и горячие дни Октября, и незабываемая встреча с Ильичем...

— Пройдите, товарищ командир, — услышал Клевцов голос милиционера. — Мешаете движению. Видите, какая сутолока.

В самом деле, со всех сторон шли, спешили на поезда пассажиры с лубяными чемоданчиками, корзинками, мешками... Поправив привычным движением вещевой мешок, Артем зашагал к остановке трамвая. Ему был известен

лишь адрес Щербатова, старого большевика, товарища его отца. Поэтому Клевцов решил ехать на Выборгскую сторону.

Поднявшись по знакомой грязной лестнице, он остановился у двери; на ней уже не висела, как прежде, медная дощечка с надписью: «И. В. Щербатов. Фрезеровщик». По поводу этой дощечки Иван Васильевич любил пошутить: «А чем я хуже тех, кто пишет на своих дверях: «Адвокат Пробкин», или «Доктор Птахин», или там «Инженер Туголобов»? Наша профессия не менее почетная.

Дверь открыла пожилая женщина.

— Вам кого? — спросила она, недоверчиво посмотрев на Клевцова.

— Иван Васильевич Щербатов-здесь живет?

— Нет. Я о таком не слышала. Мы год тому назад эту квартиру по ордеру жилотдела получили, но и до нас здесь жил другой человек: Горюнов — банковский чиновник. Желю он похоронил...

— Спасибо! — перебил Артем словоохотливую женщину и, поправив лямку мешка, стал спускаться по лестнице.

Под аркой дома Клевцов столкнулся с дворником, которого запомнил. Однако тот прошел мимо, не узнав его.

«Неужели я так изменился?» — подумал Клевцов и крпкнул:

— Флегонт Стратонович! Неужели ты не узнал меня?

Дворник остановился, сдвинул шапку на затылок и внимательно посмотрел на прохожего.

— Не узнаешь?

Дворник смотрел удивленно и неуверенно.

— Нет. Жильцов теперь много новых стало, всех не упоминаю.

— Вспомните, Флегонт Стратонович, как я вам в семнадцатом вслух газеты читал — на квартире у Щербатова. Как мы чай с сахарипом пили.

— Извиняюсь, запаматовал.

Клевцов спросил:

— А вы знаете, Флегонт Стратонович, где теперь живет Иван Васильевич Щербатов?

— Щербатов? А кто его знает. — Дворник задумчиво почесал в голове.

— Разве вы и его забыли?

— Да нет, его-то я не забыл, он, почитай, лет десять при мне в этой квартире проживал. Его-то как не помнить...

— Так не скажете ли мне, что с ним?

— Что же, это можно. Только на улице вроде несподручно. Пожалте ко мне в дворницкую.

Дворник открыл дверь в полуподвальное помещение.

— Вот сюда пожалте! Темновато тут, не стукнитесь, обождите, я огопь вздую... — В темной прокопченной прихожей тускло вспыхнула пыльная электрическая лампочка.

Хозяин пул ногой дверь, и Артем, согнувшись, вошел в низкую комнату, плохо освещенную оконцем, которое лишь фрамугой выходило на улицу. В комнате было грязно, вещи валялись в беспорядке; на деревянном топчале, заменявшем кровать, лежала груда тряпья.

Флегонт Стратонович обеспокоенно сказал:

— Вы уж извиняйте меня. Старуха моя год тому пазад от тифа померла, а у самого вот, — развел он руками, — не выходит ничего. Да вы сюда седайте...

Клевцов сел на скрипнувший под ним стул.

— Я сейчас чайничек поставлю. Видно, с дороги вы, вот и погреемся чайком-то.

Вскоре послышался шум горящего примуса.

Оставшись один, Артем задумался:

«Вот приехал, а ночевать пегде... Да, как-то я теперь пачну жить? Надо сегодня найти кого-либо из знакомых, чтобы можно было, как говорил Постойко, «бросить якорь или встать на бочку». Кстати, как бы узнать, где сейчас Иваи и что делает?..»

Думы Клевцова прервал дворник, вошедший с чайником в руках. Налив в стакан какой-то коричневой бурды, хозяин пододвинул его к Клевцову:

— Вот, пожалте. Тут сахарок, — показал он на стеклянную, засиженную мухами, сахарницу.

— Спасибо, у меня свой есть, — сказал Клевцов и достал из вещевого мешка продукты. Он нарезал хлеб и колбасу и положил все на середину стола.

— Прошу вас, Флегонт Стратонович...

— Нет, увольте... — держа блюдо в растопыренных пальцах, ответил дворник. — Вы с дороги, вы и кушайте, а мы дома и сыты, слава богу.

— Как теперь с продовольствием в городе? — спросил Артем.

— Дык как вам сказать?.. Конечно, давно никто не голодает. Ежели в кооперации чего нет, так на рынке у маклаков все достать можно. — Дворник встал, открыл буфет и вынул полбутылки водки. — Даже вот это. — Он ударил ладонью в донышко и, выбив пробку, налил две пузатые, из зеленого стекла, стопки.

— Так с приездом вас... как звать-то не знаю, гражданин-товарищ.

— Неужели вы еще не узнали меня, Флегонт Стратонович? — продолжая удивляться, спросил Артем.

— Извиняюсь, нет. Вы сами в потемки со мной играете, а спросить вас я не смею.

— Так я Клевцов. Артем Клевцов! Помните? Я часто у Щербатова бывал, с вами беседовал.

Дворник удивленно посмотрел на Артема:

— Мать честная, а и верно! Как же, теперь вспомпаю. Ах ты, и дела!..

— Ты, Флегонт Стратонович, зови меня по-прежнему — Артемом. И расскажи, что знаешь о Щербатове, об Иване Васильевиче.

— За ваше здоровье, Артем! — Дворник опрокинул стопку, крикнул, взял корочку и понюхал ее. Размашисто вытерев рукавом губы, он взял кусок хлеба и положил на него кружок колбасы. Налив снова по стопке, дворник заговорил:

— Ни в жисть бы мне вас не признать! Лет вам тогда было, поди, осьмнадцать, не боле. А сейчас, вишь ты, и усы, и борода, и седина в волосах. Степенный такой. Если не секрет, кем ты в Армии Красной был?

— Так вот почему ты не узнал меня! — воскликнул Артем. — Я забыл совсем, что уж месяц не брился. Три недели в дороге был. Из Средней Азии, почти с самой афганской границы, добирался сюда. Транспорт еще плохо работает...

— Видно, нелегкая жисть была. Горе-то одного рака красит... — покачал головой дворник. — А какой чин имел в армии?

— Последнее время служил комиссаром полка.

— Скажи пожалуйста. Такой молодой, а если по-старому рассудить, то навроде полковника?

— Да нет, не совсем...

— Да мы понимаем это... Сам я на Юденича в девятнадцатом ходил, так у нас тоже комиссар был...

— Флегонт Стратонович, — перебил Артем, — так расскажи мне о Щербатове.

— Тогда слушай. Жена его, Настасья... Так вот, она в восемнадцатом померла, царство ей небесное. В девятнадцатом он тоже на Юденича пошел. А когда вернулся, то, как сейчас помню, я зашел к нему, а он мне и стал говорить: «Не могу, Флегонт Стратонович, больше в этой квартире жить, тяжело мне, издеса жена померши... Буду, говорит, пока у себя на службе жить. А тебя я позвал затем, чтобы кое-какие лишние вещи тебе отдать». Сказал он мне так, взял чемодан и ушел. Внизу, на улице, автомобиль его ждал. Сел он — и только дымом фыкнул. А с той поры я его не видел.

— Так где же он работает-то?..

— Тогда в чека работал, на Гороховой, дом два. Каким-то начальником большим числился. Вот и все, что я о нем знаю.

— И на том спасибо, — сказал с облегчением Артем. — Может, теперь я разыщу его. Пожалуй, мне пора... Темнеет, а еще и ночевать негде...

— Так куда же ты пойдешь? У меня и заночуй. Пуховых перин нет, а в тепле будешь. Утро вечера мудренее.

— Спасибо, Флегонт Стратонович. Я, пожалуй, так и сделаю. С дороги я, и устал к тому же...

— Вот и хорошо. Ежели бельишко чистое есть, в баньку сходи, тут недалече. Да надо бы тебе заросль эту срезать, а то и другие знакомые тебя не узнают.

— Насчет баньки ты в точку попал... Я о бане давно мечтаю. Первым делом туда и схожу!

Помывшись и побрившись, Артем почувствовал во всем теле необычайную легкость. Смотрясь в зеркальные витрины магазинов, он не узнавал себя. Из-под краснозвездного шлема на него смотрело румяное, посвежевшее лицо.

Вернувшись в дворницкую, Артем увидел на топчане и на диване набитые свежей соломой матрацы, застланные чистыми холищовыми простынями.

— Ты на топчане ложись, — сказал дворник. — Я сегодня ночью дежурю у ворот, меня почти и не будет...

Сейчас чайку после баньки сообразим, тогда и ложись, будь как дома.

— Спасибо, Флегонт Стратонович!

Ночью на дежурстве сквозь окно, выходявшее на улицу, дворник слышал богатырский храп уставшего от долгой дороги человека.

НА ГОРОХОВОЙ, ДВА

Утром Артем надел новый френч, который сшил ему перед самым отъездом полковой портной, прикрепил на алой ленте к карману снятые с гимнастерки два боевых ордена Красного Знамени. Вычистив шинель, вышел на улицу и сел в трамвай. Вскоре он уже входил в бюро пропусков Петроградской чека. По телефону он разыскал Щербатова.

— Слушаю! — раздался в трубке знакомый голос.

— Дяди Ваня!

— Что? Кто это?

— Это я, Артем Клевцов...

— Артюшка! Приехал, значит!.. Откуда ты, дорогой?

— Да я из бюро пропусков, здесь, внизу...

— Ох ты... бегу, бегу...

Минут через пять в дверях бюро пропусков уже гудел голос Щербатова:

— Ну, где ты? Покажись!

— Здесь я! — крикнул Артем и бросился к Щербатову. Щербатов так сжал его, что он крикнул.

— Пойдем ко мне в кабинет. Там обо всем поговорим.

...Уже начало смеркаться, а они все еще сидели друг против друга, делясь воспоминаниями о незабываемых прошедших годах. Казалось, беседе не будет конца.

— Смотри, как мы с тобой заговорились. Есть, наверно, хочешь, да и я от обеда не откажусь. Пойдем в нашу столовую.

Пообедав, они снова вернулись в кабинет.

— Ну, что ты теперь думаешь в Питере делать? — спросил чекист.

— Я и пришел с тобой посоветоваться...

Щербатов, после минутного раздумья, сказал:

— Ты комиссаром был, с народом умеешь работать. Тебя на более важном деле можно использовать. И пользы для партии будет больше, чем на заводе... Помедлив, он продолжал:

— А знаешь что, ты же в чека работал, так и иди к нам, ко мне под руку... Я начальником отдела, ты — моим заместителем. Работа интересная, да ты знаешь. Правда, характер крепкий нужен. Какой-нибудь слюп-тяй и нытик на это дело не годится. Так по рукам, что ли?

Артем задумался.

— Нет, дядя Ваня, не подойдет сейчас мне эта работа. Спорить не буду, она интересная... Но у меня всего четыре года школы за плечами... Как-то разговорились мы в Крыму в тылу у Врангеля с одной хорошей дивчиной: что будем делать после войны? Совпали тогда наши мечты. Оба мы решили — учиться будем. А у меня со знаниями ни в зуб ногой. Нет, уж лучше я на рабфак поступлю.

— Тогда тебе за командировкой надо в Пека¹ пойти... А лучше всего тебе с Лапшиным встретиться.

— Так и дяди Саша здесь?! — радостно воскликнул Артем.

— Эдесь. Он пролеткультom заворачивает...

Артем удивился:

— А как же он понал на эту должность?..

— Как? Он сам тебе расскажет... А ты все-таки подумай; может, подождешь с учебой год-два? Работа сейчас у нас очень интересная. Вот, смотри...

Щербатов взял со стола две объемистые папки и взвесил их в руке.

— Видишь эти папки? Это всё материалы следствия по делу молодежной контрреволюционной организации. Раз уж оно закончено, можно показать. Садись за стол, к лампе, и посмотри, как мы воюем. Да, воюем, хотя война и закончилась. Садись, читай. Может, снова у тебя интерес к нашей работе появится...

Артем взял папки и стал перелстывать следственные материалы о контрреволюционной деятельности нелегальных антисоветских организаций — «Союза воскресения России» и «Братства Серафима Саровского»...

¹ Так называли в те годы Петроградский комитет РКП(б).

Стрелки часов показывали уже одиннадцать вечера.
— Ты оставайся на ночь у меня, — услышал он голос Щербатова. Артем нехотя поднял голову и спросил:

— Вам домой надо, дядя Ваня?

— Дом мой здесь. За ширмой кровать и все такое. Тебе я на этом диване постелю. Когда закончишь читать, ляжешь.

Материалы следствия, с которыми Щербатов познакомил Артема, говорили о многих фактах деятельности людей, несправивших Октябрьскую революцию и советскую власть.

...Густым угаром стелется по маленькой, старенькой церковке шепоток. К стенам жмутся ветхие старушонки, около них старенький попик. Но есть здесь и молодежь. Среди них выделяется девушка, особенно приветливо встречаемая старушками. Ее здесь хорошо знают, эту смиренницу с благостным личиком. Она — недавняя студентка Госуниверситета, а сейчас — служащая одного советского учреждения.

Попик служит панихиду по мниистрам-кадетам, по «убленным и замученным большевиками белогвардейцам». Организатор панихиды — эта приветливая девушка с благостным личиком. Она каждый год служит панихиды... В свои двадцать семь лет Верочка Герман уже активная участница ряда контрреволюционных организаций... В ветхой, пропахшей ладаном церковке стелется шепоток о большевистской напаст, об антихристе...

Квартира бывшей баронессы фон Таубе — подруги и однолетки Веры Герман, хорошей спортсменки, инструктора физкультуры Центрального городского района. Мария Таубе тоже «активистка». Несмотря на свою молодость, она уже привлекалась по обвинению в контрреволюции. Не дай бог, чтобы кто-нибудь сейчас вошел в квартиру! Идет занятие кружка молодежи. Основная цель кружка — вырвать учащихся из-под «пагубного влияния новой школы». Участники кружка — школьники старших классов и педагоги... А вот кружок «повышенного» типа. Таких в Петрограде несколько, в вузах и школах. Темы докладов в кружках: «О чрезвычайке», «Октябрь и Россия», «О еврейском засилье»... Руководитель заканчивает доклад словами: «Если бы мне орга-

низация предложила убить кого-нибудь из советских вождей, я бы убил».

Сухие матерпалы следствия переносят Артема за границу... Париж. Кабинет руководителя Союза христианской молодежи, одного из активных работников белоэмигрантского национального комитета «Борьбы за Россию» — Георгия Федотова. Федотов только что закончил писать инструкцию о работе филиалов союза. В инструкции петроградскому филиалу сказано: «Имея своей конечной целью свержение советской власти, организация в задачу текущего дня ставит создание крупного общественного движения против существующего политического строя»... Такие инструкции посылаются двум контрреволюционным молодежным организациям в Петрограде: «Союзу воскресения России», или просто «Воскресению», и «Братству Серафима Саровского». Во главе этих организаций стоит «золотая молодежь» — дети бывших дворцовых чиновников, крупных помещиков, дворян, бывшие баронессы. Руководит организацией бывший председатель Всероссийского союза христианской молодежи, до сего времени уцелевший и не подвергшийся аресту... Все руководители — контрреволюционеры со стажем, часть из них привлекалась по делу о Кронштадтском мятеже и за участие в других заговорах. Их родственники или в концлагерях, или в белоэмиграции. По убеждениям все они монархисты или кадеты. Из них двадцать пять педагогов школ, остальные в большинстве работники учреждений, пролеткультов. Почти все с высшим образованием.

...Когда чека ликвидировала организацию «Братство Серафима Саровского», в Петрограде начался сбор денег в церквях и на квартирах. Сборщиками являлась молодежь. Собранные деньги предназначались на поддержку нелегальной организации «Воскресенье», главарем которой стал бывший главарь «Братства» пекий Аидриевский.

Организация нелегально печатала свою газету «Свободные голоса», взывавшую к «патриотическим чувствам» русской интеллигенции, открыто призывала к борьбе с большевиками, Советами и комсомолом. Среди безработных членов организации велась «экономработа». Используя всевозможные связи, их устраивали на работу, главным образом в библиотеки, вузы. Крепла связь

с заграницей, с белогвардейской эмиграцией. Словом, все направлено к тому, чтобы выковать из молодежи кадры контрреволюционеров. Членам «Воскресенья» давались разные антисоветские поручения. На одном из собраний «коллегии» присутствовал прибывший из Парижа делегат организации, возглавляемой Георгием Федотовым.

Провал «Братства Серафима Саровского» заставил «Воскресенье» перейти к более конспиративным методам работы. Доклады, читаемые в кружках, печатались в подпольной типографии и распространялись среди населения. «Родина в опасности! Отечество на краю гибели! Русская интеллигенция должна пробудиться. Воскресенье России придет не через какую-либо партию, а через объединение всех здоровых элементов нации, в беспощадной борьбе с большевизмом». Такими призывами заполнены листовки...

«Воскресенье» пользовалось большим почетом за границей. Когда партия большевиков и комсомол стали активно разворачивать антирелигиозную пропаганду, «воскресенцы», в противовес им, стали организовывать пеленгальные кружки по изучению «закона божия»...

Дочитав до конца материалы следствия, Артем не смог сдержать себя и, ударив кулаком по столу, воскликнул:

— Вот гады! Много-еще вас ползает на нашей земле! И это все происходит сейчас, когда наступили мирные дни, когда нет фронта!

— Вот именно. В наши дни фронт проходит вот здесь, через эти столы в наших кабинетах... А теперь ложись спать. Утро вечера мудренее. Встанешь и решишь сам, как тебе дальше быть.

Всю ночь проворочался на диване Артем; он не мог сомкнуть глаз. Предложение Щербатова было заманчивым, но что тогда будет с мечтой об учебе?.. Утром Щербатов спросил Артема:

— Ну как? Что надумал?

— Нет, все же я хочу учиться...

— Ну ладно, — примирительно сказал Щербатов, — что с тобой сделаешь, ты и раньше упорный был. Вижу, не сагитировать тебя. Если даже эти папки не помогли, то дело безнадежное. Попей вот чаю, — подвинул он стакан Артему, — да иди к Лапшину. Привет старпuku передай.

ВСТРЕЧА НА СЕННОЙ

Доехав на трамвае до Сенной площади, Артем решил сойти, чтобы посмотреть рынок. Уже с трамвайной площадки он увидел множество людей, телег, повозок. «Как непохоже здесь все на то, что было в начале восемнадцатого года», — подумал он, проталкиваясь в толпе.

На рынке бойко шла торговля продовольствием с рук, с лотков, в лабазах. Мелькали вывески частников: «Мелочная торговля Пухова», «Хлеб, баранки, мука Лошкарева», «Куры, индейки, гуси и разная дичь Трескачева». Оживленно торговали и кооперативные лавки.

Да, по этому рынку видно было, как давали себя знать плоды новой экономической политики, как налаживалась жизнь в городе, в стране.

«Хорошо, что горожане, рабочие Питера, уже не голодают, — думал Артем, — могут без карточек купить все, что хотят. Правда, частный торговец открыл свои лавочки и прет в каждую щель... Ну, что ж из этого! Власть в наших руках, вся крупная и средняя промышленность тоже, да и в оптовую торговлю государство частника не пускает. Правильно пишут в газетах: раз все эти «командные высоты» в руках государства, то мелкий частник нам не страшен. А сейчас пусть торгует. Пускай наша кооперативная и государственная торговля соревнуется и вытесняет частника, пускай, как призывает Ильич, коммунисты «учатся торговать». Да, ничего не скажешь, правильно все...»

Недалеко от входа на рынок Артем увидел безногого инвалида. Он сидел у самой ограды, на небольшой широкой доске, передвигавшейся при помощи роликов. Перед ним на земле лежала шапка, куда прохожие бросали деньги или клали продукты. Время от времени инвалид запрокидывал назад голову и, глядя оплывшими красными глазами куда-то в небо, начинал петь:

Спишь ты, спишь,
Моя родная,
Спишь в земле сырой.
Я пришел к тебе, родная,
С горем и тоской...

Закончив петь, он быстро произнесл осипшим голосом:

— Подайте инвалиду гражданской войны.

Артем остановился, мрачно разглядывая инвалида, его нездоровое, опухшее от запоя лицо, грязную одежду...

Вдруг кто-то больно ударил его по спине. Он быстро обернулся и застыл от изумления. Перед ним с авоськой в руках стоял Иван Пстойко.

— Ванюшка, друг!

— Вот черт! — с немалым изумлением воскликнул Пстойко. — Не ожидал, Артем!

Матрос сильно изменился. По одежде это был уже не прежний «братишка», — сейчас он носил форму флотского командира с золотыми нашивками на рукавах. На нем была флотская фуражка с «капустой», и только по-прежнему лпхой матросский чуб выбивался из-под нее, торча у виска.

Они остановились на людном месте. Поминутно на них наскакивали, толкали локтями люди, торопившиеся к базарным рядам, лавочкам.

— Здесь нам не поговорить... Пойдем-ка с тобой в подвальчик, — предложил Пстойко.

Стали выбираться из толпы.

«Подвальчик» оказался обыкновенной пивной, которая помещалась в одном из ближайших домов. Здесь было шумно и чадно: сюда часто забегали рыночные торговцы, чтобы выпить кружку-другую пива или «смочить» выгодную сделку, толкался разный бродяжний люд, какого немало бывает на любом большом рынке...

Нашли столик. Матрос быстро заказал официанту графинчик водки, пару пива и закуску.

— Ну, рассказывай, старина! — Иван аккуратно разлил в стаканы прозрачную жидкость. — Ты давно в Питере?

— Да вчера только приехал.

— А где остановился?

— Пока нигде, но думаю у Ланшина. Есть такой знакомый у меня, хороший старпкан — он меня в партию принимал.

— А хочешь — иди ко мне. У меня сейчас квартира — во! — Иван показал большой палец. — А на рынке что делал?

— Ничего особенного. Наизпачей хотел посмотреть.

— Ну и как — понравилось?

— Что тут может понравиться?

— А я бы их... — Иван сжал руку в кулак и обрушил его на стол, — вот так! Это же всё контрики педорезанные на свободе ходят.

— А что же ты хотел? Ты с партийной политикой согласен?

— Да, я с партией всегда согласный.. А с души воротит. Ну, не могу смотреть на все это. Иной раз напьешься... — Истойко махнул рукой. Он потянулся к Артему и спросил шепотом: — Ну, скажи мне, Артемка, долго еще эта погань, — он обвел подвальчик уже помутневшим от вина взглядом, — землю пакостить будет?

— Не знаю, Иван, не знаю. Только жить им не долго.

— Эх, Артем, Артем... Смотрю я на весь этот кавардак и вспоминаю Вологду, чекиста нашего Ивана Грома... Ты знал ли его?

— Не знал такого.

— Ну, конечно, это было после твоего отъезда... А про склады ты помнишь на станции Сухона? Чего только там не хранилось — и продовольствие, и обмундирование, и боеприпасы! И все это наши вывезли с Севера из-под самого носа у интервентов!.. Ну, так вот, пришло оттуда сообщение, что с охраной на складах пеладно, подозревают ее в темных делах. Дубец меня и послал туда — разведать что к чему.

И вот приезжаю я на Сухону. Вечер. Только что легкий дождик прошел. В воздухе такая приятная прохлада, благовоние разлито... Вижу — недалеко от станции — целый городок раскинулся: бараки такие с полукруглой крышей, вдоль них мостки положены, у каждого барака часовые стоят. Любопытство меня взяло, и пошел я туда... Вдруг слышу — сзади шаги. Оборачиваюсь — и нос к носу столкнулся с парнишкой и девушкой. Девуля миловидная такая, курносенькая... Спрашиваю: «Вы что же это, братишки, за мной ходите? Следите?» — «Так время военное, беспокойное. Предъявите документы...» — отвечает паренек солидным баском. «А вы кто такие, чтобы у меня документы спрашивать?» Тут девушка нежным голоском говорит: «Мы — чоновцы, права нам дадепы подозрительных задерживать». Это я-то, Артемка, оказался в подозрительных!.. А паренек опять свое: «Предъявите документы!» Ну, я сунул ему свое удостоверение, а он, салага, важно так взял его и читает. Про-

чел и вдруг говорит: «Пойдемте в милицию». Это чтобы они, какие-то желторотые чоновцы, повели меня, как мелкого воришку, в милицию?! Тут я не выдержал, послал куда надо по-моряцки. Девушка аж залилась краской как маков цвет, а парень выпинает из кармана ржавый наган да на меня: «Вы, говорит, арестованы. Пойдете в милицию или нет?» Рассердился я не на шутку и кричу: «Да ты грамотный или только вид на себя напускаешь? Читал в бумажке: уполномоченный чека. Мне не в милицию, а к нашему человеку надо пройти, к Ивану Грому!» Тут девушка лягнула: «А Грома уже нет». — «Как это нет?» — «А он вчера свою жизнь окончил». У меня — глаза на лоб: «Не может быть! Это провокация!» — «А между прочим, это факт».

По правде сказать, Артем, тут я немного растерялся. Что делать, думаю, неужели правда? Говорю ребятам: «Если так, то ведите в милицию. Да поскорее! Куда идти?» Пошел я в милицию — ребята едва за мной поспевали... Пришли, я — сразу к начальнику. Как мы там с ним объяснялись — рассказывать не буду. Только все подтвердилось: Иван Гром покончил с собой...

А почему? — Постоялко с ненавистью посмотрел на Артема, словно это он убил чекиста, потом перевел взгляд на сидевших за столиком посетителей пивной. — Это они убили его! Спекулянты и воры убили! Не веришь? Так послушай...

В охрану сухонских складов сумела втереться целая шайка паразитов. Продовольственным складом заведовал некий Распертов, темная личность и проходимец. Присосался к месту как клещ, своих людей подобрал. Воровали не только продукты, но и военное снаряжение, которое понемногу сбывали кулачью и бандитам. И вот это жулье стало примечать, что к ним приглядывается чекист Иван Гром. Решили они кунить его или скомпрометировать. И как придумали, подлые души! В один прекрасный день, когда Иван был в отъезде, приходят к нему на дом двое красноармейцев и передают жене «подарок от мужа» — мешок с продуктами. А в мешке и масло, и колбаса, и консервы, и сахар, — словом, о чем только мечтать можно. По тем временам — сам знаешь — целый клад! Ну и набросились трое ребяток с голодухи на все это, как мышки на сало. Жена, простая малограмотная женщина, тоже обрадовалась, сварила обед...

Приезжает Иван — в чем дело? Ребята веселые, жена улыбается, в квартире пахнет жареным и пареным... Когда узнал, в чем дело, рассвирепел, но скоро одумался: семья-то тут при чем? Понял: облапошили его ловкачи-спекулянты! А тут в народе разговоры пошли, подковырки, намеки: чекист, мол, душу продал. Поди докажи голодным людям, что ты не виноватый? Ходил, говорят, Иван несколько дней сам не свой, весь почернел, а потом... концы отдал. Письмо написал перед смертью, я читал... Там место такое есть: простите, мол, что смалодушничал, иначе поступить не мог, главное у чекиста — его совесть; совесть моя чиста, но доброе имя запачкано. Жить с такой раной не могу...

Матрос скрипнул зубами, тяжело замолчал. Фуражка его съехала на затылок, из-под нее буйно выбивались спутанные пряди волос.

— Ну, Распертова-то я тогда все-таки застукал. Не ушел, стерва, от меня. Потом вроде и до других добрался... А Пвана Грома нет. Так что же — прикажешь радоваться, что эта погань опять полезла из всех щелей, как клопы?.. — Пстойко разлил из графинчика остатки водки и залпом выпил. Он заметно опьянел.

Артем смотрел на старого друга и чувствовал к нему смутную жалость. «Трудно жить ему, — подумал он, — и не только из-за этих «недорезанных контриков». Мутит его верно иной раз и от самого себя...» Надо было отвлечь матроса от навязчивых мыслей. В первое же мгновение этой встречи он вспомнил историю с Вале́й, и все время она не выходила у него из головы. А матрос о Вале молчал, ничего не рассказывал...

— Ваня, ты не обижайся... Что случилось у вас с Вале́й, почему вы поссорились?

Пстойко вскинул склоненную голову, пристально посмотрел на Клевцова:

— А ты откуда знаешь?

— Дубец и Вася Пудов говорили... Да и с Вале́й я виделся.

— Где? — Пстойко даже привстал из-за столика. — Ведь она же на фронт уехала!

— Вот там я ее и встретил. Она мне все рассказала.

— Рассказала? — Пстойко, не отрываясь, смотрел на Артема. — Что же она рассказала?

— О том, почему вы расстались... Ты извиня меня, Ваня, я люблю прямоту, ты меня знаешь... Это верно, что ты изменял Вале с машинисткой?

Матрос усмехнулся, налил себе пива, выпил.

— И об этом она рассказала тебе?.. Все верно. Изменял.

— Променил Валью на какую-то... фифочку! — вырвалось у Артема, вспомнившего вдруг меткое слово, которым Валя окрестила свою соперницу.

— А ты думаешь, я не знаю цену Вале? Думаешь, забыл, что она из-за меня чуть на тот свет не отправилась?.. Нет, брат, матрос Постойко все же немного разбирается в людях. И с... фифочкой этой я тоже разобрался. — Иван вдруг крикнул во весь голос: — Да эта дамочка Валиного мизинца не стоит!

— А зачем же ты тогда... — Артем замялся и пожал плечамн.

Постойко опять крикнул:

— А потому что я... виноват перед ней! Понял? А она не хочет прощать!

Артем поморщился. Он не любил душевной путаницы и всегда стремился во все свои чувства и поступки вносить ясность и определенность. Ему было досадно, что Иван не умеет этого делать так, как он.

— Валя очень переживает, — сказал он осторожно, не зная, чем утешить друга.

Постойко крепко сжал руку Артема:

— Ты знаешь, ведь я люблю эту дивчину, и я бы все отдал за то, чтобы она вернулась.

— Она сейчас в Москве, учится на рабфаке... Ты можешь ей написать.

Иван нахмурился:

— Нет, писать бесполезно, да и не умею я этого... Может быть, я к ней поеду.

— Только не помешай ей учиться.

— Не помешаю... Я должен ее повидать. Выпьем, браток, за мое будущее свидание с Валею!

Он подозвал официанта и хотел заказать еще водки, но Артем категорически отказался:

— Хватит, Ваня. Пошли!.. Вот видишь, еле поднялся и ноги заплетаются.

— Ой нет, меня так легко с ног не сбить!.. Но если ты хочешь — пойдём. Слово друга — закон.

ОН БУДЕТ УЧИТЬСЯ

Артем повесил шинель на вешалку. Одернув френч, он осторожно сел в глубокое кресло около стола.

Лапшин осмотрел своим добрым стариковским взглядом гостя.

— Смотри-ка, ты два ордена Красного Знамени получил! Идет к тебе!

Дядя Саша заставил Артема подробно рассказать о его жизни за годы разлуки.

— Теперь ты мне о себе, дядя Саша, расскажн. Каким образом ты в пролеткульт попал?

— Очень просто. Вызвали в горком, говорят: ты на пас не обижайся, а решили мы послать тебя в пролеткульт. Там необходимо укрепить партийное влияние.

Я упираться стал, говорю, — не пойду на эту работу. Конечно, политически я грамотный и классовое чутье имею, только уж очень не по душе мне все это... А другой работы не дают. Упрекают меня в недисциплинированности. Решил я в Москву поехать, чтобы с Ильичем встретиться, как-никак он меня все же хорошо по Питеру знает. Приехал я в Москву, добрался до приемной Ильича, упросил секретаря доложить обо мне. Доложил. И что ты думаешь, сразу ведь и принял, навстречу мне вышел, руку протягивает и говорит:

«Здравствуйте, здравствуйте, батенька, каким ветром вас занесло?»

Ну, я все Ильичу и рассказал. Он задумался, посмотрел на меня и примерно так говорит:

Не прав, мол, ты. Конечно, хорошо, если знаешь высшую математику, химию там или биологию, но сейчас для руководителя дело не в них. Надо скидку на данный исторический момент делать. Руководитель сейчас должен уметь работать с людьми, должен обладать острым классовым чутьем, чтобы правильно проводить в жизнь задачи диктатуры пролетариата. А ты это сделать можешь. Поэтому иди и работай.

...Тут он мне в виде напутствия про пролеткульты стал говорить, сказал, что это переходная фаза, что скоро они изживут себя. Потом тепло простился со мной, и я уехал. И вот, как видишь, работаю... Вначале очень тяжело было. Сам понимаешь, образования-то у меня

«кот начхал», а тут лякбез, театры, кино. Приходится разбираться во всех этих футурпстах, имажинистах, символистах. Прямо иногда в мозгах трещит. Я уж не говорю о деревне, какая там темнота и серость — это проклятое наследие царского строя. Да, Артем, по линии культурной революции в стране нам еще много и долго надо работать... Ну, а где ты думаешь трудиться?..

— Я?.. Я за этим и пришел к тебе, чтобы ты помог мне.

— Ну, а все же, кем ты хочешь быть: инженером, учителем?

— Видишь, дядя Саша, может, что я и не так скажу, так ты меня по старой привычке поправь... Конечно, в нашей стране всякий труд почетный, полезный и без него нельзя обойтись. Нам и врачи, и слесари, и инженеры, и пекари нужны, только натура у меня такая, что ли... Мне хочется на такой работе быть, с которой бы вся наша стройка была видна, чтобы я как в котле кипел. Хочу и видеть все, и вникать во все. И на заводе, и в столовой, и в кооперативе, и в пекарне — везде чтоб у меня было дело.

Лапшин подумал и сказал:

— По твоим рассуждениям тебе надо на партийную работу идти. Значит, надо учиться, в Свердловский комвуз поступать. В этом я тебе могу помочь. Только...

Лапшин замолчал, пытливо посмотрел на Артема:

— Только знаешь, что скажу тебе: политически ты уж более или менее подкован, а вот общих знаний не имеешь. Сам видишь, какую мы стройку в стране развертываем, и нам позарез нужны пролетарские инженерно-технические кадры. С остатками старой буржуазной интеллигенции социализм не построишь. Поэтому мы открыли широкую сеть рабфаков, разные льготы для рабочих и крестьян установили. Я бы и тебе советовал идти на рабфак, добиваться диплома инженера. Партийная работа от тебя никуда не уйдет, станешь инженером — на ней легче работать будет.

Он взял в руки стакан крепкого чая и большими глотками выпил его.

Артем вспомнил свою последнюю встречу с Валею, ее совет приехать в Москву, поступить на рабфак при Высшем техническом училище, где она сейчас учится на втором курсе. Вспомнил он и то, как Валя упрашивала

его и говорила, что в Москве у нее нет знакомых и друзей. «А Лапшин-то прав, махну-ка я на рабфак».

— Ты, дядя Саша, угадал мое желание. Я бы очень хотел поехать в Москву на рабфак...

— Это почему же? Разве в Питере рабфаков мало?..

— Там учатся Валя и другие товарищи.

— А-а-а! — многозначительно протянул Лапшин, исподлобья глядя на Артема. — Ну, раз Валя, то ипчего не сделаешь.

Артем всихнул, смутился:

— Нет, дядя Саша... ты, пожалуйста, не думай, она мне только хороший друг и товарищ...

— Ладно, ладно. Знаю я — товарищ в юбке... — с иронией подчеркнул последние слова Лапшин. — Хорошо, Артем, я тебе устрою командировку. Но учеба начнется осенью, а сейчас только март...

— Что же мне делать сейчас?

— Что? Надо подумать... Вот хотя бы так: иди работать ко мне, на все лето, в аппарат. Назначу тебя руководителем выездной агитбригады, пошлю в Вологодскую губернию, в деревню... Думаю, что польза от этого большая будет. В бригаде лекторы, агроном, юрпст, землемер, театральная группа и кинопередвижка — все, что надо для просвещения деревни.

— Пожалуй, согласен, — подумав, ответил Клевцов.

— Вот и хорошо. Жить пока будешь у меня, места хватит.

В МОСКВЕ

Поезд, тормозя, подходил к перрону; он заиаздывал на три часа, и Артем уже не надеялся, что его встретят.

Выйдя со своим лубяным чемоданчиком на перрон, он зашагал к выходу в город.

— Артем, стой! — окликнул его кто-то сзади. — Вот черт, как мчится!..

Он оглянулся, к нему бежала девушка в красной козынке, в полупальто, перешитом из шинели. Артем сразу узнал Валу.

Раскрасневшаяся, с выбившимися из-под платка кудряшками волос, Валя очутилась в объятиях Артема.

— Медведь! — заворчала девушка, поправляя сбившуюся на сторону косынку.

— Вот, приехал... — проговорил Артем, не зная, что сказать.

— Вижу, что приехал, — иронически заметила Валя. — Ну, пойдем... Впрочем, куда мы пойдем?.. Знаешь, давай сейчас к нам, в общежитие. Попьем чаю, поговорим, а там дальше видно будет.

— Ладно, — согласился Артем.

Они наняли извозчика и поехали в общежитие рабфака. Дорогой Валя расспрашивала Артема, почему он решил учиться на инженера и в какой отрасли хотел бы работать.

— Хорошо, что ты послушался моего совета, — одобрила Валя его решение учиться.

— Если женщина захочет, так и покойник захочет, — пошутил Артем.

Валя сразу стала строгой:

— Запомни, Артем... Если ты про нас что-нибудь думаешь такое, то выбрось, пожалуйста, из головы.

— Что ты!.. А знаешь, ведь я в Питере Ивана встретил. Не сладко он живет.

Девушка резко повернулась к Артему:

— Ну и что он говорил обо мне?

Артем рассказал о встрече на Сенной, о том, что матрос, кажется, собирается ехать в Москву.

— По-моему, мучается он, бедняга... Любит он тебя...

— Приезжал он ко мне, — сухо сказала Валя. — Разговаривали. Он просил меня все забыть и вернуться.

— А ты? — настороженно спросил Артем. Он подивился той остроте чувств, с какой переживал разрыв между Валею и Постойко.

— А я? — нехотя протянула Валя. — Я теперь решила учиться. А потом — увидим... Ну, как тебе нравится Москва? — резко переменяла она тему разговора.

— В Петрограде мостовые лучше. — Они оба засмеялись. Это был намек на немилосердную тряску, сопровождавшую их езду на извозчике, который еле тащился по замощенным булыжником московским улицам...

Общежитие рабфака помещалось в невысоком, почерневшем от времени кирпичном доме. Пройдя длинный полутемный коридор, они вошли в комнату, где вместе с тремя однокурсницами жила Валя. Валины подруги были дома. Сидя на кроватях, они беседовали с какой-то странного вида девушкой, одетой в деревенскую одежду.

На ногах ее были лапти, под грубым сермяжным кафтаном виднелся расшитый длинный домоткалый сарафан; на плечах лежал цветастый платок. Держалась девушка робко, чувствовалось, что ее смущала новая обстановка.

Валя познакомила подруг с Артемом. Указывая глазами на сидевшую на табурете у стола гостью, спросила:

— Никак новенькую к нам прислали?

— Комендант просил временно поместить на свободную койку, — ответила рабфаковка с короткими, по-мальчишески подстриженными волосами.

Валя подошла к новенькой и, здороваясь с ней, спросила:

— Ты откуда прпехала?

— Да издалече... — потупясь, ответила та.

— Учиться хочешь?

— Да.. вот, припоздала маленько...

— Она железную дорогу в первый раз видела, — пришла на помощь девушке рабфаковка с мальчишеской прической. — Интересно рассказывает...

Девушка теребила концы цветастого платка; у ног ее стояла берестяная пестерка, заменявшая, видимо, чемодан.

— А как звать тебя? Откуда ты?

— Феня звать меня. Из Кокшеньги я. Может, слышали?

Валя недоуменно покачала головой, вопросительно посмотрела на Артема. Тот пожал плечами.

— Деревню-то нашу Оиочинки зовут, а в деревне только двое грамотных... Школу-то при советской власти открыли... От наших мест до железки больше трехсот верст будет.

— Ты, Феня, расскажи, как ты добиралась сюда. Интересно это, — сказала одна из рабфаковок.

— Ой, уж и не знаю...

— Да ты не стесняйся, здесь люди все свои...

Феня, видимо, уже начала осваиваться в незнакомой ей обстановке. Медленно, с достоинством подняла она свою пестерку, поставила на скамейку, открыла и вынула из нее кусок хлеба.

— Нет ли соли?

— Вот, возьми, пожалуйста, — Валя подала ей спи-

течный коробок с крупной солью. — Ты только расскажи, как в Москву добиралась из... из...

— Из Кокшеньги-то?

— Вот-вот...

Круто посолив хлеб, Феня откусила и стала есть.

— Ну вот, значит... Места наши дальние. Глушь у нас и темень. Почитай, неграмотные все... Комсомолы в нашей деревне только недавно появились — это учительша наша Мария Павловна и писаренок из ВИКа, а третьей я к ним поступила. Тут все бабы и взялись за меня: сплеток разных сколько распустили! Поп меня от церкви отлучил, а батя из дому прогнал. Попрервоначалу я не знала, куда приткнуться. Да спасибо учительке Марье Павловне — уборщицей к себе в школу взяла. Вот, поди, с год я так и жила.

Феня прожевала хлеб и продолжала рассказ:

— Пришла подразверстка на рабфак...

Рабфаковцы переглянулись и заулыбались. Феня испуганно посмотрела на них:

— Не так чево сказала, что ли-ча?

— Продолжай, продолжай, Фенюшка, все это очень интересно, — вмешалась Вали.

— Так, значит, учителька и говорит мне: поезжай, мол, Фекла... Всю зиму она меня по книгам учила, до этого-то я всего два года в школу бегала. И вот бабы стали пугать меня: в рабфак, мол, этот статных девок набирают, они городским комиссарам нужны; и много еще разного про город говорили... Ну вот, значит, нарядилась я в дорогу. В запас пару лаптей взяла, пестерку, посошок и пошла на железку. А идти до нее ой сколько!.. Дороги в наших краях не наезжены, через болотину, по гатям надо идти, и все лесом, лесом, лесом... Страшно...

По утрам туман холодный, заморозки, сыро; лапотки промокают и ноги мерзнут. Иду, иду, устану и зайду в деревню, кипяточку попью, хлебушка поем, и снова дальше. Куда иду-то, сказать боялась, говорила, что к тятке иду, мол, он на заработках заболел. Бабы в деревнях жалели меня и наставления всякие давали.

Вот шла я, шла, да в сумерках и вышла из лесу. Вижу — дорога не дорога, какие-то железинки длинные лежат, а под ними бревна строганы; не подумала я сразу, что это и есть железная дорога. Села на железину, сию, достала из пестерки колобок, сию да жую. Вдруг

слышу шум какой-то, я и жевать перестала, сижу и слушаю...

Вот тут-то из-за поворота что-то с ревом выскочило, показались два больших огненных глаза, и свет от них далеко идет, вверх искры летят и дым. И несется прямо на меня. Я через канаву — и в кусты. А оно-то налетело, да как заревет, заревет... Домики красные так и бегут мимо.

Тут-то я и догадалась, что вышла к железке, а это поезд... Добралась я до станции. Билет купила: в окошечко маленькую картонку подала.

После меня один мужик туда же билет купил. Я к нему: «Дяденька, мол, возьмите меня с собой, я ни разу по железке не ездила». «Что ж, говорит, ладно. Держись до меня». Вот я все хожу за ним, боюсь потерять. Куда он, туда и я. Поезд тут подошел, в вагон он помог мне влезть.

Вот поехали... Народу много, сесть негде, я под лавку залезла. Укачало меня, с устатку я и заснула. Слышу сквозь сон — кто-то меня за ногу тянет и сердито орет: «Вылезай, девка!» Вылезла я из-под лавки. Который с фонарем говорит: «Куда едешь?» Я сказала, а он про билет спрашивает. Подала ему картонку, а он смеется: «Так что же ты под лавку залезла?» Отвечаю ему: «А разве это запрещено?» Посмеялись они и ушли, а я дале поехала... А вот теперича здесь...

Валя прижала к себе Феню и проговорила:

— Молодец ты, Фенюшка! Хорошо, что приехала...

— Вот и другие так говорят...

Наступило молчание.

— А где я сегодня ночевать буду? — спохватился Артем. — Уже поздно, и я вас, верно, стесняю.

— Ночуйте с нами вместе... — предложила из дальнего угла одна из девушек. Все засмеялись.

— А верно, Артем, давай я тебя устрою на моей кровати, завесим ее простыней... Только пойду коменданта спрошу. Вы как, девушки, не возражаете? — крикнула Валя подругам.

— Нет, не возражаем, — раздался голоса. Девушки опять весело засмеялись.

Валя ушла к коменданту и скоро вернулась:

— Вот комендант дал ключ от изолятора. Комната эта чистая, никто в ней не лежал, тебе там неплохо бу-

дет. А то девчата у нас бедовые, смотри, уже и сейчас тебя смутили...

Артем хотел уйти, но Валя удержала его. Она поставила чайник на горячую печку-«буржуйку», стоявшую посредине комнаты.

За чайником они просидели за полночь, обсуждая вопрос об экзаменах, которые Артему предстояло сдать.

— Ничего, Артем, не бойся, — закончила Валя разговор. — Тебя даже без экзаменов могут принять... Да и экзамены легкие. Ты же знаешь, сюда идут учиться простые парни и девчата, прямо от станка да от сохи. Разве можно к ним предъявлять жесткие требования?..

Валя встала, прошлась по комнате и, подойдя к Артему сзади, с силой схватила его за плечи, начала трясти и приговаривать:

— Вот хорошо-то, что ты приехал, что мы вместе с тобой под одной крышей учиться будем!.. Ну, пойдем, покажу, где тебе спать придется.

Через неделю, сдав успешно приемные испытания, Артем был принят в число слушателей рабфака.

ДОБРЫЙ ДРУГ

В небольшой комнате общежития жили двенадцать человек. Посредине стояла печка-«буржуйка» с трубой, выведенной в форточку. Рядом — грубо сколоченный стол, а около него две скамьи и пара деревянных табуреток. На столе — горка алюминиевых тарелок, жестяные кружки. Ребята жили коммуной и готовили обед по очереди. Топчан Артема едва поместился между двумя друзьями.

Тут жили рабфаковцы разных курсов. Один из них уже в текущем году заканчивал рабфак, другие учились на втором и третьем курсах. Днем в помещении было тихо, все уходило на занятия, но зато утром и вечером стоял гомон и только изредка раздавался благодушно-сердитый голос:

— Тише, черти, мешаете читать!

На этот возглас кто-то из ребят или девчат резонно замечал:

— В читальне читать надо.

Артем быстро перезнакомился с жильцами комнаты, хотя он был старше многих из них. Ребята с уважением относились к боевому прошлому Клевцова, с восхищением разглядывали горевшие на его груди ордена.

Побывав на собрании рабфаковцев нового приема, Артем поделился с товарищами своими впечатлениями:

— Хорошо сегодня с нами, первокурсниками, ведущий побеседовал.

— А что он казав? — спросил его один из рабфаковцев, парень с Украины.

— Он легенду рассказал.

— Какую? — спросило несколько голосов.

— Из стародавних времен дошла до нас легенда. Вызвал к себе однажды царь-деспот прославленного мудреца и сказал ему: «Я не желаю попусту тратить время на изучение наук. Ты должен доложить мне их так кратко, чтобы я постиг все разом». Усмехнулся мудрец и ответил: «Увы, государь, в науку нет царского пути»...

— Э-э-э, — разочарованно протянул парень, которого звали Проша. — В прошлом году он нам то же самое рассказывал. Видимо, он всем новичкам это втолковывает: мол, не ленитесь, детки... А не говорил он вам о буржуазной профессуре, которая облепила все науки идеалистической шелухой, и о том, что эта профессура впала в классовый грех антипатии к новому, пролетарскому студенчеству?

— Да, об этом он тоже говорил.

— Вот видишь... А это ему невдомек, что нам по книгам этой «буржуазной профессуры» учиться приходится!

— Да книг-то еще и не хватает, — вставил другой рабфаковец, которого звали Сашка. — Приходится книги у букинистов покупать. Не купишь на нашу грошовую стипендию — на бобах останешься, на занятии ушами хлопать будешь.

— Чего там говорить, на одну стипендию не проживешь, — заметил Проша. — От этой стипендии в брюхе от голода урчит.

Артем был немного озадачен услышанным и спросил:

— А как же тогда?..

Сашка ответил:

— А так же... Ходим на железную дорогу вагоны разгружать. А многие девчата своей кровью торгуют.

Артем еще больше удивился:

— Это как же?..

— Про доноров слышал? Бутылка крови стоит пятьдесят рублей. А это, с прибавкой стипендии, два месяца жизни.

— Н-да... А меня в компанию примете? — усмехнулся Артем.

— Что, кровь сдавать?

— Нет, вагоны грузить...

— А с этим ты к Прошке обращайся, — ответил Саша.

— Как, Прохор, примете меня? — спросил Артем уже серьезно. — Не подкачаю...

— Ладно. В воскресенье в шесть утра идем на Северную дорогу. Будем соль разгружать. Хочешь — присоединяйся, — тоже серьезно ответил Прохор.

И вот раз в неделю, обычно в воскресенье, Артем вместе с бригадой рабфаковцев ходил на товарные станции грузить и разгружать самые различные грузы. Этот приработок к стипендии был большим подспорьем и скрашивал суровый рабфаковский быт.

После занятий Артем часто заходил к Вале, рассказывал ей о том, как идут дела, просил помочь разобраться в какой-нибудь трудной задачке. Однажды, когда он сидел у девушек, за дверью комнаты послышался топот многих ног и кто-то громко крикнул:

— Да включите свет-то!..

Рывком открылась дверь, и в комнату вбежал занывавшийся рабфаковец:

— Товарищи! К нам приехала Надежда Константиновна Крупская. Тебя, Верка, спрашивает... Говорит: «Вера Бондарева здесь живет?» Мы домой шли и ее на лестнице встретили... Себе не поверили, что это она...

Вера Бондарева, худенькая девушка с большими голубыми глазами, вскочила со стула:

— Ой, ты не врешь?!

Но в комнату действительно входила Надежда Константиновна, а вместе с ней многие рабфаковцы. Вера побежала навстречу госте и радостно закричала:

— Тетя Надя, вот не ожидала...

— Чего же ты не ожидала?.. — ласково спросила ее Крупская.

— Да вот... Что вы приедете...

— Почему же это? — спросила Крупская.

— И без нас забот у вас много...

Рабфаковцы освободили место у стола для дорогой гостии. Кто-то стал подкладывать в печурку дрова. Проша, схватив чайник, убежал за водой. Феня встала в сторонке и смотрела на все, чуть разинув рот. Артем и Валя подбежали к Крупской, чтобы помочь ей снять пальто.

В это время с шумом отворилась дверь, в комнату влетела рабфаковка и крикнула:

— Верка, где суп? — Смутившись, она прерывающимся голосом продолжала: — Ой... Надежда Константиновна!.. — и сразу попыталась стать незаметной. Вера тоже смутилась и объяснила Крупской:

— Вы простите, мы живем коммуной, а я сегодня дежурная...

— Ничего, ничего, что же тут такого... — все тем же сердечным голосом сказала Надежда Константиновна. — Пожалуй, и я твоего супу попробую. Надо же знать, как питаются рабфаковцы... Если найдется, и мне потом тарелку налей...

— А пока выпейте чаю, Надежда Константиновна, — Валя поставила перед гостией дымящийся стакан чаю, положила рядом кусок сахара.

— Спасибо, дорогая... — поблагодарила Крупская. — Я, Вера, зашла к тебе, чтобы договориться о том, какой памятник на могиле твоей матери поставить...

Заметив, что Крупская пьет чай без сахара, Валя воскликнула:

— Надежда Константиновна, сахар-то в кружку кладите!

— Ну вот, что вы, я так не привыкла, да и у вас это, верно, последнее, — щуря глаза, ответила Крупская.

— Да вы кушайте, у нас есть... — разноголосо загладели рабфаковцы, — у нас сахарину много...

В это время Феня подошла к столу и положила на него лепешку с картошкой и крупой.

— Вот, покушайте наши вологодские шаньги, я спекла, они вкусные...

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я сыта... А впрочем, я с удовольствием попробую. — Крупская отломла от шаньги кусочек и стала есть, запивая чаем.

Довольная Феня счастливо улыбнулась, отошла от стола и стала в сторонке.

— Почему же у вас на лестнице и в коридоре свет

не горит? — поинтересовалась Надежда Константиновна.

— Экономим, — ответила Вера.

— Экономите? Это хорошо... Электроэнергии пока в Москве не хватает...

Крупская внимательно разглядывала комнату и рабочих. Ее добрые, чуть выпуклые глаза излучали на все какой-то теплый свет. Остановив свой взгляд на Артеме, она спросила его:

— А вот вы...

Ребята подсказали: «Клевцов»...

— ...Кем думаете быть, товарищ Клевцов, по окончании института?

— Я машинами интересуюсь, — волеюясь ответил Артем.

— Машинами?.. Это хорошо... Metallургия и машиностроение — основа народного хозяйства. Не зря ликвидацию разрухи в стране мы начали с тяжелой промышленности и с транспорта. Значит, инженером будете?

— Да, хочу... Но до этого еще далеко: семь-восемь лет учиться надо.

— Желая вам выдержки и терпения. Нам своя интеллигенция нужна. А через семь лет и страна другая будет. — Крупская на минуту задумалась. — Да, совсем другая... многое изменится. Почва России сейчас вспахана глубоко, и урожай должен быть хороший...

Она оглядела ребят и добавила:

— Наверно, трудно, товарищи, вам жить и учиться?..

— Трудновато, Надежда Константиновна, но ничего. К лучшей жизни нам негде было привыкать, — за всех ответила Валя. — У нас тут бывшие слесари, литейщики, а я вот — ткачихой была...

Крупская помолчала.

— Да, это верно. Хорошая будет интеллигенция из рабочих и крестьян. Из вас, товарищи! А что трудно, тяжело живется, это я вижу, но немного уже осталось потерпеть. С разрухой мы справимся так же успешно, как и с ликвидацией военных фронтов. Конечно, мы бы скорей разруху ликвидировали и социализм в нашей стране построили, если бы имели свою техническую интеллигенцию. Но только сейчас к подготовке ее по-настоящему приступили...

— Знаете, Надежда Константиновна, — сказал Артем, — я заметил, что многие преподаватели на вопрос:

«Какой партии сочувствуете?» — отвечают: «Аполитичен». Говорят, правда, за последние годы таких ответов стало уже меньше.

— Это я знаю, — с грустью сказала Крупская. — Сейчас мы социализм в известной мере должны строить чужими руками, руками тех, кто еще с большой энергией работал на капиталистов... Но недалеко то время, когда вот вы вступите по-настоящему в жизнь. Тогда нам будет легче. У вас, товарищи, перед выходцами из буржуазных классов есть то преимущество, что вы еще до средней и высшей школы узнали жизнь, борьбу, испытали горе и нужду. Нам нужны в большом числе инженеры, металлурги, электрики, химики, текстильщики.

— У нас здесь специальности самые разные, но все больше по металлургии и по механике...

— Это хорошо,.. Это то, что нам надо.

Крупская взглянула на свои часы и произнесла:

— Извините, мне пора!

Она стала вполголоса о чем-то говорить с Верой.

Поцеловав девушку, Крупская встала и направилась к вешалке. Рабфаковцы подали ей пальто, платок.

— До свидания, товарищи! — Надежда Константиновна со всеми тепло попрощалась.

Провожавшие Крупскую рабфаковцы возвратились в комнату и молча расселись по своим топчанам. Было тихо, лишь булькала кипящая в чайнике вода. Заниматься сейчас никому не хотелось. Все были взволнованы неожиданной встречей.

— А откуда она, Верка, тебя знает? — спросила одна из девушек.

— Она мою маму знала...

— А кто твоя мама?

— Они в эмиграции вместе жили, я тогда еще ребенком была. Мама два года назад умерла...

Артем поднял от книги голову и сказал раздумчиво, обращаясь к ребятам:

— Мне вот кажется, что те, кто будет на нашем месте через тридцать—сорок лет, не поверят, что мы вот так жили и учились.

— Наверное, тогда рабфаки совсем другие будут.

— Может, к тому времени кто-нибудь из нас профессором станет.

— Да, наверное... И в лаборатории не надо будет за-

нимать очередь, чтобы получить колбу для опыта. И учебники будут у каждого.

— И у каждого хлопца, наверное, не один костюм будет...

— Вот тогда бы нам жить да учиться! — воскликнула мечтательно Валя.

— Да, жалко, что тогда нам будет уже под шестьдесят, — сказал Артем. — Ну, да ничего, мы дорогу проторим, а нашей смене по ней легче идти будет.

ЭПИЛОГ

Артем входил в здание Центрального Комитета партии. Его вызывал заместитель заведующего отделом кадров. Две недели тому назад ему вручили диплом инженера, и все эти дни, как и его сверстники по институту, он ждал назначения. Артем мечтал вернуться в Питер, в город, который он полюбил еще с детства и где у него было много хороших друзей; в прошлом году туда уехала и Валя... Вызов в ЦК был для Артема неожиданностью, и теперь, шагая по широкому, прохладному коридору, он напряженно раздумывал, что ему скажут...

Заместитель заведующего отделом оказался человеком пожилого возраста, с небольшой, начавшей седеть бородкой, в очках. Он чем-то напоминал Артему Лапшина. Поздоровавшись с Клевцовым за руку, он попросил его сесть и молча стал разглядывать посетителя. Под его взглядом Артем почему-то смутился и покраснел.

— Да ты еще краспеть не научился! -- улыбаясь воскликнул работник отдела кадров. — Ну, так слушай, дело у нас какое. Твоя фамилия — Клевцов?

Артем подтвердил.

— Постой, постой... — заместитель откинулся на спинку стула, пристально глядя на Артема. — Так ты не сын ли того Клевцова, который в Архангельске работал?

Артем кивнул головой.

Заместитель вышел из-за стола и беспокойно зашагал по комнате.

— Так я ведь твоего отца знаю... В ссылке вместе был и несколько раз в Питере встречался... Он, кажется, погиб там, на Севере, не так ли?

— Да. Интервенты превратили моего отца в «ледяного комиссара».

— Как? Как ты сказал? В ледяного...

— Комиссара... Его обливали на морозе водой.

— Понимаю...

Заместитель подошел к Артему, положил руку ему на плечо:

— Твоего отца все уважали... Ты можешь гордиться им!

Походив по комнате, он снова сел за стол, полпстал лежавшее перед ним личное дело.

— Так вот, Клевцов, речь идет вот о чем... В связи с районированием Северного края ЦК направляет туда на постоянную работу группу партийных работников. На днях туда выезжает бригада ЦК. Поработать придется основательно, ЦК располагает тревожными сигналами о правооппортунистической практике Вологодского губернского партийного руководства...

— Но ведь я инженер-механик. Что же я в Вологде делать буду?

— Мы знали это, когда тебя вызывали, — возразил заместитель начальника отдела. — Это и хорошо, что у тебя высшее образование, сам видишь, какая кругом стройка идет. Чтобы успешно руководить стройкой, желательно иметь высшее специальное образование.

— Но в Вологде, насколько мне известно, и заводов-то крупных нет...

— Сейчас нет, но будут. А потом, чтобы руководить деревней, сельским хозяйством, тоже нужны знания.

— Но я же не агроном, — продолжал свое Артем.

— Но ты — коммунист, да еще с августа семнадцатого года, и к тому же в заводском котле варился... Нам нужно обеспечить руководство деревней. Понял?.. Мы же тебя рекомендовать будем секретарем одного из организуемых райкомов партии! Вот к этому и сводится наш разговор... А как ты на это смотришь?

Артем даже слегка вспотел. Не об этом он мечтал

последние дни, он думал, что его пошлют на крупный машиностроительный завод, где сразу же можно будет приложить полученные в институте знания.

Заместитель начальника внимательно смотрел поверх очков на Артема; чувствовалось, что он хорошо понимает его сомнения.

— Не тебя одного сейчас партия на работу в крестьянскую губернию посылает... Что же делать, людей нужных не хватает... Милый мой, хорошим инженером трудно быть, а вот партработником — еще труднее. Нельзя открыть такой вуз, который бы готовых партработников выпустил. Тут не только знания и жизненный опыт нужны, нужно и умение понимать людей и работать с ними. Настоящий партийный работник — это самая высокая специальность, а при нашей стройке — специальность всеобъемлющая. Партработнику все надо знать — и людей, и как сталь варят, и как урожай поднять, и как турбины делать. Вот так-то... Тебе бы не хныкать надо: «Инженер, инженер», а благодарить тех, кто тебе высокое доверие оказал... Так как?

«Ои, конечно, прав», — думал Артем. Да, Клевцов всегда был и останется верным сыном партии и ради нее готов на все — даже отдать свою жизнь. А поэтому и сейчас долго раздумывать он не собирается.

— Когда надо выезжать? — спросил Артем.

— Вот и хорошо. Я так и знал что не будешь упорствовать, — радостно вздохнул работник ЦК. — Тут вот, понимаешь, до тебя был у меня такой, такой... человечек. Так он меня в семь потов вогнал: у него и жена больная, и он сам болен, и теща не поедет... Делайте со мной, что хотите, говорит, а ехать не могу. Понимаешь, целых три часа тянул канитель эту, замучил меня. Придется передавать дело на рассмотрение парторганизации — что же делать... Так когда ты сумеешь поехать?

Артем не сразу ответил, раздумывая о чем-то своем.

— Чего же ты молчишь? Может, семейные дела смущают? Если нужно, мы можем устроить, чтобы жена или родные уехали с тобой.

— Я неженатый... но есть к вам просьба.

— Говори какая.

— Я давно об этом думаю... Мне надо съездить в Архангельск, побывать на могилах отца и невесты. Понимаете, надо...

— Вот оно что, — заместитель начальника помолчал. — А это ты, пожалуй, правильно решил. Съезди, обязательно съезди... А после Архангельска — прямо в Вологду и там присоединишься к бригаде ЦК. Так?

— Спасибо, — горячо поблагодарил Артем.

Он встал. Работник отдела кадров вышел из-за стола, крепко пожал на прощанье руку Артема. Он был взволнован.

— До свиданья, Клевцов! Желаю успеха и счастья в новой жизни. Ты сам знаешь — легкой она не будет... Но мы верим в тебя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Сговор	3
В город	10
Таракан	14
Письмо	25
Рыжий Сенька	29
Поручение	33
Едут на фронт	37
В запасном полку	43
В Питер	53

ЧАСТЬ II

В барской квартире	57
На заводе	67
Снова вместе	75
Началось!	82
Встреча	87
Ответственное дело	99
Матрос Постойко	109
Серьезный разговор	113
За оружием	117
По путевке Смольного	121

ЧАСТЬ III

Шеф-повар	132
Красногвардейский отряд	135
Старый знакомый	141
В западне	150
Тараканье гнездо	156
Психология	162
Особое задание	171
Через бурелом	173

ЧАСТЬ IV

Зина	188
Нежданная встреча	196
Прогулка на яхтах	203
Будни	212
Облава	219
«Ледяной комиссар»	221
По зову сердца	226

ЧАСТЬ V

Остановка	229
Дерюгин	239
«Прачечная»	247
Письмо	254

ЧАСТЬ VI

Баня	260
На Гороховой, два	265
Встреча на Сенной	270
Он будет учиться	276
В Москве	278
Добрый друг	283

ЭПИЛОГ	290
------------------	-----

Петр Григорьевич Куракин
«Горячие сердца»

Редактор А. А. Девель
Художник Г. А. Курочкина
Технический редактор В. А. Преснова
Художник-редактор О. И. Маслаков
Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 14/XI 1966 г. Подписано к печати 17/II 1967 г.
Формат бумаги 84×108¹/₂. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 15,54
Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 50 000 экз. М-09102. Заказ № 1736

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата. Фонтанка, 57
Цена 57 коп.

12

74

95

00

